

Игорь Н. фон Бекман

Отчёты о семейных путешествиях

Приведены отчёты о некоторых походах проф. И.Н. Бекмана, с участием членов и его семьи: жены, к.б.н. Эдит Мироновны Бекман (Ида) и дочери, к.х.н. Натальи Игоревны Бекман (Ната), а также некоторых подруг. Более подробно освещены походы: **Крым** (1952, п/л Артек, горный поход; 1962, Севастополь – Алушта, горный поход с однокурсницами), **Карелия** (1965, байдарка, Петрозаводск – реки-озёра – водопад Гирвас – р. Суна – Кондопога – Кижы – Соловки), **Белое Море** (1975, Кандалакша – мыс. Кочинный, весенние подводные погружения с аквалангом; 1976, птичий заповедник, район Кандалакши, зимние купания подо льдом полярной ночью; 1977 – Кандалакша, мыс. Кочинный, погружение дочери, Кижы, Ленинград Павловск Перегоф; 1983, зимний лыжный поход, Кандалакша с дочерью и её одноклассниками, дельтоплан; 1991 – Кандалакша – Кольская АЭС – оз.Имандра – мыс Кочинный, Пояконда, ББС), **Подмосковье** (1956 – район Бужаниново, лыжи; 1957, Можайск – Бородино; 1961 – леса Дмитровского района, даём концерты в клубах; 1962, агитпоход, река Дубна, Ианьковское водохранилище байдарка; 1965, байдарка, Клязьминское водохранилище; 1973 – по Мещёре, байдарка, реки Бужа, Пра и Ока, Рязань); 1979 – майский байдарочный поход по р. Протве, Верея Боровск Обнинск; 1979, байдарочный поход по р. Тверце Торжок Тверь, р. Волга Конаково; 1981, байдарочный поход по рекам Протва и Ока, контакт с бакеном, **горный Алтай** (1964, экспедиция 2-го ГГУ; 1967, Телецкое озеро и река Бия, байдарка; 1970, горный поход от Катуня до Чулышмана, спуск по Бие, катастрофа; 1974, горный поход, Тюнгур – оз. Кучурла – Аккем – Аккемская стена горы Белуха; 1978, Чибит – Орой – оз.Шавло – Самультинский перевал – Акташ), **Кавказ** (1976, Казбеги – Гергетский ледник горы Казбек – Пассанаури – Чаргали – Тбилиси – Гудаута), **Дагестан** (1982, Каспийск, Турали-7 и далее поход по берегу Каспийского моря к берегу Курдюмова), **Байкал** (1979, Иркутск, переход по озеру на катере, Листвянка, исток р.Ангара, я в бороде; 1992, Слюдянка, Байкальск, на пароходе по Байкалу, устье реки Селенги), **Казахстан** (1983, горный поход, Алма-Ата – Заилийское Алатау – Курсайские озёра – оз. Иссык Куль – Чолпон-Ата – г. Фрунзе; 1984, зимний горный поход с альпинистским уклоном: Медео – Малая Алмаатинка – альплагерь Туюксу – покорение пика Абая, горные лыжи; 1988, горный поход, Алма-Ата – озеро Иссык-Куль; 1986, поход Алма-Ата – верховья Малой Алмаатинки; 1988, горный поход Алма-Ата – Иссык Куль – Чолпон-Ата).

Заметки по анализу и управлению риском.

Экспедиции, походы за границей, командировки и работа в стройотряде на целине, дни Химика в МГУ, худ.самодеятельность, картошка, строительство МКАДа.,отдых (и походы) на курортах, командировки по Россией и по чужих странам, походы за границей и т.п. описаны в других текстах. До отчётов о сложных и опасных путешествиях без членов семьи руки так и не дошли.

Москва, 2018

Оглавление

ПОХОДЫ – краткая информация	3
КАРЕЛИЯ и СОЛОВКИ	10
Сволочи.....	32
Карельский порог.....	35
БЕЛОЕ МОРЕ	37
Отливы	40
Зимние купанья.....	41
Обманула	47
ГОРНЫЙ АЛТАЙ.....	49
1966 Телецкое озеро - река Бия (байдарочный поход).....	50
1970 Катунь-Чулышман-Телецкое озеро-Бия	74
1974 Катунь-Тюнгур – Кучерлинское озеро – подножие Белухи – Аккемское озеро – Катунь.....	84
1978 Горно-Алтайск – Чибит – Орой – река Шавла – озеро Шавло – Катунь – Аргут – Бийск	123

ПОХОДЫ – краткая информация

Путешествовать я начал сразу, как стал ходить. Жизнь в дачной местности этому способствовала. Сначала по лесам вокруг Клязьмы, Тарасовки, Мамонтовки, Пушкина, потом – по грибным местам Подмосковья (в основном по Ярославской дороге), а с освоением велосипеда, потом мопеда – на более дальние расстояния. Бродил я один, иногда с каким-нибудь приятелем или подругой, а так же с племянницей Татьяной. Зимой – на лыжах с собакой, и летом попутно купаясь в Клязьме, Уче или Серебрянке (а в Кутуарах (Лесном Городке) – в двух местных прудах). С классом сходил в два похода: зимой в Бужаниново и летом на Бородино. В годы учёбы в Университете организовал агитбригаду и с ней совершил несколько походов с концентриками во встречных клубах. После окончания МГУ много путешествовал, в основном на байдарках: чуть ли не по всем рекам Подмосковья (с женой, потом с ней и с дочерью, по Карелии, по Горному Алтаю (4), по Кавказу, по Байкалу (2) и к озеру Иссык-Куль (2). Я и Ида выполнили полторы нормы Мастера Спорта СССР (каждый!) по горному туризму, 1-й разряд по слалому на байдарке. Некоторые из походов можно отнести к частным экспедициям, так как помимо физкультуры, решались и научные задачи.

Приключений было много, все не опишешь. Остановлюсь лишь на некоторых.

1957

В весенние каникулы (март) всем классом (9-й класс Клязьминской средней школы №3) ходили в лыжный поход. По ярославской дороге доехали до станции Бужаниново, откуда пошли, прокладывая в лесу лыжню (километров десять) до какого-то колхоза. Уморились, особенно – таща по-очереди тяжёлый немецкий аккордеон. Ночевали на столах конторы колхоза, которую разнесли в пух и прах. Ночь не спали (куролесили). Днём осматривали коровник. Коровы примерзали к земле, покрытой остатками соломы, и не могли встать. Собирались дать концерт в клубе, но нас туда почему-то не пустили. Ночью уныло, теряя лыжи, тащились на станцию.

1957

В июне пошли в поход на Бородино. Доехали до Можайска, где осмотрели красивую церковь на высокой, насыпанной крепостными, горе. Потом долго и утомительно (рюкзаки тяжёлые) тащились до Бородинского поля, которое пересекли и разбили палаточный лагерь на берегу реки Колычи. (Потом я в тех краях командовал отрядом студентов, убравших картошку). Неделью бродили по полю, осматривая редуты, батареи, холмы и многочисленные памятные знаки (не только в честь войны 12-года, но и в честь 2-ой мировой – в тех краях тоже шли бои, хотя и менее известные). Посетили музей и послушали экскурсовода. Должны были пробыть 10 дней, но среди нас начались первые сексуальные отношения, и учительница, опасаясь последствий, сочла необходимым срочно вернуть нас домой.

1961

Созданный на целине коллектив трансформировался в агитбригаду. Я стал её начальником, пел («пой, как Света!»), плясал (как медведь), участвовал в сценках. Один раз ездил в Таманскую дивизию, где в коллективе выступал перед солдатами. Пели мы много – всегда хором и во всех местах, где можно и где нельзя. Были лирические песни, целинные, факультетские, но преобладала блатняга – наша фронда.

На майские праздники пошли в агитпоход под моим чутким руководством. Шли по лесам Дмитровского района (от Дмитрова к Талдому, Савёловское направление). Места довольно глухие, поражало несоответствие карт реальности: хорошо обозначенные на

карте дороги в реальности отсутствовали, зато прекрасные шоссе, по которым мы шли, блистательно отсутствовали на карте. Предложил способ использования фотоэкспонетра для определения стран света (вместо компаса). Всю дорогу Лена Фишилевич выясняла отношения с Валерой Муравьевым, а мы их мирили. Праздники, в клубе зритель – в подпитии, артисты – тоже, наши концерты пользуются большим успехом.

1962

В майские праздники отправились в агитпоход по реке Дубне и берегу Иваньковского водохранилища (с концертами и В.Петросяном). Комсомол нас слегка спонсировал. Я был начальником. Начали в Вербилках. С ночёвкам шли лесами, потом вышли к реке Дубна, спустились по ней до Иваньковского водохранилища, там попали под сильный дождь и укрылись на спасательной станции («Водка есть? Чтоб не было!»). Дали два концерта в колхозных клубах. Пели песни Б.Окуджавы. Играли спектакль по рассказам О.Генри; мы с Валерием Рочевым исполняли финский танец. Я его поднял на вытянутые руки, в это время Михалёв за сценой завопил: «Где моя нижняя юбка?», я отвлекся и нечаянно сбросил Рочева (т.е. будущего учёного секретаря Института химической физики и преподавателя МИФИ) в партер.

1965

После защиты дипломов, мы с женой и ещё одной парой (Марк и Наташа) на двух байдарках отправились в поход по Карелии. Перед этим мы с Идой предприняли пробное плавание по дальнему углу Клязьминского водохранилища. Для нас это был первый серьёзный поход на байдарке (новый красный Салют, здоровый, неповоротливый, но прочный и надёжный), а маршрут был сложный – включал систему озер, мелких и крупных рек, таежные волоки. Мы боролись, то с ветром и огромными волнами на больших (не видно берегов) озерах, то с камнями и стоячими волнами на порогах, перекатах, то с бревнами молевого сплава. Однажды прокатились по какому-то водопаду, обложенному по бокам завалами бревен. Начали недалеко от Петрозаводска, а закончили у Кондопоги, посетив по пути водопад Гирвас и реку Суну. Из Петрозаводска (тогда я не знал, что там живет целый клан Бекманов, а то бы посетил) на пароходе отправились на остров Кижы, где немного пожили в палатке (тогда там было тихо-пустынно и досаждали только змеи). Осмотрели знаменитые деревянные храмы, которые тогда собирались реставрировать. Когда-то на острове были металлургические заводы. Сейчас следов не осталось. На обратном пути попали в сильнейший шторм, так что пришлось ночевать в первом попавшемся заливе. « Советском союзе Калерия Борисовна только одна!», «Я не биолог, слава Богу». В конце похода денег у нас осталось только на обратный билет до Москвы. Однако мы отправили байдарку тихой скоростью, а сами (только я и Ида) рванули в противоположную сторону – на Белое море в город Кемь, с деревянными мостовыми. Там погрузились на катер военной базы и перебрались на Соловки – место паломничества тогдашней интеллигенции. Там осмотрели монастырь (великое сооружение, внутри сильно разрушенное лагерем, военной базой и училищем юнг), прокатились на лодках по системе узких, но глубоких каналов, слазили на все вершины, покушали знаменитую соловетскую селедку, понюхали гнилые водоросли – ламинарии. Прониклись старой и новой историей. На пирсе – толпа бешеных интеллектуалов (образованцев) , давка. На обратном пути посетили Ленинград, где немного погуляли. Всё – без денег. Вот времена были!

1966

На майские праздники отправились в пеший поход по подмосковной тайге в верховьях реки Клязьма. г. Солнечногорск, озеро Сенеж, далее по лесам. Попали на

военный полигон (они там везде) и чудом увильнули от артиллерийского обстрела. На поляне сыграли в футбол.

1966

Летом мы с Идой взяли байдарку и отправились на Горный Алтай – на Телецкое озеро. Поездом доехали сначала до Барнаула, а затем до Бийска. Немного пожили на турбазе (левый берег Бии, палатки). Оттуда на грузовике с туристами отправились на Телецкое озеро, 270 км. Грузовик с падающими скамейками, уникальная пыль, превратившая нас в негров, паром через Бию, профиль В.И.Ленина на середине отвесной скалы, ночевка у озера Куреева, интеллигенты чуть не растоптали сложенную байдарку; Алтын-Кёль, Золотое озеро, глубина 325 м, 71 речка впадает, одна (Бия) - вытекает. В пос. Артыбаш спустили байдарку на воду и поплыли по кругу, заходя в бухты и уходя по распадкам и речкам в пешие радиальные маршруты. Телецкое озеро необычайно красиво – огромная масса чистой воды, зажата в поросшие лесом скалистые и весьма крутые горы, с которых вниз падают ручьи и водопады. Но это в прекрасную погоду. А когда ветер, то на озере возникают гигантские волны, которые с диким грохотом бьют о скалы. Пристать к берегу невозможно, но и плыть дальше нельзя. Все это мы на себе испытали, когда попали в крутую грозу. Так за день (на обратном пути, страшная гроза, молнии бьют в воду) и проскочили всю длину озера (70 км). Но сначала мы шли вдоль восточного берега. Посетили Яйлу – бывший центр заповедника (сад мичуринца Рачкина). Зашли в камгинский залив, переночевали в зимнике, а потом пошли по распадку реки Камги (от дресьвы до дресьвы) искать водопад Большой Шалтан. Идти пришлось прямо по воде сквозь сплошной бурелом, проросший высокой травой. Встречались медведи. Но не бурелом и медведи нас волновали, а впечатлили клещи (энцефалитные!), которых было видимо-невидимо. В добавок, пошёл дождь, уровень реки резко поднялся. Вода залила все ущелье и отрезала путь домой. На наше счастье мы встретили двух рыбаков, которые отвели нас в старый зимник. Там мы заночевали. Вернее всю ночь в голом виде просидели на нарах, меланхолично снимая с себя клещей и бросая их на раскаленную буржуйку. Дождь кончился, вода спала, вернулись, там туристы, мы предупредили о клещах – они посмеялись, о чём горько раскаялись. Потом мы продолжили путь на байдарке вдоль озера. Водопад Корбу – стена воды высотой 12 м. Лесничий в Кабыровском заливе («Клещей хватать?»). Чири – сад метеоролога и садовода Смирнова. Достигли ущелья Чулышмана и попытались подняться на лодке по этой реке вверх до Балыкчи. Дикие усилия по гребле продвинули нас против течения примерно на километр, после чего нас скинуло обратно. Приют Кырсай, заросли тростника. Мы обошли все озеро по периметру. Как известно, из Телецкого озера вытекает река Бия. Она начинается мостом и порогом. На этом этапе к нам присоединилась еще одна байдарка (два парня из лаборатории при Московском ламповом заводе). Мы вместе рванули вниз. 25 километров непрерывных порогов, среди которых один пятой (высшей) категории сложности, а два – четвертой. Летели, как на курьерском поезде. Двухметровые стоячие волны вертели наше судно, как щепку «В таких лодчонках по нашей реке плавать нельзя!». Но все обошлось, пробили один раз шкуру выше ватерлинии и все. Потом несколько дней плыли вниз до Бийска и хотя течение было быстрым непрерывно гребли. Всего по воде преодолели порядка 500 км. В Бийске съели гигантский арбуз и отправились в Москву на поезде из Бийска.

1967

Байдарочный поход с Идой по реке Воря на майские праздники, от Хотьково - Красноармейск. Захламлённая река. Плотины и текстильная фабрика.

1968

Майский байдарочный поход по реке Кержач, большая вода, поэтому начали довольно высоко, недалеко от города Александров. Трое (я, Юра Бит-Геворгизов и

Алексей Михалёв) в двухместной байдарке. Завалы, топляки, многочисленные разрушенные плотины ("топляк видишь?"), г.Кержач со смешным памятником Ленину. Встреча с Ниной Соколовой, девочкой из нашего класса, река Клязьма.

1969

Летом байдарочный поход (Я и Ида) по реке Нара. Маршрут Нарофоминск – Серпухов.

1970

С Идой отправились в пеший поход по Горному Алтаю (примерно по 77-му туристскому маршруту, ~200 км пешком). Сначала добрались до Горно-Алтайска (Майма), а затем по Чемальскому тракту до курорта Чемал (родник «Золотой ключик», Усть-Сема, попутка с хлебом, правый берег Катуня горно-климатический курорт, пос. Эдиган, Катунские щеки, бушующий могучий поток). Оттуда через несколько хребтов (Сумультинский, Улаганский и др.) перевалили в долину Чулышмана. Снег на перевалах. Озеро Уймень, дикие скалы, как гигантские перья, воткнутые с размаху в землю. Шли в полном одиночестве. Нормальных карт не было, возникли проблемы с ориентированием. Пришлось преодолеть, четырнадцать перевалов. Поскольку мы шли в безлюдку на месяц, у нас были чрезвычайно тяжелые рюкзаки. О том, чтобы оторвать рюкзак от земли не могло быть и речи: лично я под свой мог только подползти. Такие рюкзаки невозможно нести по равнине, а тут – пересеченная местность (и ещё как пересеченная!), высота (2700 м на перевалах), нехватка кислорода, обрывы и осыпи, каньоны и реки, которые как-то надо преодолевать. Реки же бурные, а вода холодная. Уродовались мы страшно. Ида перед каждым подъемом на перевал принимала валидол. У неё обострилась астма, чуть не померла на перевале Штатив (крутизна склонов, узкие каменные карнизы, осыпи, веревки нет, крутой спуск, перевал четвертой сложности). Перевал Танис: переход через пропасть по бревнышку, Ида повисает с рюкзаком вниз головой. Но мы преодолели все трудности и в одно прекрасное утро вышли к долине Чулышмана. То, что этот каньон самый глубокий в мире (почти полтора километра) я знал (да и бывал в нём уже два раза перед этим), но действительность превзошла все ожидания. Мы непрерывно бодром шагом спускались 13 часов! По дороге посетили интересный водопад, а к реке вышли буквально на полусогнутых (это при том, что продуктов у нас практически не осталось, и рюкзаки полегчали). На катере пересекли Телецкое озеро и на турбазе в Артыбаше стали думать, как выбираться. Автобусов не было. Решили сплавляться по Бие на огромной лодке с туристами. Ни пороги, ни волны такую лодку особенно не волновали – она лишь качалась. Но на Кабыровском пороге мы исхитрились врезаться в паром. Лодка немедленно развалилась, возникла страшная паника, туристы принялись давить друг друга, а мы с Идой оказались в воде. Я пересчитал спиной все ребра понтона (шрам есть до сих пор), прокатился по камням порога, но выплыл и даже спас штормовку с паспортом и деньгами. Ида же благополучно проскользнула вдоль понтонов и отделалась лёгким испугом. Нас

подобрал молоковоз и отвёз в пос. Турочак, откуда мы на Ракете отправились в Бийск (больная спина, чугунный рюкзак). Потеря денег и их находка. На поезде перекладных: Бийск – Москва добрались до дома (спина болит, мокрая одежда и спальники, плацкартный вагон).

1973

Мы с Идой путешествовали по Мещере. Байдарочный сплав по рекам Буже, Пре. Закидывались на автобусе. Реки быстрые, но между ними обширные озёра, сплошь поросшие камышом в рост человека. Куда нам плыть? Вставали поздно, собирались долго, но продвигались довольно быстро. Достигли Оки, попытались подняться вверх по течению (так ближе к пристани) – бесполезное дело, снесло вниз. Вечером нас подобрал Бакенщик, который шёл не торопясь, зажигая огни. Ночь в одиночестве провели на пристани, как пулемётные очереди трещали цепи дебаркадера. Утром пришла Ракета и с ветерком доставила нас в Рязань, откуда уже на поезде мы добрались до Москвы.

1974

Путешествие вдвоем с Идой по Алтаю (10-летие ЗеКа). Долетели до Барнаула, там пересели на Як-40 и перелетели в Горно-Алтайск. Горный туризм во всём цвету. В Майме с трудом погрузились в автобус (билетов не было на неделю вперёд), совершили бросок по маршруту: Бийск – Горно-Алтайск – пос.Шебалино (маралосовхоз) – Усть Кан – Усть Кокса – Тюнгур. Об этих местах слышал с детства, тут случилась засада крестьян, восставших против большевиков, и был полностью вырезан отряд красноармейцев под командованием Сухова, тот самый отряд, в котором воевал мой отец (сам он тогда остался на Бухтарме (Западный Алтай), скрываясь от белого восстания в бане его предводителя, под крылышком его дочери, параллельно исполнявшей обязанности любовницы отца). Горящие леса, запрет на походы, взятка паромщику, переправа через Катунь. Долгий и трудный (тяжелые рюкзаки подъём по долине реки Кучерла. Кучерлинское озеро (мешок воблы с неба). Катунский хребет – перевал Рига-Турист (камнепад в кулуарах, мощные курумники, высота – за 3000 м - дождь, снег, мы замерзаем, нас спасает пастух–алтаец), стойбище, юрта. айран – Аккемское озеро – Аккемская стена – ледники – гора Белуха (4506 м – высшая точка Сибири) – метеостанция – перевал Кузуюк – река Кучерла – река Катунь – Тюнгур – Усть-Кокса – Бийск. Ссора с Идой. Трудный путь назад: штурм поезда в Бийске. Обед на примусе в вагоне. Новосибирск – аэропорт Толмачёво, на самолёте в Москву.

1975

Байдарочный поход (Ида, Наташа) по рекам Кержач (*оса!!!*, Мешёра, бобры) и Клязьма. Долго пешком тащили мокрые байдарки.

1975

На майские праздники отправился в Кандалакшу (Белое море) купаться. Ночь стоял за штурвалом шхуны Арго (*на море кочек нет*). Адиль Искендеров – капитан. Зимник на мысе Кочинный. Осваивал акваланг и совершил первые погружения. Медузы, с щупальцами в виде фиолетовых конских волос, заросли водорослей-ламинарий, морские звёзды, размером с миску, актинии, аметисты и киты. Моторные лодки, отливы-приливы, треска и утки. Занятия подводным спортом в бассейне МГУ. Я – аквалангист.

1976

В январе (страшный мороз) по приглашению своего студента Адила (Алика) Искендерова отправился на Белое море на подлёдные погружения; купался в заливе, (день хода по льду от Кандалакши) на острове – территории Заповедника. Полярная ночь, воздух -36, вода -1,5°, толщина льда 110 см, резка льда для полыньи, северное сияние.

Погружения в прорубь с аквалангом под руководством ювелира Хоренкова. Вынырнул с трудом. Парашютистка Вера порвала уши, пришлось Алику на ней жениться. Размышления о подводном буксируемом детекторе ионизирующей радиации. Для повышения квалификации в Москве занялись (вместе с Искендеровым) подводным спортом: военно-морской бассейн «Дельфин» и 12-ти метровая башня. Трудная медицинская комиссия. Сдача экзамена (вязание морских узлов). Получение диплома, позволяющего мне работать в качестве профессионального водолаза.

1976

Поход по горам Кавказа (с Идой и Наташей). Маршрут: Владикавказ – Военно-грузинская дорога – река Терек – Дарьяльское ущелье – турлагерь в посёлке Казбеги (Степанцминда, высота 1744 м., реликтовая роща, старый храм, музей писателя и поэта Александра Казбеги, его персонаж Коба (разбойник, грузинский Робин Гуд) – Сталин) – подъём на гору Казбек (Гергетский ледник) – Крестовский перевал на автобусе, Пассанаури (родина хинкали, минеральные источники, слияние Белой и Чёрной Арагви), пеший переход, через лесные горы в Чаргали (на турбазе шашлык из форели, музей поэта (Важа Пшавела, 1861-1915), общение с его сыном писателем Вахтангом Разикашвили, твёрдый, как камень овечий сыр и водка, – готовность к драке на автобусной остановке) – Военно-грузинская дорога, на туристском Икарусе – выбитый вишней глаз – Тбилиси (тётя Акка) – Гудаута (домик у моря, абхазы-грузины – зреет конфликт).

1977

Белое море (Ида и Наташа): Кандалакша, парад Военно-морского флота (Наташа за штурвалом), переход на Йольдии (Наташа за румпелем, штурвала нет, преферанс в кубрике) – мыс Кочинный, акваланг, попытка погрузить Наташу, водные лыжи, киты, ловля трески. Приливы и отливы, чёрные пески, Наташи, подводные залежи аметиста. Кизи (в тот же день оттуда нас выкинули) – Ленинград – Павловск – Петергоф: фонтаны, балет и фейерверк. Эрмитаж и Петропавловка.

1978

Поход по Алтаю (Ида и Наташа): Бийск – Онгудай (ночевка под кроватью, попутка – газик с пьяным шофером, рюкзаки – отдельно на прицепе грузовика с кирпичом) – Чибит (а вещи где?), мост через Чую – Орой – Шабала – р.Шавла – оз. Шавло (идолы, снежная лавина, поход на ледник, подъём на перевал, снежная буря, холодная ночёвка в засыпанной снегом палатке, спуск обратно к Шавло). Самультинский перевал взять не удалось. Река и ущелье Аргут. Цветное фото, слайды, кино бмм. От моста через Чую до Акташа на открытом грузовике. Ночёвка в Акташе в палатке на берегу речки. Горно-Алтайск – гостиница – Бийск, в Москву билетов нет. Штурм поезда, ночь на третьих полках, Новосибирск – поезд до Москвы.

1979

Майский байдарочный поход по реке Протве с Идой, Наташей, коллегами Иды из 2-го Меда и их мужьями – психиатрами из Кашенко. Города Верея, Боровск, Обнинск. Я из забора изготавливаю нос байдарки. Половодье. Много байдарок, на некоторых чуть ли не грудные дети. Утопленница.

1979

Летом байдарочный поход (Ида, Наташа) по Тверце (небольшие пороги), платформа Осеченка, Ленинградская ж/д, г. Торжок, г. Тверь, Волга, Иваньковское водохранилище, спорт лагерь Конаково, победа в соревновании по гребле на распашной.

1981

Байдарочный поход по рекам Протве и Оке (с Идой и Наташей) до Павелецкой ж/д. Прыжок с двухэтажной плотины и контакт с бакеном. Наш последний байдарочный поход.

1982

Пеший поход по берегу Каспийского моря. С Идой, Наташей и В.Овчаренко. Турали-7 – база МГУ (крысы, рыбнадзор – главный браконьер, овечьи шкуры, понос, гигантский и пустой пляж) – переход по берегу моря, по крупным курумникам к компании Курдюмова К. (Школа Бекмана на берегу Курдюмова), источник полупресной воды, купания.

1983

Зимой поездка в Кандалакшу с Наташей и её одногруппниками. База аквалангистов в Кандалакше и Алик Искендеров – её начальник. Лыжи, дельтаплан, Подготовка к погружениям с аквалангами под лёд. Отмена водолазных работ. Приключения Димы Крылова.

1983

В августе с Идой и Наташей поход по маршруту Алма-Ата – озеро Иссык-Куль. Участвовал В.Шестаков и другие алма-атинцы. Перевал через хребты Заилийского Алатау. Цепочка трёх горных озер. Наташа на лошади. Стоянка в зарослях на берегу Иссык-Куля, высокие горы на том берегу, Чолпон-Ата, г.Фрунзе, Алма-Ата. С железом (и ножом) по железной дороге.

1984

Походы вокруг Алма-Аты. Альп-лагерь ночной переход Медео – Чумбулак – Туюксу. Баня на высоте 3000 м в Воинской части. Покорители Эвереста. Подъем с Шурой на пик Абая (-35⁰С, валенки, ледоруб, высота 4300 м, отсутствие акклиматизации, спуск по замерзшему водопаду). Танк-альпинист. Я – горнолыжник.

1988

Путешествие по маршруту Алма-Ата – озеро Иссык-Куль, я и Курдюмов с Брониславой, супруги Компаниец, Леха Уникум с женой, сестра Габиса. Курсайские озера, перевал, Чолпон-Ата – курорт в палатке, спасение утопающей.

1991

Путешествие по Белому морю (с ИМ, Кандалакша ББС+Т.А. Бек, Кольская АЭС + Искандеров - профессиональный водолаз, фотопленка в обмен на пропуск в Кольскую АЭС, озеро Имандра, Лейла с дохлой чайкой, Пояконда и пьяная моторка, ББС – беломорская биологическая станция, зубатка и мой нос, поход по литорали (Ах, какие кашки!), купанье в пресном озере голых студенток, наш корабль таранит причал. На блюде (спасательном боте) Икендерова – ночью по заливу, вкусная уха (чем крутить штурвал?!), скала с катером на верху – памятник погибшему Хоренкову, лагерь московских аквалангистов, купанье ИМ и Лейлы в гидрокостюмах, ягоды и рыба, ториевые пески и монацит.

КАРЕЛИЯ и СОЛОВКИ

В апреле 1965 года я учился на шестом курсе хифака МГУ и готовился к очередной экспедиции. В поликлинике МГУ мне сделали прививку от энцефалита, и заразили желтухой. Так что вместо тайги я отправился в инфекционную больницу на 21 день. Выбрался оттуда крайне ослабленный с больной печенью аккурат перед защитой диплома. Защита прошла хорошо, хвалили, предрекали защиту кандидатской через два года (ушло семь). Жена Ида не стала брать академический отпуск на рождение дочери и защитилась в один день со мной на кафедре природных соединений (у Шабаровой и Швачкина). Меня оставили на кафедре в должности ассистента (редкий случай, я другого такого не знаю). За будущее я был спокоен.

После защиты дипломов, мы с женой купили байдарку: ярко красный Салют – новинка нашей промышленности. Лодка двухместная, не скоростная (каплевидной формы – передняя часть шире задней), неповоротливая, но прочная и надежная). К сожалению, никто из нас на байдарке не плавал. Не только на Салюте – вообще ни на какой. Как с ней управляться непонятно.

Карта байдарочного маршрута.

Решили, что надо её и себя испытать в деле. Потасили лодку в Химки и оттуда на Ракете на подводных крыльях отправились в самый дальний угол Клязьминского водохранилища. Долго собирали лодку, никак она не монтировалась, затем пытались совладать с вёслами, окатывали друг друга водой и задевали напарника веслом по голове, черпали бортами воду и разбивали руки о фальшборт. Я сидел впереди и пытался педалями управлять лодкой. Получалось плохо. Чуть не перевернулись. В конце концов, я сел сзади, сделал петли из рулевых верёвок, вдел в них ноги, Ида утвердилась впереди, нос лодки задрался, как у торпедного катера и мы поплыли. Так потом и действовали в дюжине последующих байдарочных походов. Особо тренироваться было некогда: пароход долго шёл сюда, долго – обратно (летел он быстро, но расстояния большие), вечность собирали, а потом разбирали и сушили байдарку, так что тренинг длился менее часа. Но мы уверились, что мы – спецы, годные для преодоления любых трудностей водного туризма.

Намылились в Карелию, край интересный, там и реки, и озёра. Мы там не были, но много слышали. Интеллигентный человек должен приобщиться.

Отправился в городской тур-клуб, что на Садовом кольце во дворе дома-комода Чехова. Там – множество отчётов по водным маршрутам по Карелии. День напряжённого труда, и я составил план своего путешествия. Перечертил авторучкой и карандашом на

кальку детали пути. Заодно что-то прочёл о Кижях и Соловках. Из детской клеёнки (благо дочери было полтора года, и она в них уже не нуждалась) сшили и склеили длинные мешки для спальников и одежды. Крушения нам не страшны. Но всё же первый раз плыть одним на байдарке стрёмно. Ида нашла нам пару: Наташу, которая делала диплом на той же кафедре и её приятеля Марка. У них байдарка была, и они один раз на ней сходили по речке Наре. Погрузились мы в поезд (с лодками и туристским барахлом это не просто) и поехали.

В Петрозаводске завфрактовали машину. Сложили в "Волгу" байдарки, рюкзаки, сами легли сверху, размесившись где-то под потолком. Добрались до первого озера, выгрузились и начали собирать лодки. У нас каркас из дюрала. Он выдержал издевательства, а у коллег – Луч на деревянной основе. Наташа встала в лежащую на земле лодку и сломала стрингер. Пришлось мне чинить. Наконец, всё готово – поплыли.

Носильщик!

Носильщики-капитаны.

Матросы.

Оказалось, что я выбрал длинный и сложный маршрут. Он включал систему озер, мелких и крупных рек, таёжные волоки. Мы боролись, то с ветром и огромными волнами на больших (не видно берегов) озёрах, то с камнями и стоячими волнами на порогах, перекатах, то с бревнами молевого сплава. Реки оказались разными. Были – широкие и спокойные, по которым могли бы ходить катера (если бы они были в наличии, естественно), но были

и буйные, с порогами и шиверами, были совсем узкие и мелкие, по которым байдарка с трудом протискивалась, а через сплошные завалы её приходилось перетаскивать. Тогда это уже был поход не на байдарке, а с байдаркой. Иногда плыли не столько по реке, сколько по лесу, между деревьями, стоящими по пояс в воде.

Однажды вода кончилась и возникла необходимость волока. Километров восемь по тайге. Так себе перспектива! Вытащили из воды лодки, просушили, разобрали, упаковали в тюки. Совсем уж собрались тащить своё богатство по лесам и болотом, как сам-собой возник старичок с лошадей и телегой. Вызвался нас подвести. То, что на карте было обозначено дорогой, реальности не соответствовало. Просто, кто-то однажды проехал по лесу и проложил путь. Мы шли по его следу. Телега прыгала и качалась на всех степенях свободы. Изредка, что-то из вещей слетало с неё и плюхалось в болотную тину. Мы шли пешком и подстраховывали транспорт. Тучи комаров. Почти, как в Сибири. Диметилфталат не помог. "Кежемские комары недавно телёнка съели", – утешил нас Сусанин. Всю дорогу он ругал химиков: "Как химически извести человека знают, а комара, мелкую мошку не могут". Мы не признались ему, что мы как раз те самые химики, но указали ему, что не будет комаров, не будет и рыбы. С экологией надо быть осторожным. Добрались до очередного озера, разбили лагерь, напоили старика спиртом, уложили в телегу и отправили обратно. Лошадь дорогу знает. Довезёт.

Флот к походу готов!

Днёвка.

Пересекли новое озеро. Из него вытекала речка. Место очень красивое. Решили там стать, но оно было занято. Большой отряд – восемь человек. Мы было взгрустнули, но они нас пригласили и мы встали рядом. Ребята были заняты – варили уху. Тройную! Однако, что есть тройная уха они точно не знали. Поэтому основные усилия тратили на споры друг с другом. В ведро с рыбой опускали марлю с рыбой, но, видимо не совсем подходящей. По якутской

практике я знал, как варится настоящая тройная уха, но вмешиваться не стал. Костёр горел хорошо, вода кипела, но уха вариться категорически отказывалась. Где-то в два часа ночи приступили к трапезе. Мы достали спирт.

Запань – ловушка для брёвен и байдарок.

Я из-за желтухи пить не мог, даже запах был противен. Ида налила спирт себе в большую, пол-литровую кружку с округлёнными коаями. Это – ошибка. Из такой посуды пить опасно, надо

– из стакана, лучше – гранёного. Может и обошлось бы, но Ида перехватила мой завистливый взгляд и поперхнулась. Еле привели её в чувство. Больше она так не делала.

Плавали мы теперь ночами: светло как днём, не жарко, тихо, и комаров меньше. Гребли долго, и прибыли на песчаный берег озера. Прекрасный пляж и вода тёплая. Поставили палатки, проспали весь день, а потом и ночь. Так что устроили днёвку и купались. Даже я. Попытался поймать рыбу, но клёва не было.

В каком-то небольшом озере расслабились, и вяло гребли, загорая. Озеро внезапно кончилось водопадом. Мы вошли в него боком! Уже на сливе развернулись. Мало того, что мы летели куда-то вниз в грохоте воды, так ещё проход был узким и извилистым. Но главное, по обоим берегам громоздились бревна. Если бы нас прижало к ним – нам конец. Пронесло. На большой скорости влетели мы в запань – уловитель брёвен (и байдарок с туристами заодно). Путь преграждали боны – направляющие сооружения. Брёвна, связанные цепями, шли вдоль берегов, а потом перегораживали реку. Молевой сплав. Прибывающие сверху деревья оказывались в ловушке. Прибыли в ловушку и мы. Плотнейшая упаковка из брёвен, но живая. Брёвна (а это стволы деревьев длиной 6 метров и 1 метр в диаметре) шевелились, крутились вокруг оси, вставали на дыбы, подныривали друг под друга. Грубая кора, сучья, короткие, но крепкие и толстые, щепка на комлях. Течение несло нас вперёд и скоро мы превратились в аналог брёвен. С более тонкой шкурой, однако, и существенно менее прочной. Любой сучок прорвёт борт от носа до кормы. Пойдём мы ко дну, и сомкнутся брёвна над нашими головами. Ситуация выглядела безнадёжной. И, надо признать, она действительно была таковой. Сужу профессионально. Я участвовал во множестве походов и экспедиций. Погибал не раз. Но, пожалуй, этот случай был самым опасным. Как известно, дуракам везёт. Вдоль берега, вверх по реке, по чистой воде, с другой стороны бона, на одноместной байдарке перемещался турист. Он врубился в ситуацию. Она ему знакома. Он встал во весь рост и начал шестом-корягой медленно раздвигать бревна, мы, со своей стороны, аккуратно отпихивая вёслами стволы деревьев, двинулись к нему. Наконец, мы встретились. Он прыгнул на бом и утопил его. Перетащили через загородку байдарку, сказали "Спасибо" и поплыли дальше. Дёшево отделались...

Стране нужно много древесины: и для производства бумаги, и на срубы, и на дрова, и на экспорт (валюту). Заготавливали его везде, но дорог мало. Лесосплав – массовый, наиболее дешёвый, а в некоторых районах единственный вид транспорта древесины. Но он очень неэкологичен, много леса тонет, захламляет дно (у некоторых рек Карелии дно стало деревянным) и берега реки (по берегам реки, в паре метров от воды

лежали многочисленные стволы деревьев, вытянутые по направлению течения). В сужениях рек – завалы. Их нужно разбирать. А для туристов молевой сплав вообще смертельная опасность. О ней, составляя маршрут в Москве, я не имел не малейшего представления. В настоящее время в России сплав запрещён, так что путешествуя, можно не опасаться этой напасти.

Оверкиль на ровном месте.

Какое-то время мы двигались по слаломным речкам, оглядываясь по сторонам и увёртываясь от плывущих попутным курсом брёвен. Достигли очередного озера, в котором господствовал буксир с длинной и активно дымящей трубой. Звали его «Донец». Интересно, что он на полном ходу врубался в брёвна, но нос его оставался цел. Более того, корабль этот выскакивал на берег, пересекал песчаные косы и даже бодро бегал по болоту. Как ему это удавалось – не понял. Пошёл сильный и, как потом оказалось, продолжительный дождь. Мужики на катере оказались душевными, взяли нас на борт.

Несколько часов, сидя в тесном и душном кубрике мы куда-то плыли. Допили с экипажем остатки спирта. К утру достигли противоположного конца озера.

Карельский дом.

Местная лесозаготовительная промышленность сказалась на нас особым образом. Плыли мы по озерцу, и путь нам преградил на редкость длинный деревянный лоток. Видимо, откуда-то сверху по нему спускали брёвна. Сейчас их

не было, но в лотке бурлила и клокотала вода. Она падала с высоты 2 метра в озеро, в метрах трёх от берега. Мы посчитали, что это расстояние вполне достаточно для прохождения нашей лодки. Однако, когда мы приблизились, водоворот, образуемый водопадом, увлёк нас байдарки совершенно не в ту сторону, куда бы нам хотелось. Ида встала, взяла весло за одну лопасть, а другой попыталась зацепиться за куст на берегу. Произошло то, что и должно было произойти. Ида рухнула в воду и перевернула байдарку. И меня вместе с ней. Я оказался в воде, но плыть не смог. Глубина водоёма хоть и была выше колена, но заметно ниже пояса. Расстояние до берега было около метра. Плыть не имело никакого смысла. Я в заплыв не пошёл, а просто встал, утонув в тине, и попытался перевернуть байдарку. Не тут-то было. Лодка оказалась необычайно тяжёлой. Ставили её на киль вчетвером. Вещи промокли не сильно, так что мы отделались лёгким испугом.

Кондопожская ГЭС на реке Суна в районе водопада Гирвас.

Интересно, что проведя порядка двадцати байдарочных походов, в том числе – по слаломным рекам, мы ни разу не переворачивали и не топили лодку. Однако, всё испытать надо. Вот здесь и испытали. Чем и ограничились.

В Карелии замечательные пейзажи. Есть на что посмотреть! Недаром Калерия – значит "зовущая", "манящая". Но, пожалуй, самая занятная достопримечательность – местные дома, большие, высокие, сложенные из огромных брёвен, украшенные резьбой. Стоят столетиями. Такие теперь не строят. Секрет утерян, а жаль.

От Ковдозера начали сплав по Суне. Берега каменистые, но встречаются песчаные участки с пляжами. Красивый рельеф образован моренно-грядовой равниной с небольшими перепадами высот. Хвойный леса, с подлеском, небольшие участки травянистых болот и мелколиственных насаждений. Пороги не серьёзные, скорее –

шиверы. Берега образованы из завалов камней и редко имеют скалистые выходы. Скорость течения увеличилась, мы услышали грохот падающей воды. "Водопад Гирвас", сообразили мы. Гирвас в переводе лось. Возможно, их много в окрестных лесах. Однако мы не встречали. Решили, что спускаться по водопаду нам не стоит. Остановились, поставили палатки и легли спать. Завтра сходим – посмотрим. Утром пошли на экскурсию. Нас ждало разочарование – водопад был выходным.

Водопад Гирвас, когда он трудится для туристов.

Для туристов. А так-то он как раз работал: воду отводили на Кондоположскую ГЭС, старейшую в России: её начали строить в 1916 году! О бывшем водопаде напоминала лишь белая пена, убегающая вниз по реке. Вид сверху очень красив, ГЭС где-то за деревьями и не портит пейзаж. Вода течёт тремя струями, пусть её немного, но она есть. Высота падения довольно большая, ~15 м. Ниже по течению Суны есть ещё один водопад, Пор-Порог называется. Высота почти 17 м.. Мы к нему прошли пешком (3 км), но он тоже был выходной. Вообще-то Пор-Порог – не один водопад: это целая система водопадов, окруженная высокими склонами. Стоит посмотреть. Если бы мы плыли по Суне дальше, то достигли бы водопада Кивач (высота 11 м), а далее прибыли бы в Кондопожский залив с городом Кондопога. Но нам туда ещё было рано.

По этому озеру нам ещё плыть и плыть.

По мелким речкам достигли северного берега озера Сандал и устремились на юг. Отчалили от высокого берега. Пришлось выгребать! Озеро длинное – километров 40, довольно широкое (местами 7 км). Островов много, но мы к ним не приставали. Шли, не отвлекаясь. Впервые наблюдал интересный эффект. Гребёшь изо всех сил, лодка несётся вперёд, как моторка.

Смотришь назад: берег удаляется, деревья становятся всё меньше и меньше, и исчезают, смотришь вперёд: цель не приближается. Час, второй, третий... Сзади уже ничего нет, а впереди, как торчала труба Кондопожского завода, так и торчит. И не собирается приближаться. (Потом такой эффект у меня был с защитой докторской диссертации).

Сначала озеро было спокойно. Но постепенно раскачалось. Поднялась волна. Ветер был не попутным и не встречным. Дул он спереди и в левую скулу. Сопротивление движению возросло: парусность есть парусность. Хуже, что волна билась в бок, плескаясь в байдарку. Количество воды в лодке постепенно увеличивалось. Приходилось судно направлять против фронта волны, идя галсами. Поэтому путь резко увеличился. Высота волн возросла. Штормило. Перспективы безрадостны. Но мы шли и шли. К трубе. В одном месте случилось что-то невероятное. Волны стали обрушиваться на нас сразу со всех сторон. Крестовая волна. Редкая по силе гадость, доложу я вам. Может и потопить. Сандал, наконец, (10 часов безостановочной гребли) кончился, вошли в небольшое

спокойное Нигозеро и прибыли в Кондопогу. Водная часть маршрута кончилась. Пошли знакомиться с достопримечательностями.

Кажется, озеро начало раскачиваться.

Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат, выпускающий газетную бумагу и керамический кирпич нас не интересовал, хотя он довольно большой. Где-то в округе есть известная каменоломня мрамора,

из которого строились дворцы в Москве и Питере, и облицовывались станции московского метро, где-то добывали болотную железную руду и дымили металлургические заводы. Но сейчас не до них. Мы хотели приобщиться к деревянному зодчеству. Пришли на мыс, вдающийся в Чупа-губу (Кондопожская губа Онежского озера). На этом месте церкви стояли с 1563 года. Находящаяся здесь деревянная Успенская церковь построена в 1774 году в память о погибших участников Кижского восстания 1769-1771 гг., в котором приняли участие и крестьяне Кондопожской волости. Шатровая одноглавая церковь, с высоким крыльцом (12 ступеней). Основной объём – два восьмерика с повалом, поставленные на четверик, с прямоугольным алтарным прирубом и двумя висячими крыльцами.

Именно здесь мы впервые услышали: четверик на восьмерике, шестерик на четверике, которыми потом козыряли на различных экскурсиях. Высота церкви - 42 м, считай 12-ти этажный дом. Внутри – иконостас в стиле барокко и иконописный потолок-небо. Это небо – единственный образец композиции «Божественная литургия» в действующей церкви. В центральном медальоне неба – образ «Христос Великий Архиерей». Непосредственно вокруг Христа, на рамке центрального кольца, и на 16 гранях, херувимы с серафимами и ангелы в дьяконском облачении с литургическими атрибутами в руках, движущиеся по кругу с запада на восток. Службы в церкви проводятся лишь летом во время православных праздников.

Успенская церковь в Кондопоге.

Пошли на вокзал, где байдарки художественно зашили во вкладыши спальников и отправили тихой скоростью в Москву по Октябрьской железной дороге. Мы

тоже сели в поезд и через час оказались в Петрозаводске. Я тогда не знал, что здесь живёт целый клан Бекманов, а то бы посетил. Сели на пароход и пошли на остров Кижь.

Пароход причалил, прошли по шаткому причалу и вступили на твёрдую землю. Остров был пуст. Когда-то здесь игрались языческие капища (кижи в переводе – игрище, место для игр, праздников), был центр огромного района, тут каким-то образом размещались три металлургических завода, которые плавил медь и железо из болотной руды, гремело многолетнее и многолюдное восстание рабочих и крестьян. Теперь пусто, обзор во все стороны. Остров плоский, но холм есть – Нарьина гора называется. С одного края две церкви и колокольня, с другого несколько домов. Место называется Кижский погост. Погост – это деревня с приходской церковью и кладбищем при ней. Деревня как-то ощущается, церковь явно тоже, но ни кладбища ни могил нет, у церкви 2-3 покосившихся креста и это всё. Змеи, змеи кругом, того и гляди заползут в палатку.

Туристы шумною толпою обошли храм, подивились, вернулись на пароход и уплыли. Мы отошли от храма метров на 300, поставили палатки и стали в них жить.

Тишина!

В Кондопоге древняя церковь стоит на мысу.

А когда-то тут шумно было. Кижское восстание с перерывами длилось почти 100 лет (1680-1770). Бунтовали государственные крестьяне, приписанные к Олонецким

горным заводам. Стране много пушек требовалось, поэтому правительство приписало крестьян Кижского погоста к заводским работам (рубка дров, жжение угля, заготовка руды). Народу это не нравилось, работяги боролись за свои права. Кончилось тем, что 1.07.1771 у ограды преображенской церкви собралось две тысячи крестьян (интересно, как они сюда добирались, пароходов ведь не было, и как они тут вообще разместились, где жили, чем питались?). Сюда же прибыл карательный отряд, посланный Екатериной Второй. Он, применил артиллерию и сломил сопротивление. Кого казнили, кого пороли, кого на каторгу, кого в солдаты.

Финны и немцы во Вторую мировую войну здесь были, надписи на колокольне вырезали на своих языках. Но ушли. Ничего не спалили.

Церкви, особенно главная, замечательны. Чудо света. Конечно, нужно быть гением, чтобы это придумать, срубить и украсить. Как любят писать журналисты – без единого гвоздя. Идиоты! Нигде в мире при возведении срубов гвозди не используются, ибо не нужны и вредны. Я собственноручно построил с нуля несколько срубов в Якутии и Горном Алтае, да два плота из мощных брёвен. И в лапу рубил и в обло. Были у меня гвозди? Ни одного! Ни какого, ни большого, ни маленького. Пила и топор. Однажды стамеска, но это так – украшения делать. И, поди, стоят эти срубы до сих пор, если не спалил их безбашенный турист. Так что и здесь гвоздей не было, разве что крышу крепить, так и то гвозди были деревянными. Это так, к слову.

Главный храм – Церковь Преображения Господня построена в 1714 на месте одноимённой шатровой церкви, сгоревшей в 1694 от удара молнии. Высота от основания до креста 37 м, размер в плане 20,6×29 м. Относится к типу деревянных восьмериковых ярусных церквей. Основа – восьмигранный сруб («восьмерик») с четырьмя двухступенчатыми прирубками, расположенными по сторонам света. Алтарный восточный прируб имеет в плане форму пятиугольника. С запада к основному сруб примыкает

невысокий сруб трапезной. На нижний восьмерик последовательно поставлены ещё два восьмигранных сруба меньших размеров. Церковь увенчана двадцатью двумя главами, размещенными ярусами на кровлях прирубов и восьмериков, имеющих криволинейную форму кровли (бочка). Форма и размеры глав меняются по ярусам, что придает ритмический рисунок облику церкви. Трапезная перекрыта трехскатной крышей. Вход в церковь выполнен в форме двухвходного крытого крыльца на консолях. Сруб – из сосны, лемех куполов и бочек – осиновый. Иконостас – четырёхъярусный, составлен из 102 икон, есть и конца 17-го века. Этот храм – летний. Зимой в нём службы не проводились.

Прощай байдарка!

Рядом зимний храм – Церковь Покрова Богородицы, построенный в 1764 году. Высота церкви – 27 м, общая длина – 32 м, ширина – 8,7 м. Восемь главок Покровской церкви окружают девятую, центральную. Купола этого храма отличаются выразительностью и в то же время они скромны и не затеняют величие церкви Преображения. Эта церковь пирамидальна, Покровская же

расширяется кверху в верхней части восьмерика и завершается плавным повалом. Украшена скупо. Зубчатый резной фронтонный пояс – один из немногих декоративных элементов этого храма.

Остров Киж.

Высокое одномаршевое крыльцо ведёт во внутренние помещения церкви, которых четыре. Они располагаются друг за другом – с запада на восток. Сначала – сени, необходимые в любом северном строении, затем – трапезная. Трапезная – место мирской сродки, на котором жители погоста обсуждали насущные житейские дела, здесь происходили судебные разбирательства, оглашались царские и воеводские указы, выбирались должностные лица и прочее. Иконостас – четырёхрядный тябловый. Есть иконы второй половины 17-го века.

Между храмами стоит колокольня, построенная в 1862 из сосны и осины. Восьмерик на четверике с высоким в 2/3 высоты сруба четвериком. Над восьмериком

устроена звонница с девятью столбами. Шатер увенчан лемеховой главкой с крестом. В плане четверик разделен двумя продольными стенами на три части: сени, лестничную клетку и чулан. По высоте внутренний объём сруба колокольни делится перекрытиями на три яруса. На звонницу ведёт пятимаршевая лестница. Четверик с юга на север прорезан сквозным проходом с высокими арочными порталами. Перед входами устроены невысокие рубленные площадки крылец. Есть один колокол.

Жаль, что создатель храма неизвестен.

Церкви в Кижях.

Неделя прошла – пора возвращаться на большую землю. Но на Онеге возник сильный шторм, пароход не пришёл. Ночевали на киоске дебаркадера, в который набилось довольно много неизвестно откуда взявшегося народа. "Интересно, что сюда должна была прибыть моя шефиня, Калерия Борисовна", сказал я Иде. Из темноты мне ответили: "Калерия Борисовна была здесь две недели назад и уже уехала в Москву". "Какая Калерия Борисовна? Заборенко?" "В Советском Союзе Калерия Борисовна только одна" – наставительно сказал голос. Жаль, хотелось бы встретить Карелию в Карелии.

Днём пароход пришёл, мы погрузились и поехали. Совсем не так комфортно, как плыли на Кижы. Озеро штормило, крутая волна сильнейшим образом раскачивало

плоскодонное судно. Началась эпидемия морской болезни. Пассажиры толпились у борта, свешиваясь за борт. Их рвало. На борту оказалась подруга Иды – Катя Сидорова – дочка академика Векслера (сотрудница Зильбера) со своим мужем-капризулей, который непрерывно её третировал. Она мне запомнилась тем, что как-то, не помню уж по какому поводу, она воскликнула: "Я не биолог, слава Богу". Ценная фраза. Я потом её часто использовал.

Прибыли в Петрозаводск и стали решать, что делать дальше. Мы, вроде, намылились в Соловки. Неожиданно наши спутники засобирались домой. Они подсчитали траты, и предъявили нам счёт. Он был не очень справедлив, но хуже другое – у нас денег было в обрез, мы полагали, что все расчёты проведём в Москве, где у нас с финансами всё в порядке. А здесь запасы скудны. У них же денег было вполне достаточно, чтобы добраться до столицы. Можно было бы подождать с конфискацией. Однако, пришлось им наши деньги отдать. Мы обиделись, расстались с ними и больше никогда не встречались. Как потом показала жизнь, эта история банальна. Совместные подвиги и пуд съеденной соли к дружбе не ведут.

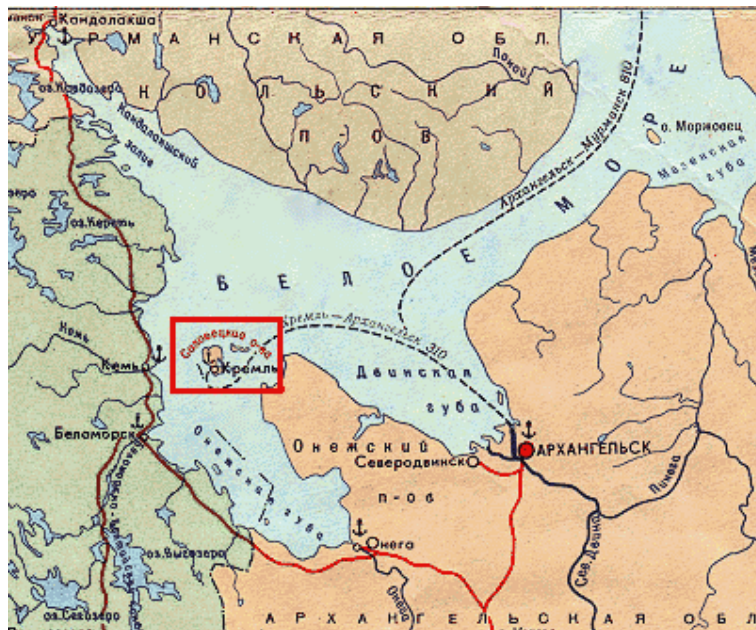
У нас были деньги ровно на то, чтобы купить билеты и без особых проблем добраться до Москвы. Но дело пошло на принцип. Мы сели в поезд и отправились на север. Без билета. Дали три рубля проводнице с тем, что довезёт до места. Но она нас сдала контролёрам. Меня высадили на каком-то полустанке, и я побежал к кассе. Успел взять билет, вскочил на подножку, и мы поехали, как законные пассажиры. Полсуммы сэкономили, но денег не стало.

Прибыли мы в город Кемь (*А я иду по деревянным городам, где мостовые скрепят, как половицы*). Уселись на бережку и стали ждать какой-нибудь транспорт на острова. Оказалось, что официально туда ничего не ходит, однако, что-то может быть когда-нибудь пойдёт на военную базу, тогда может быть и нас возьмёт (*наверное я не знаю, но вероятно вряд ли*). Ждали, ждали и дождались. Пришло нечто размером с сейнер, но приспособленное к перевозке людей. Нас, интеллигентов, набралось человек двадцать. Все погрузились. Переправились без проблем, море спокойно. Встречались байдарки. Как они ориентируются, если берегов не видать? Запросто мимо острова проскочишь и уйдёшь в Архангельск. Если догребёшь, конечно). Какой-то ушлый матросик подходил к пассажирам и предлагал заплатить ему за проезд. Мы отказались: деревня маленькая, а нищих до чёрта. Бог подаст!

Соловецкий остров оказался вовсе не островом, а архипелагом, в котором чуть ли не 100 островов, 6 крупных; тот, на который мы направляемся, называется Большой Соловецкий. Он действительно большой – площадь 246 км². Там – посёлок, административно он подчинён Архангельску. Хотя до Архангельска далеко – километров 300. Главная достопримечательность здесь – Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. Мужской – это понятно, осталось узнать, что такое ставропигиальный. Какой-то дятка на борту растолковал, что по-гречески это означает водружение креста, а по нашему – высокий статус, присваиваемый монастырям, что даёт независимость от местной епархиальной власти и подчинение непосредственно патриарху. По положению, крест водружается собственноручно патриархом, но я сомневаюсь, что наши патриархи на это способны.

Немного истории.

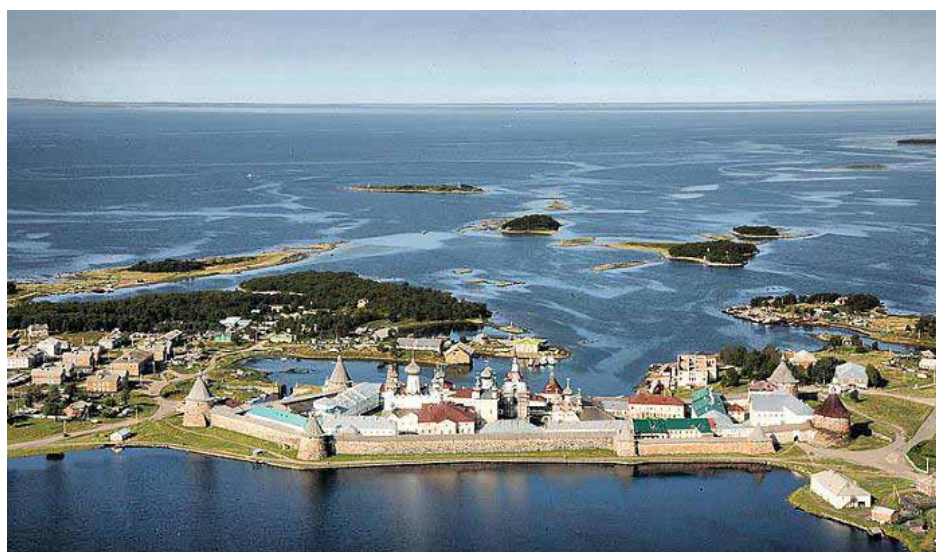
Люди на этих островах пребывали уже в древние времена (чуть ли не с середины 6-го тысячелетия до новой эры). Древний человек где-то во 2-ом веке до н.э. на Заяцком острове построил каменные спиралевидные лабиринты, диаметром 25 м. Зачем – понятно: чтобы покойник не смог вернуться из рая обратно. А то с него станет! Славянские колонисты прибыли на архипелаг в 12-ом веке, а в начале 15-века здесь поселились первые монахи и организовали православный монастырь.

Карта участка Белого моря с Соловецкими островами.

Соловецкие острова.

Соловецкий кремль. Вид сверху и с разных сторон.

Вид кремля с моря.

Вид на кремль со стороны Святого озера.

В 1429 до Соловков добрался монах Савватий, который незадолго до этого встретил преподобного Германа. Датой основания монашеского поселения считают 1436 – время появления на Соловках преподобного Зосимы. В 1460-х годах на островах были построены три деревянные церкви. В 1534-1548 в число братии был принят святой Филипп (Фёдор Колычев), будущий игумен монастыря, обеспечивший экономическое развитие монастыря. В середине XVI в. под руководством Колычева в монастыре бурно развивалось каменное строительство. В 1582 (во время Ливонской войны) началось возведение каменной стены вокруг монастыря. Начиная строительство вологодский зодчий – Иван Михайлов, продолжил его монах Трифон Кологривов. Территория монастыря была окружена массивными стенами (высота – от 8 до 11 м, толщина – от 4 до 6 м) с 7 воротами и 8 башнями (высота башен 12-17 м). Стены сооружены из огромных камней (валунов) размером до 5 метров. Общая протяженность крепостных стен 1200 метров. Стены огораживают территорию в 4 га. Башни имеют шатры со смотрильнями, высота башни с шатром – 30 метров. Верхняя часть крепостной стены сложена из

кирпича. Крепость имеет форму вытянутого пятиугольника. Угловые башни вынесены за объём крепостной стены, что позволяет простреливать поверхность стены, затрудняя для неприятеля штурм крепости. Подход к монастырю со стороны моря защищает Успенская (Арсенальная) башня, включенная в западное прясло.

Сделано это было своевременно! Шведские эскадры подходили к островам с дурными намерениями в 1571, 1667 и 1708 гг. Их неизменно отгоняли. В 1854 Соловецкий монастырь отражает нападение двух английских военных кораблей силами 50 военных (инвалидная команда, не солдаты, а охранники заключённых), вооруженных восемью пушками (200-летнего возраста), установленными на стенах и двумя полевыми орудиями. Англичане потребовали сдачи монастыря, но архимандрит Александр отказал. После этого англичане открыли по монастырю огонь из всех орудий. Бомбардировка продолжалась 9 часов.

Справедливости ради, надо сказать, что у англичан тоже были проблемы: бухта Благополучия имеет сложный рельеф дна: мели и рифы. Отливы-приливы серьёзно меняют ситуацию. Лоций нет. К монастырю близко не подойдёшь. Пришлось стрелять с дальней дистанции. Лесистый островок заслонял монастырь. Англичане не знали ширину крепости, они полагали, что их ядра рвутся внутри. На самом деле они перелетали и монастырь и его обе стены, и тонули в Святом озере. Оба полевые орудия отвечали на огонь кораблей. В 6 часов вечера англичане удалились, разрушив лишь здание выстроенной на берегу гостиницы. Потерь в монастыре не было.

Хоть и отвлечение от рассказа о нашем путешествии, но приведу историю этой битвы.

В 1854 Английские военные корабли неустанно бороздили хмурые воды Белого моря, пытаясь помешать плаванию русских купеческих кораблей, а если возможно, то захватить Архангельск и Соловецкие острова. 6 июля два трёхмачтовых шестидесятипушечных фрегата “Бриск” и “Миранда” появились на рейде у бухты Благополучия и встали против расположенной на берегу двухпушечной батареи, скрытой за скалистым пригорком. На кораблях подняли переговорные флаги. Монахи, понятия не имевшие и не знавшие о таком способе переговоров, безмолвствовали. Англичане, чтобы привлечь внимание, произвели три выстрела, наши ответили двумя. Тогда англичане неожиданно открыли огонь по монастырю – на него градом полетели бомбы и ядра. Монастырские пушки не могли открыть огонь. Их бомбы могли попасть в береговых пушкарей. Фрегат “Миранда” приблизился к острову, ведя сильный огонь. Улучив момент и хорошенько прицелившись, пушкарь береговой батареи метким выстрелом угодил в “Миранду” и пробил борт корабля. После стрельбы, продолжавшейся целый час, фрегат “Миранда” отошёл за мыс и начал у всех на виду ремонтироваться. 7.07 в 5 часов утра от фрегата “Бриск” отошла шлюпка с белым флагом. Она доставила на берег письмо, в котором командир английской эскадры капитан Эрасмус Оммани ультимативно потребовал немедленной сдачи гарнизона Соловецкой крепости. При отказе Оммани грозил уничтожить монастырь, превратить его в груды дымящихся развалин. Вестовой на лодке повёз ответ английскому командиру. Ответ гласил: “Так как в монастыре гарнизона нет, то и сдаваться, как военнопленным, некому”. Далее следовала подпись “Соловецкий монастырь”. В монастыре зазвонили колокола, во всех его соборах и церквях начались молебны. По Большому монастырскому двору пошёл крестный ход. В то же время монахи и воины-ветераны хлопотали у стареньких пушек. Положение было тяжёлое. Против 120 новых усовершенствованных английских орудий, стрелявших 96-фунтовыми и трехпудовыми снарядами, монастырь располагал только 10 исправными старинными пушками, из которых два века тому назад стреляли ещё по шведам. И в живой силе у англичан было почти пятикратное превосходство. Англичане открыли ураганный артиллерийский огонь по монастырю. Рокочущий гул выстрелов и свист ядер смешались с колокольным звоном. Бомбы с оглушительным грохотом разрывались возле стен Соловецкого монастыря и на монастырских дворах. Они отскакивали от могучих гранитных стен, не причиняя им вреда. С неба падал настоящий огненный град. Бомбы падали и в море и, перелетев через монастырь, в Святое озеро. Озеро, говорят, кипело от ядер. Ветра не было – стоял полнейший штиль. Густой едкий пороховой дым непроницаемой тучей повис над английскими кораблями, заволакивая и скрывая от них цель. Пока враги обстреливали монастырь, за его восточной стеной, спрятавшись в кустах за огромными валунами, притаились крестьяне, монахи, богомольцы, странники и даже временно выпущенные заключённые. Сидели кто с топором, кто с бердышом, кто с дубинкой, а кто и просто с тяжёлым

камнем, готовые в любую минуту броситься на врагов. Они ожидали высадки врага на остров. Но десанта не последовало. Англичане боялись схватиться с русскими в рукопашном бою. Они предпочитали обстреливать монастырь с дальнего расстояния, находясь в полной безопасности. Девять с лишним часов продолжался ожесточенный обстрел Соловецкого монастыря. И когда, наконец, пороховой дым рассеялся, англичане с изумлением увидели вместо ожидаемых развалин – стены, башни и соборы Соловецкого монастыря, целёхонькие и невредимые, по-прежнему спокойно отражающиеся в зеркальной глади бухты Благополучия; конечно, кое-какие повреждения были, но очень незначительные. По признанию самих англичан, этим количеством снарядов можно было бы разрушить по крайней мере шесть городов! Около 5 часов после полудня, когда канонада начала утихать, пролетело со свистом 96-фунтовое ядро по направлению к Преображенскому собору, пробив стену и верхнюю часть образа “Знамения” Пресвятой Богородицы; ядро с шумом упало на землю. Это был последний неприятельский выстрел, следы которого доселе остаются на святой иконе Царицы Небесной. Страшный день между тем близился к концу, дым выстрелов мало-помалу рассеялся, и солнце тихо клонилось к западу. Никто не спал в эту ночь: все ожидали на другой день нового нападения, готовились к страшному событию молитвой, постом и слезами. 8 июня в 3 часа ночи во всех храмах совершались литургии, после чего все собрались у мощей преподобных на молебен; после же молебна был крестный ход по галерее крепости. Сквозь амбразуры можно было видеть действия неприятеля; все ожидали новых ужасов канонады, но неприятель, снявшись с якоря, медленно стал удаляться. “Бриск” и “Миранда” отошли к Большому Заяцкому острову. Они обстреляли его и, не услышав ответных выстрелов (на острове были только два старика, сторожившие церковь), высадились на остров, разбили топорами дверь Андреевской церкви, сломали церковную кружку, разбросали медные деньги, украли три маленьких колокола и несколько серебряных вещей. Затем английские корабли удалились в море, не рискуя больше оставаться около монастыря. Они ещё долго разбойничали на поморских землях. Как только неприятель скрылся из виду, обрадованные иноки совершили молебен посреди монастырской ограды перед образом “Знамения” Божией Матери, пробитым выстрелами неприятеля. Спасение обители поистине было дело чудесное. Обстрел Соловецкой обители вызвал возмущение в Англии. “Подвиги” фрегатов “Бриск” и “Миранда” опозорили английский флот и нанесли тяжёлый удар по его престижу. За поражение под Соловецким монастырем капитан Эрасмус Омман был с позором разжалован и снят с должности. В память о героической обороне монастыря монахи собрали все неразорвавшиеся бомбы (их оказалось 212), множество осколков и из них сложили три пирамиды, окружив их решетчатой оградой.

16.06.1855 английская военная эскадра вновь появилась у Большого Заяцкого острова. Группа моряков с кораблей высадилась на остров и похитила дюжину пасущихся здесь баранов. Неприятель нуждался в свежем провианте, в монастырь было послано требование выдать скот. Настоятель отказал, но, опасаясь новой бомбардировки, предложил командующему эскадрой встретиться на берегу для переговоров. 22 июня переговоры состоялись на побережье в отдалении от монастыря. После этих переговоров начальник английской эскадры за неотдачу быков послал через монаха Мемнона с Большого Заяцкого острова настоятелю пулю пистолетную в медной трубке, которая хранится в ризнице монастырской.

В 1919 англичане, наконец, высадились на Соловках в составе войск Антанты, но были быстро оттуда выгнаны.

Монастырь, однако, штурмовали не только иностранцы. Свои тоже не ленились. В 1667 началось знаменитое соловецкое восстание: иноки не хотели принимать новопечатных книг, противились реформам Никона, отстаивали старую веру. Они даже отказались молиться за здоровье царя! Интересно, что на этих идеях объединились и начальники и узники. Заключённые: архимандрит монастыря под Звенигородом Никанор, Осип Пирютин – сын боярский, ротмистр рейтарского строя; Сильвестр – участник разбойных походов и грабежей на Волге, князь Львов, участники крестьянской войны под предводительством Степана Разина, сотники Исачко Воронин и Сашко Васильев приняли активное участие соловецком восстании. Осада монастыря стрельцами длилась 8 лет (соловецкое сидение). Монахи защищали крепость и отражали все атаки воеводы И.А.Мещеринова. Бастион пал в результате предательства: измена монаха Феоктиста, показавшего тайный вход в монастырь, открыла ворота монастыря. Ночью 22.01.1678 из рва Онуфриевой церкви Мещеринов с 50 стрельцами пробрался в монастырь. С насельниками монастыря Мещеринов поступил варварски, все деревья вокруг монастыря

были увешаны трупами монахов, часть монахов была выгнана Мещериновым на морскую губу и там они были заморожены. Выжило 14 человек. Монастырь был разграблен стрельцами. Вскоре его заселили новые монахи, появились и новые заключённые. Естественно, что одним из первых стал Иван Алексеевич Мещеринов. Его судили по обвинению в причинённых насилиях, обвинили в краже монастырской казны. Просидел он 4 года, освободился, ещё 5 лет был воеводой в Козмодемьянске, да в Сумском остроге.

Такую башню ядром не пробьёшь.

Монастырь был задуман как остров спасения в мирском море, но оказалось, что в нём можно устроить замечательную тюрьму. В 1554 сюда Иваном Грозным был сослан игумен Артемий, бывший настоятель Троице-Сергиева монастыря – нестяжатель, проповедник самоусовершенствования. Тягу к знаниям поощрял. За что и сел. Игуменом он был всего несколько месяцев, покинув монастырь "за совестью". На Соловках его особо не притесняли, и он сумел бежать в Литву. Сильвестра обвинил в ереси и упёк в монастырь друг и советчик (духовник) Ивана Грозного, автор «Домостроя», благовещенский поп Сильвестр. Не стоит удивляться, что вскоре сюда под конвоем прибыл он и прибыл. Здесь каторжником и умер. Одним из первых соловецких узников был последователь философа Максима Грека нестяжатель Сильван.

В 1579 на острове произошло радостное событие: была сооружена первая тюрьма. В одной из башен были организованы специальные тюремные кельи – маленькие, тёмные помещения с небольшими отверстиями вместо двери, через которые заключённые проникали внутрь. Камеры заключенных располагались по всей территории монастыря. Тюрьма на Соловках была самым строгим и самым вместительным среди православных монастырских мест заключения вплоть до конца XVIII в., когда в Суздальском Спасо-Ефимиевском монастыре открылось специальное «арестантское отделение». Соловецкий острог объединял в себе функции главной тюрьмы духовного ведомства и секретной государственной темницы. Режим содержания узников зависел от персональных инструкций, поступавших в тюрьму вместе с арестантами с материка, а также от человеческих качеств настоятелей, возглавлявших монастырь. Некоторых заключённых предписывалось содержать взаперти «под крепким караулом до смерти», заковав в ручные и ножные кандалы; других достаточно было держать на привязи цепью к стене камеры; иных надлежало «использовать вечно в тягчайших трудах» под строгим надзором братии. Сроки заключения были огромные, практически пожизненные. Некоторые арестанты маялись по 20–40 лет, известны случаи, превышавшие 60 лет, но большинство погибало в первые годы заключения. В 1798 под тюрьму было приспособлено выстроенное ранее здание, а в 1842 для заключённых построили специальный трёхэтажный дом и особые

казармы для тюремной охраны. В новой тюрьме в полуподземном нижнем этаже были небольшие чуланы, без лавок и окон, куда помещали особо важных преступников. В XIX в. заключённых морили дымом, замуровывали, пытали. В 1835 была проведена жандармская ревизия, которая признала, что заключённые несли наказания, значительно превышавшие их вину. После проверки несколько заключённых освободили, а некоторые были переведены в обычные монастырские кельи. Был издан указ, запретивший сажать в монастырские тюрьмы без разрешения императора. Последние заключённые Соловецкой монастырской тюрьмы были выведены в 1883, но караульные солдаты оставались до 1886.

Монастырский уклад часто перевоспитывал заключённых. Некоторые узники продолжали жить в обители после освобождения, пополняя ряды братии. Запорожский атаман Пётр Калнышевский провёл 26 лет в холодной камере размером 1 на 2 м. После помилования императором Александром I в возрасте 110 лет, будучи практически слепым, не захотел возвращаться на родину и остался в монастыре. Скопец Антон Дмитриев, пробыл в заточении 60 лет. Был помилован, но до смерти жил при монастыре в гостинице для паломников. Иеромонах Иероним, освобождённый из заключения, но, восхищённый красотой северной природы, поселился на Соловках, где прожил 15 лет до своей смерти.

За три столетия через Соловецкую тюрьму прошло 500 заключенных. Среди них сосланные «по делам веры» и государственные преступники. Узниками были составитель «Домостроя», нестяжатель, протопоп Сильвестр; крещёный татарский царевич, слуга Ивана Грозного, а одно время даже его соправитель, касимовский хан, потомок Чингисхана, правнук правителя Золотой орды, князь Симеон Бекбулатович; управляющий печатным двором князь Михаил Львов; противник никоновских реформ, знаменитый справщик книг при патриархе Никоне грек Арсений; архимандрит Саввино-Строжевского монастыря, царский любимец Никанор; Феофан – архимандрит одного из афонских монастырей; выдающийся деятель Смутного времени Авраамий Палицын; келарь Троице-Сергиева монастыря, воевода, писатель и историк, автор повести об осаде Троицкого монастыря поляками; последний кошевой атаман Запорожской Сечи Петр Кальнишевский; сенатор, дипломат, управляющий Тайной Канцелярией при Петре I граф Пётр Толстой и его сын Иван; его враг, наставник Петра II, член Верховного Тайного Совета, генерал-фельдмаршал князь В.М. Долгорукий (просидел здесь 8 лет, потом ему, как изменнику, отрубили голову в Шлиссельбурге) тоже с сыном; дипломат, губернатор Смоленска, Казани и Ревеля, тайный советник, сенатор, президент Комерц-коллегии, граф Платон Иванович Мусин-Пушкин, выступивший против бироновщины, прибывший на Соловки после жестокой пытки с отрезанием языка, и битья кнутом (Елизавета его освободила); борец за освобождение Польши Иоанн Елонский; самозванец Тимофей Курдинов, называвший себя принцем Иоанном; принявшие православие еврей Павел Федоров и перс Александр Михайлов (посадили, чтобы они не вернулись обратно в свою веру); агент наполеоновской разведки, видный французский сановник, соучастник побега императора Наполеона из заключения с острова Эльба Август Турнель; декабристы А. Горожанский и Ф.П.Шаховской; сочувствовавший декабристам Павел Ганнибал, крепостной философ Фёдор Подшивалов; участники тайного общества, студенты московского университета Николай Попов и Михаил Критский; лидер секты прыгунов Максим Рудомёткин; рабочие Яков Потапов и Матвей Григорьев; Адриан Пушкин, выдвинувший концепцию объединения мировых церквей, старообрядцы, скопцы, хлысты, субботники и много кто ещё. Рекорд установил раскольник Семён Шубин, проведший в заключении 63 года. Те ещё ребята были...

Но всё это – детские игры по сравнению с тем, что учинили борцы за свободу и народное счастье, захватившие власть в России в 1917. Владимир Ильич первым делом организовал помимо тюрем, каторг и ссылок, ещё и концлагеря. Не столько для монархистов и каких-то там кадетов, а для бывших союзников – активистов партий, помогавших большевикам взять власть: меньшевиков, эсеров и т.п. . Значительную часть

заклѹченнѹх составляли «политические» – духовенство, офицеры белого движения, дворяне, интеллигенция.

В 1918 отряды красногвардейцев конфисковали часть продовольственных запасов монастыря. В 1920 сюда прибыла комиссия М.С. Кедрова (в 1941 после пыток расстрелян своими коллегами), Соловецкий монастырь был ликвидирован и его руководство сослано. Архимандрит Вениамин (Кононов), последний настоятель Соловецкой обители, и его келейник иеромонах Никифор (Кучин) были убиты (сожжены заживо) в лесной избушке близ реки Лодьма в районе Волкоозера на Пасху 1928. На месте монастыря были организованы совхоз «Соловки» и (в 1920) лагерь принудительных работ (сначала для военнопленных Гражданской войны). В 1923 этот лагерь перерос в СЛОН – Соловецкие лагеря особого назначения. В 1937 он был реорганизован в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). В 1939 её расформировали. Архипелаг был передан Северному флоту, на островах был организован учебный отряд Северного флота (1940), который готовил пулеметчиков, зенитчиков, боцманов, мотористов, коков и др. Пятеро соловецких выпускников стали Героями Советского Союза. В 1942 начинает работать подрывная-диверсионная радиостанция советской разведки, выдающая себя за "повстанческие" немецкую и финскую радиостанции.

Особое назначение Соловецких лагерей состояло в том, что там для «исправления», а не за провинность, первоначально изолировались люди, представляющие угрозу для советской идеи лишь только фактом своего существования. В Лагере печатались свои деньги, издавались газеты и журналы. Свыше шестидесяти соловецких монахов, принявших декларацию митрополита Сергия и ставших «обновленцами», работали в лагере вольнонаемными инструкторами. Имелось несколько театров и научное общество, изучавшее природу и памятники истории на территории лагеря. Осенью 1937 две тысячи соловецких заключенных, отобранных по решению тюремной администрации, были расстреляны. Вскоре тех, кто приговаривал, и кто расстреливал тоже расстреляли. Чекист, поднявший над Соловецким монастырем красный флаг, через три года вернулся в Соловки – уже как заключенный. Архангельский чиновник, первым предложивший превратить беломорский архипелаг в большой концлагерь, расстрелян. Заместитель председателя ВЧК, подготовивший Постановление ВЦИК СССР об Особых лагерях на Соловках, расстрелян. Глава правительства СССР и его управляющий делами, подписавшие документ о создании Соловецких лагерей особого назначения, расстреляны. Жизненные пути многих и многих руководителей Соловецкого концлагеря были тоже принудительно оборваны.

Возвращаясь к нашему путешествию. Отягощенный знаниями, полученными в турклубе, я решительно направился в обход монастыря к небольшому лесу. С таким видом, будто бывал здесь неоднократно. Видя такое дело, за мной потянулся народ. На симпатичной поляне разбили палаточный лагерь. Я распоряжался уже не только женой, но и каждым, кто подвернулся под руку. Познакомились.

На другой день отправились на экскурсию в монастырь. Вошли крепость через надвратную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Внутри – плотная застройка. Всё каменное. В той или иной мере разрушается, хотя кое-где начались восстановительные работы. Храмов я насчитал пять, но может быть их больше. Нас собралось человек 12. Какое-то время мы топтались на Германовском дворике, соображая куда бы нам пойти. Появилась женщина – историк из Ленинграда. Стала нас водить и рассказывать.

Спасо-Преображенский собор – главный храм. Построен в 155-66 годах неизвестно кем. Он имеет высокие стены, объединяет несколько престолов на разных ярусах. Мощные наклонные стены (толщина у основания – 4, у завершения – 3,5), отсутствие горизонтального членения, массивные лопатки способствуют устремленности храма ввысь. Здание трехъярусное. В лагерное время Спасо-Преображенский был объявлен заповедником. Здесь находилось отделение антирелигиозного музея, и располагались

экспозиции по иконописи (до 2000 икон) и церковной утвари, а также была представлена коллекция медных гравюр. В храме некоторое время находились мощи Соловецких святых: преподобных Зосимы, Савватия и Германа, Иринарха и Елеазара. Теперь никаких мощей нет. Во внутрь храма нас не пустили. Около собора есть могила Пётра Андреевича Толстого, когда он прибыл сюда, ему было 84 года, через полгода он скончался, а через год умер от цинги его сын Иван. Где его могила неизвестно.

Успенский Трапезный комплекс возводился в 1552–1557 гг. Это первый каменный храм на Соловках. Трапезная – самая большая из себе подобных, построенных в монастырях России. Есть ещё Никольский храм, рядом с которым находится колокольня. Высота её – 50 метров. Она возведена в 1777 на валунном основании прежней трехшатровой звонницы. В начале XX века на соловецкой колокольне насчитывалось 35 колоколов. Все они куда-то делись. Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор сооружен в 1859. В лагерное время в соборе размещалась 13-я карантинная рота. Здесь от нескольких недель до нескольких месяцев находились все прибывшие в лагерь заключенные. В 40–50-х гг в храме размещалась столовая Учебного отряда Северного флота. Галерея-переход связала Спасо-Преображенский собор, Успенский Трапезный комплекс, Никольскую церковь, колокольню и Свято-Троицкий собор. В 1923 на Соловецкой колокольне произошёл большой пожар, причём такой силы, что некоторые колокола оплавилась. Сгорел длинный шпиль колокольни. Администрация лагерей не стала проводить реставрацию и вместо сброшенного креста над куполом колокольни установила сваренную из металлических конструкций звезду.

Могил здесь должно быть огромное множество. Но их мало. Экскурсовод рассказывала только о захоронениях святых, внёсших вклад в строительство монастыря, о могиле Толстого и Авраамия Палицына (прощённый он с почётом был захоронен у собора Преображения Господня). И это всё. Мы прошли по галереям, заглядывая в помещения. Ничего интересного. Всё, как в нашей школе: полстены зелёная, половина белая, между ними полоска. Никаких религиозных росписей. Говорят лишь в Благовещенской церкви (домовая церковь настоятеля) сохранились конструкция иконостаса и почти в полном составе настенная живопись. Мы не видели. В 1925-1937 в храме размещался лагерьный музей (вот его экспозицию стоило бы посмотреть!).

Снова вышли во двор. По периметру, его окружали монашеские кельи, окна которых выходят на соборную площадь. Здесь, похоже, теперь гостиница. Нам не интересно – у нас свой дом есть. Осмотрели хозяйственные сооружения: мельница, портомойка и сушило. Как сказала экскурсовод, во время соловецкого сидения, монах-предатель указал осаждавшим тайный проход, который находился как раз под Сушилом. Рядом с этим сушилом находятся ямы – подземные тюрьмы. Они хорошо сохранились. Не иначе, как их использовали в советское время. Показали нам и камеры в монастырских башнях и стенах. Они имеют форму усечённого конуса длиной около трёх метров, шириной и высотой по два метра, в узком конце – один метр. В верхних этажах Головленковской башни Соловецкого монастыря камеры ещё теснее: 1,4 метра в длину, 1 метр в ширину и высоту. Маленькое оконце служило не для освещения, а только для подачи пищи. В камере нельзя было лежать, узник спал в полусогнутом состоянии. Вот они – ужасы царизма.

О лагере 30-х годов я тогда мало знал. Экскурсовод – явная диссидентка последними словами крыла советскую власть и её порядки. Хотя оттепель ещё продолжалась (Хрущёва сняли год назад), но таких речей в нашем мире уже не было. Она показывала следы пуль на кремлёвской стене, образовавшиеся при расстрелах. Не знаю, насколько хорошо она знала историю СЛОН и СТОН, выяснить это не удалось – экскурсия быстро кончилась. Тётя успела рассказать о борьбе за создание музея. Сейчас они с трудом удаляли из монастыря воинскую часть, но вместо неё сюда пытались вернуться монахи, обещая выгнать вон ещё не созданный музей.

Покинули монастырь и стали бродить по окрестностям. Монастырь был богатым: имел свой флот и первый на Севере России сухой док, радиостанцию, гидроэлектростанцию – одну из первых в стране, развитую сеть морских промыслов, ремесленных и сельскохозяйственных производств. Кремль стоит на перешейке – на одной стороне довольно закрытый залив Белого моря, на другом – Святое озеро. На берегу его находится каменная кузница 17-го века. Недалеко двухэтажный Луковый корпус, напротив него – Никольский корпус. В них жили богомольцы. Есть ещё какие-то старые строения: остатки гончарного завода, монастырского училища, и что-то ещё. К северу от монастыря сохранились валунная белецкая баня, здание кожевенного завода XVIII века, две смолокурни XIX века. Раньше было много солеварен, но их следов не видно. Вблизи моря, рядом с монастырем, находятся три бывшие монастырские гостиницы XIX века. Больница в старом доме. Ещё в начале 17-го века была построена водяная мельница, которая работала на одном из трёх каналов, идущих из Святого озера в море. Здание сохранило свой первоначальный облик. Это самая нарядная в монастыре хозяйственная постройка. Где-то есть пекарня. Печёт замечательный хлеб. Попробовали и запомнили на всю жизнь. Равно как соловецкую селёдку. Даже только ради этого стоило посетить Соловки!

О существовании когда-то здесь лагерей ничего не напоминало. Ни бараков, ни колючей проволоки, не лозунгов. Полный контраст с виденным мной в Верхоянском крае. Кто-то постарался.

В нашем лагере я занялся поиском дров (трудная задача, всё собрано и подметено). Потом организовал воду и костёр. За это богатые соседи нас накормили. Спасибо! Принцип известен: дядьки дадут. В последующие дни бродили по острову. По нему когда-то хорошо прошёл ледник: много песка. Но всё он не стесал – есть холмы: гора Секирная (73 м) и гора Поднебесная (80 м). Имя горы "Секирная" означает "Лесосечная", "Лесорубочная". На ней первые монахи Герман и Савватий рубили лес для строительства кельи. На вершине горы стоит Вознесенская церковь. Белый каменный одноглавый храм виден издали, с самых неожиданных точек, за очередным поворотом дороги, со стороны какого-нибудь лесного озера и с моря. Венчает здание башенка самого высокого на Беломорье маяка, свет которого виден в ночное время с расстояния до шестидесяти километров. В период белых ночей его не включают. Со смотровой площадки, устроенной на вершине горы, открывается великолепная панорама северной части Большого Соловецкого острова. Во времена концлагеря здесь располагалось IV отделение СЛОН – штрафной изолятор. В 30-е годы бытовала пословица: «вся Россия боится Соловков, а все Соловки боятся Секирной горы!». Сюда высылали не отбывать наказание, а умирать. Методы были самыми изощренными. Например, заключенных привязывали к бревну и сбрасывали с крутой лестницы, ведущей к вершине горы.

О дорогах ничего путного сказать не могу. По дороге мы шли только на Секирную гору. Говорят, здесь когда-то была железная дорога и один вагон. Не знаю, ничего подходящего не встретил.

Посетили мы Ботанический сад, основанный аж в 1822 (Макарьевская пустынь). Он находится в холмистой местности, между озёрами Нижний Перт и Пустынное. Площадь 5 га. Здесь произрастают растения, высаженные монахами в начале 20-го века и заключёнными СЛОН. Красными цветами цветёт бадан толстолистный, есть сибирские кедры и яблони, липа, черёмуха, розы и много других растений. Я в них не разбираюсь. Говорят раньше здесь была оранжерея, в которой росли цветы, арбузы, дыни, персики. Петра Первого угощали арбузами.

Соловецкий архипелаг расположен в 160 км от Полярного круга. Климат морской, с переходом к континентальному, по среднегодовым характеристикам более тёплый, чем на материке. Здесь мягкая зима и прохладное лето. Остров лесист: сосна и ель. Но всё довольно заболочено. Встречается и тундра, точнее – псевдотундра поскольку отсутствует вечная мерзлота.

Рек тут нет, есть несколько родников. Зато озёр то ли 300, то ли 400. Кто их считал? Они связаны сетью каналов (242 соединения). Протяжённость судоходных каналов 12 км. Вода в них течёт сама собой. Гигантский труд! Вроде их прокопали монахи, хотя и лагерники, надо полагать, приняли участие. Сейчас вид довольно запущенный, стенки обрушаются. Взяли лодку и проплыли, насколько можно. Каналы узкие, но глубокие. Впечатления остались большие.

Естественно мы регулярно выходили на берег моря. Монахи активно осваивали морские профессии. Они сами строили в монастырском доке корабли, причём не только парусные вельботы или шхуны, но и пароходы. Монастырские суда были укомплектованы экипажами из монахов и совершали регулярные пассажирские и грузовые рейсы из Архангельска и Онежской губы. Были они и активными рыбаками. Благо тут сельдь ходит косяками. Она бывает мелкой (22 см) и крупной (34 см). Монахи от моря валунной дамбой отделили небольшой залив, где были устроены садки. Погода не всегда благоприятствовала рыбной ловле, и они вынуждены были запасаться рыбой впрок. Причём рыбой ценных пород. Монахи также вели промысел морского зверя, весной, прыгая с льдины на льдину.

Соловецкие каналы в разные времена года.

Во второй половине XIX века была сооружена дамба – грандиозный каменный мост, соединивший острова Соловецкий и Большая Муксалма. Его протяженность 1200 м, ширина от 6 до 15 м и высота около 4 м. В дамбе имеются три арки для прохода карбасов и воды во время приливов-отливов. Руководил строительством монах Феокист (из крестьян). Под его же руководством строилась набережная Святого озера, обустроивалась гавань, был расширен и углублен сухой док. Сухой док был сооружен на канале, идущем из Святого озера в море, для ремонта и строительства судов. При его заполнении и осушении использовалась разница уровней между Святым озером и морем. Работает он на отливно-приливных течениях Белого моря. На канале находился и не сохранившийся до наших дней лесопильный завод, уникальный в том смысле, что почти не требовал обслуживающего персонала. Завод долго не проработал – весь строевой лес на острове был быстро истреблён.

На Соловках я впервые познакомился с приливом-отливом. На Чёрном море этого нет. Здесь этот эффект возникал два раза в сутки. Высота его до 0,8 м. На крутом берегу отлив не очень чувствовался, но на отмелях – ещё как! Вода буквально на глазах куда-то убегала, обнажая заросли водорослей – ламинарий. Высота их достигала двух метров: выходи и коси. Местные жители занимались этим активно. На всех заборах-плетнях висели эти рыжие водоросли и сохли. Их сдают на выделение йода. Есть ли такой завод на острове так и не узнал. Вода довольно солёная, температура в районе 18°. Некоторые дамы купались. Я не стал.

Никаких зверей мы не встречали, хотя они здесь где-то обитают. Птицы есть, но почему-то нет ворон. Отдельно следует упомянуть чаек. Они везде. Редкая по силе

гадость. Вопят – спать нельзя, скандалят и дерутся, даже на людей нападают. За что беломорская большеклювная чайка стала символом Соловков? Не понятно!

Несколько дней провели на острове. Пора домой. Простились с новыми друзьями. Они нам одолжили немного денег. Пошли на пристань. Там толпа народа. Причём нервного – катера уже несколько дней нет. Интеллектуалы озверели. Пришёл катер и интеллигенты бросились на его штурм ещё до того, как он причалил. Начали интенсивно давить друг друга, норовя скинуть в море (катер то стучался о причал, то отходил, свалившийся в образовавшийся зазор должен проститься с жизнью – раздавит обратным ходом). Никогда такого ни до, ни после не наблюдал. С тех пор держусь от толпы подальше. Особенно, если она состоит из любителей истории и искусства. Образованцы по трупам пойдут только так.

Я вынырнул из толпы и с огромным рюкзаком за спиной по вертикальной стене, цепляясь за какие-то скобы, без всякого трапа забрался на катер. Потом схватил за капюшон Иду. Она тоже с большим рюкзаком сделала немислимый прыжок через фальш-борт. Личный рекорд Гиннеса. За всю жизнь повторить не удалось. Катер перегрузился, осел, но пошёл и доставил нас в Кежму. Платить за перевоз мы не стали: как я, кажется, упоминал, свободных денег у нас нет.

В Кеми по деревянной дороге побежали на вокзал, ловить мурманский поезд. Тут с Идой случился астматический припадок. Очень сильный, перехватило горло, не могла дышать. Еле добрались до поезда. Взяли его штурмом. Поехали. В купе возник какой-то спор. Ида заявила оппоненту: "Я не собираюсь с вами дискутировать". Искусствовед изумился. Он думал, что если дискуссия, то надо говорить дискутировать. Уела!

В Кеми мы купили билет (с пересадкой в Ленинграде) на медленный, почтовый поезд, но зато до места. В Ленинграде нас ждал облом: подали скорый (сидячий) поезд. Потребовали от нас платы за скорость. Мы вывернули все карманы, собрали мелочь, и нам хватило! Более того. Мы пошли на Невский проспект и купили два бутерброда! Торжественно прибыли в Москву. Голодные, но счастливые. Осталась у нас на двоих одна монета, 2 копейки, позвонили тестю, он приехал за нами на такси.

Через месяц пошёл на склады Ленинградского вокзала получать байдарку. Там в ангаре распахнули дверь и сказали: "Ищи своё". Проблема в том, что помещение неизвестного, но, видимо, большого объёма оказалось до потолка завалено багажом. Дверь открыть удалось, но войти внутрь нельзя. В гордом одиночестве я начал разбирать завалы. Несколько часов работы и я увидел кусочек вкладыша, в который мы зашили байдарку. Потянул на себя – не тут-то было. На байдарке лежал рояль. Настоящий концертный рояль в деревянном ящике. Много мне пришлось потрудиться, пока удалось извлечь лодку. Дома оказалось, что она повреждена: шкура, к счастью, цела, но стрингера и шпангоуты погнуты. Так что я всю зиму имел занятие – выпрямлял детали.

Ида долго разыскивала новых друзей с целью отдать занятые деньги. Те категорически отказались получить свои 3 рубля.

В мире существует некоторое странное равновесие. Близкие друзья тебя бросают, а незнакомые люди выручают. Так и живём...

*_*_*

После Карелии у нас было много байдарочных походов. Всегда без спутников: только Ида и Я. Все реки Подмосковья, некоторые по несколько раз. Были и более дальние и опасные походы-путешествия. По Белому морю, по Бие, Телецкому походу. Когда Наташа подросла (перешла во второй класс) стали ходить втроём. Байдарочные походы чередовали с горными: Кавказ (гора Казбек и окрестности), Алтай (четыре похода, Аккемское и Кучерлинское озера, озёра Шавла, Катунь, гора Белуха, Чемал, Чулышман, Акташ, Телецкое озеро) и много куда ещё. Позднее уже гуляли по заграницам.

Странно, но рассказы получились только по первому, карельскому походу. По некоторым другим описание я сделал, но рассказов не писал.

Сволочи

Сиеста в Испании, это когда полдень, а ты лежишь себе под балдахином и почиваешь до ужина. А здесь в Карелии жара, как в Сахаре, ни ветерка (это на берегу-то гигантского озера!), валяешься на спальнике с завернутой в штормовку головой и никакого тебе кайфа. Зной, слепни да мухи. Ну и комары, естественно. Нет отдохновения от трудов праведных. Все руки – в водяных мозолях. Ноют, заразы. Нужно было взять перчатки, а не пижонить.

– Ой, какие красивые лодочки приплыли к нам в гости!

Так, начинается. Чёрт-таки кого-то принес.

Олег приподнялся и сел. Настоящий эстамп! На фоне ослепительно блестящего озера, между стремительными линиями красных байдарок выгравлена фигура старичка – лесовичка.

– И как это вы на такой хлипкой посудине по нашим озерам ходите? В жизни, в такую не сел.

– Что делать? Каждому свое!

– Послушай, дед – очнулся от созерцания себя и природы Евгений, – девчонки наши пошли спросить машину до Паль-озера. Как мыслишь, достанут?

– Чего захотели! Сюда трактор года три не заглядывал.

– Дороги нет?

– Есть дорога, да ездить сюда некому и незачем. Захирел хутор. Весной последнего старика свезли. Он махнул рукой в сторону крестов на острове. Летом, правда, наезжают с центральной усадьбы, вроде как на дачу, на сенокос, да, бывает, пастухи заходят.

Однако! Из Москвы все казалось проще. На карте дорога – почти шоссе. Кусок километров в пятнадцать. На себе тащить и лодки и груз – работа на любителя. Большого любителя приключений. Нужно привыкнуть к мысли, а тут божий одуванчик мельтешит. Теперь от него не отделаться.

– Помочь, однако, людям надо, – сам себе сказал старик, – ту всю ночь не спал и сегодня в ночное, но ничего не поделаешь.

Ребята молчали.

– Телега у меня есть. Свезу ваши лодки до озера, если просека позволит.

– Ну! – обрадовался Олег, – вы нас спасете. А дорогу Вы знаете?

– Так ведь это я сейчас конюх в колхозе, а раньше егерем в заповеднике служил.

– Что ж ушли? – из чувства благодарности Женя поддерживал разговор.

– Выгнали! Из-за дружка. Завалил он зимой сохатого. Жить-то надо. Так – ему срок, а меня под зад коленом. За то, что не донес, значит. А просеки почитай, что и нет – заросла вся. Если пожар или ещё что – во век не продерёшься. Мы-то пройдем как-нибудь. Вы – ребята здоровые.

– Слушай, дед, можно ли на хуторе купить хлеба и картошки?

– Нельзя, но я захвачу.

...Когда раздался грохот телеги, байдарки были уже на берегу и даже слегка подсохли. Марьяна сидела на рюкзаке, а Инна в свой ещё что-то запихивала.

– Вот, берите, что есть, – старик протянул плетёную корзину, в которой поверх картошки лежал каравай хлеба домашней выпечки.

– Сколько с нас? – спросил Женя, расстегивая пуговицу на заднем кармане брюк.

– Ничего не надо!

Ну, кто бы спорил... Не спешит платить. Пусть, как следует, попросят. Пусть очень хорошо попросят. И тогда все равно не спешит платить!

– Спасибо! И Олегу: Взяли?

Ребята подняли первую байдарку.

– А почему мою вниз? – бросилась к ним Инна.

– Тьфу! Ну, давай нашу.

С чувством полного самопожертвования Олег взялся за свою байдарку.

– Тряпка ты, а не толстовец, – бросила ему жена со своего места, – вечно мы должны уступать.

– Пускай!

После часа возни, удалось, наконец, уложить в узкую, как гроб, телегу две байдарки, одну на другую, засунуть в них вещи и все это стянуть веревками.

– Но, Дума! – старик встряхнул вожжами.

Караван тронулся. Солнце клонилось в Запад и, следовательно, должно стать прохладнее. Однако лапласовский детерминизм помогал мало: пекло продолжалось. Об раздеться не могло быть и речи. Слепни и овода густо покрывали бьющую себя хвостом кобылу. Перспективы прогулок нагишом были понятны. А в штормовке, как в сауне.

Сначала шли через хутор. Вдоль берега разбросан был десяток кубиков – бани. За ними возвышались огромные двухэтажные избы с многочисленными пристройками. Все говорило о былом избытке леса, умелых руках и достатке. Какая здесь была жизнь, когда это строилось, осваивалось, переделывалось! Кишело людьми, детьми и скотиной. Теперь – тишина кладбищенская.

Конечно, сейчас подобные избы можно посмотреть в Кижях. Однако Кижы – ритуальный, а не жилой остров и собранные со всей Онеги дома, церкви, мельницы, амбары, овины выглядят, как театральные декорации. Неправдоподобно крепкие и красивые. Хутор же представлял собой хорошо сохранившиеся развалины. Некогда величественные, рубленные из толстых стволов сосен, любовно крашенные затейливой резьбой, они почернели и грузно осели, кто вниз, а кто на бок. О бывших огородах можно было судить по кое-где торчащим из кустов плетням.

Наглядная агитация: русские пришли. Коммуняки, к тому же.

– Да, не дают жить мужику, ворчал Иван Фомич. Скоро от хутора следа не останется. Как финны ушли, а колхозы укрупнили – пошло, поехало – не остановишь. Народ все к центральной усадьбе тянется, да в город на заработки.

Ребята слегка посмеивались над старичком-ретроградом, но было грустно.

Сразу за последней избой начинался запущенный лес. Сплошные заросли, но деревья мелкие, сосен нет. Если кто и захотел бы реконструкции срубов, то строить ему все равно не из чего. Бывшая дорога, а теперь неупорядоченная просека перелезала через невысокие холмы, периодически огибая огромные камни – бараньи лбы, оставленные отступающим ледником. Через десять шагов стало ясно, что предстоит. Телега грохнулась в заполненную водой яму. Чертыхаясь, начали вытаскивать, на пару метров продвинулись – завал, потом обвал, потом прижим. Особо не по-философствуешь.

За час прошли километра два и остановились. Только вышли, а уже устали. Жара, впрочем, стала спадать. Слепни-оводы истощились. Зато усилился комарик. Закурили в попытке его отогнать.

– А Вы – карел? – спросил Женя, стараясь сделать старику приятное.

– Да нет, русский. А женат на карелке и болтаю по-ихнему.

– Давно в этих краях?

– С сорок третьего. Воевал неподалеку. Разведчика, аккурат, перед окопами ранило. Полез его вытаскивать, да самого подстрелили и серьезно. Разведчик-то как-то оклемался, подполз ко мне, посмотрел рану и говорит:

– Видать конец тебе Ваня пришел.

Снял с меня часы, сапоги хорошие и уполз к своим.

Дед затаился и покашлял.

– Меня уже потом карелы подобрали. Так и остался...

– А того гада не встречали больше?

– Как не встречать? Он в соседнем совхозе лесопилкой заведует.

Двинулись дальше. Разговаривать стало трудно. Пошли овраги. Свежие, с обрывистыми склонами. Телега то и дело вставала на дыбы. Дума, кряхтя, перелезала через завал, залегая на гребне и болтая ногами. Путь каравану приходилось прокладывать,

перерубая, перепиливая и растаскивая стволы упавших деревьев. Солнце садилось, комарик крепчал. В атмосфере стоял непрерывный звон. Путники истово хлестали себя по лицу ветками.

– У нас комары недавно теленка съели, – утешал Иван Фомич. – Эх! Встретить бы когда ученого химика, поговорил бы с ним по душам!

Интересная заявка, учитывая, что двое из присутствующих – студенты химфака.

– А что он вам сделал? – осведомился Олег.

– А как же? Почему не придумал, как гнус-мошку извести. Комар что: сложнее человека?! Как народ травить, так нет проблем. Открыл баллон с фосгеном – пары тысяч нет. Хороший, плохой – все на том свете.

Он чуть усмехнулся своей горячности и добавил тоном стесняющегося пророка:

– Не может один человек лишать жизни другого! А вот комара – может и должен. Но не лишает. Не может, не хочет?

Ну, Або дает! Олег собрался было рассказать ему про биоразнообразие, которое никак нарушать нельзя. Попугать исчезновением рыб-лягушек. Но тут вышли к ручью и встали.

– Заночевать вам здесь придется, – сказал старик, – завтра вернусь за вами и двинем дальше.

– А много осталось?

– Да километра два-три.

– Так мало?! Тогда давай дед сегодня. Что день терять и зря гонять скотину?

– Мне в ночное. Темнеет, а ночью нам нельзя путешествовать. Лошадь медведя почувствует – понесет.

– Да я провожу вас! – Олег погладил приклад двустволки, которую исправно, но бес толку всегда таскал за собой.

Старик оценивающе посмотрел на него и махнул рукой:

– Поехали!

В час ночи разгрузили телегу на берегу озера. Ясно, что Фомич не успеет в свое ночное. Он не торопясь оправлял сбрую и вздыхал. Попадёт от карелки и председателя. Не говоря уж о скотине.

Олег подошел к Жене:

– Отвали ему пятерку.

– Зря мы сразу о цене не договорились. Теперь небось, десятку заломит. Целый день и ночь с нами потерял.

– Жирно будет. Хватит пятерки.

– Что, Иван Фомич, пяти рублей довольно? – спросил Евгений. От неумения улаживать денежные дела фраза прозвучала развязно.

– Ничего мне не надо. Помог вам. Не поминайте карела худым словом. Черте сколько провозился, пора домой.

– Подождите! Все равно опоздали. Давайте выпьем. Инна! Дай фляжку и кружку.

– Марьяна! Достань им.

Марьяна с досадой – на других сваливает, сама не может – принялась распаковывать продуктовый мешок. Достала кружку и протянула ее Олегу. Он зачерпнул воды и долил спирта.

– Иван Фомич долго усаживался на свернутом спальнике и долго не мог выпить.

Женя хотел крикнуть дамам, чтобы вскипятили чай, но, подумав, сам пошёл за дровами. Повезло с добрым мужиком. Впрочем, сам бы он на его месте поступил также. Но не потому, что доброта – основная черта его характера, а потому, что ежечасно и ежеминутно помнит, что нужно делать добро. Таково его предназначение.

Когда Евгений начал разводить костер, Фомича уже порядком развезло. Подойдя поближе, он протянул ему кружку.

– Ещё нальешь?

Женя было подумал, что он и так пьян и не удержится в телеге, но: на добро – добром. Налил еще.

– Гляди, налил! А я думал: еврей – не нальет. Ну, ваше здоровье!

Начавшийся дождь отвлек внимание путешественников. Они бросились переворачивать байдарки, ставить палатки и затаскивать в них рюкзаки. Через некоторое время старик сидел в палатке с очередной порцией уже неразведенного спирта. Он что-то непрерывно говорил, путая свои подвиги с чужими. Потом он вдруг заплакал и полез целовать девчонок. Это – уже перебор. Ребята встали, подхватили деда под руки, и повели к телеге. После некоторой борьбы Иван Фомич был уложен в гробик, Олег уселся рядом, свесив наружу ноги.

Телега невыносимо тряслась. Олег иногда слезал с водительского кресла, шёл рядом, придерживая норовившего вывалиться старика. Дождь усилился, комар стал энергичней. Все как-то противно. Почему он должен уродоваться с пьяным мужиком, когда остальные почивают в сухих палатках под пологамми? Зачем Евгений испортил мужика? Доброхот наш не дорезанный. Если разобраться в обстановке, то кобыла сама домой дорогу найдёт. Ночь светлая, рассвет через час, да и под дождем быстро протрезвешь.

Проехав километра три, он хлестнул лошадь, бросил кнут в телегу и зашагал обратно.

Дума некоторое время бежала по просеке, но, заметив полянку со свежей травой, свернула вбок. Ось уперлась в дерево, телега встала. Старик зашевелился, хотел что-то сказать, но лишь тяжело вздохнул и рухнул обратно.

Карельский порог

Carpe diem!

(Пользуйся мгновеньем)

Мы с Лидой путешествовали по Карелии одной байдаркой. Шли обычно ночью – светло, как днем, но тихо, ни ветра, ни волн, ни комаров.

Спустились по Суне и теперь скользили по озеру. Природа таинственно молчала. Лишь с вёсел падали капли.

Выгребали мы давно. Я сидел сзади, махал веслами, а вытянутыми ногами нажимал петли руля. Члены затекли – меняй позу. Ноги прижались к Лидиной спине. Этого оказалось достаточно. Она обернулась, и мы поцеловались. Тут же я вытащил разделявшую нас спинку. Байдарка раздалась и обмякла, грозя сложиться. Нас это не остановило. Лида повернулась ко мне, я аккуратно уложил её вдоль лодки, не забыв сначала устроить вдоль бортов длинные двулопастные весла. Она лежала не прямо на дне, а на мешках из детской клеенки, забитых спальниками. Попа покоилась на надувном судне, служившим нам единственным спас-средством. Она расстегнула ремень, я стащил с нее джинсы и отодвинул в сторону полоску трусиков. Сначала пососал её клитор, потом, целуя тело, стал подниматься всё выше, когда добрался до губ, мой Младший Брат начал искать вход в пещерку. Он долго и безуспешно куда-то тыкался. Лида выбросила ноги за борт и приподняла бедра. Наконец, я вошел в неё и стал двигать взад-вперед. Сначала медленно, потом – быстрее, еще быстрее.

Лодка раскачивалась всё сильнее. Изредка вода захлестывала через борт и попадала на наши разгоряченные тела. Мы не обращали внимания, целиком поглощенные своим занятием. Лодка не просто качалась, она двигалась вперед, убыстряя ход. Мы тоже ускорились. Лодку тряхнуло всерьез – чуть не слетел с подруги. Я приподнял голову. Мама родная!

Мы были ещё на водной глади озера, но обзор уже самолетный. Вся местность впереди была под нами. Из озера вытекала река, её течение подхватило нас и влекло вниз. Впереди бурлила вода, ревели пенные волны, блестели камни порога с застрявшими на них корягами. Без весел и руля мы сами были брёвнами молевого сплава.

Я вновь сосредоточился на сексе, стараясь остаться в байдарке. Лодка прыгала на камнях, иногда вертелась вокруг оси, черпала воду, то одним, то другим бортом. Но мы любили друг друга сильнее и сильнее.

Вот этот миг: оргазм, водопад, свободный полет в Рай.

БЕЛОЕ МОРЕ

Белое море я посетил пять раз.

1975

Один мой студент, Алик (Адилъ Халилович) Искендеров, слабо интересовался

химией и радиохимией, но активно занимался фотографией, покупая и испытывая какие-то немислимые объективы к своей зеркалке (Зенит). Вторым хобби у него были подводные погружения, катера-яхты-шхуны. Связано это с тем, что он родился и вырос на берегу Белого моря, в Кандалакше, и собирался (а потом и осуществил) жить в этом славном городе. Он сочетал оба своих хобби: конструировал и монтировал боксы для подводной фото- и киносъёмки, потом всё это испытывал на различных глубинах. Своими рассказами увлѣк подводным плаваньем и меня.

Я – профессиональный водолаз.

На майские праздники я сел в поезд Полярные зори и отправился в Кандалакшу. Алик, сын офицера, жил с матерью в военном городке. Он активно участвовал в деятельности местного общества аквалангистов, возглавляемого ювелиром Хоренковым. В их распоряжении была шхуна Арго, у неё была закрытая рубка со штурвалом и гирокомпасом, дизель и нечто вроде кубрика, в котором можно было укрыться от непогоды и даже как-то поспать. На шхуне мы пошли в ночь на мыс Кочинный. Выпили бутылку водки (Алик не пил), сыграли пару раз в дурака, выпили вторую бутылку. Команда устала. За штурвал встал я, так всю ночь и простоял в гордом

одиночестве. Море было спокойно, хотя волна всё же была и мне приходилось постоянно крутить штурвал, чтобы не сильно трясло и не заливало. Мешались плавающие льдины и острова, которых полно в Кандалакшском заливе. На компас я не смотрел, а использовал байдарочную тактику – целился от мыса до мыса. Изредка бросал штурвал и нырял в трюм, запуская заглухший двигатель. К утру пришли в бухту (фиорд) у Кочинного, встали на якорь и на моторке десантировались на берег. Там находились два зимника, в один мы поселились. Утром вышли, видим бухта высохла, Арго лежит в чистом поле на боку, Отлив, а тут как раз и прилив начался. Вода стала поступать в наш корабль. Бросились спасать, стоя в прибывающей воде, пихали борта, ставя судно на киль. Поставили! Акваланга я никогда не видел и пользоваться им не умел. Пришлось осваивать по ходу дела. Была проблема с гидрокостюмом: мал он для меня, особенно, когда я попытался влезть в него в телогрейке. Запихивали меня в него трое. Совершил несколько погружений, но на глубину не ходил. Подстрелили утку, которую тут же съели.

Вернулся в Москву, где начал более профессионально осваивать подводное дело, сначала в бассейне ГЗ МГУ. Там погружался не только в акваланге, но и в трёхболтовке (весит 60 кг), в которую воздух подают по шлангу. Оттачивал мастерство на военно-морском тренировочном центре за Соколом. Башня глубиной 20 м, требуется достигнуть дна. Там – иллюминатор, в который заглядывают посетители гардероба. Плохо

продувался – сильно болели уши. Прошёл очень строгую медицинскую комиссию. Лёжа на спине вертел педали велосипеда. Успешно! Сдал экзамен по вязанию морских узлов, в ходе которого поругался с экзаменатором: мне ли не знать, как вяжется казахский узел?! Я им тысячу раз лошадей привязывал и в жизни его широко использую. Получил диплом и стал профессиональным водолазом. Теперь, в отличие от аквалангиста, могу работать под водой (сварка, измерение активности грунта, подъём затонувших предметов). Имею право учить и погружать дайверов.

1976

Поскольку стал спецом, решил в январе в уникальную стужу (и в Москве и на Северах) принять участие в подводных погружениях на Белом море в районе Кандалакши. Поехал на поезде, двери у вагона не закрываются, внутри дует и холодно, на полустанках – метровый снег без признаков жизни. Попутчики удивлялись, что в таком климате я собрался купаться подо льдом. Я сам себе удивлялся. В Кандалакше выяснилось, что на том же поезде и с той же целью к Алику прибыли аквалангисты биофака МГУ и сотрудники некоторых спортивных обществ. Погрузили на аэросани двигатель, завели его и на лыжах пошли по льду на территорию птичьего заповедника. Там на острове есть зимник, а у берега – обрыв и большие глубины. Метель, полыньи и разводья, прилипающий к лыжам снег. Никаких ориентиров. Мотор заглох, пришлось тащить сани. Шли, как седовцы к северному полюсу. Зимник оказался дощатым домиком, но раскочегарили печку-буржуйку, вроде тепло. На улице мороз -35°C и очень красивое северное сияние. Утром долго пилили толстый (больше метра) лёд и организовывали квадратную полынью. Прыгнул в воду и камнем ушёл на всю длину троса. Фонарь быстро погас, но я успел полюбоваться красотами подводного мира. Всплывал в полной темноте и больно ударился башкой о лёд – отлив унёс меня далеко от полыньи. К тому же конец запутался, еле меня вытащили (вся морда в крови). Потом ещё несколько раз погружался, достиг глубины в 20 м. Одну даму чуть не утопили, порвали ей уши. (Потом она стала женой Искендерова). Поразила степень нарушения техники безопасности. Не зря! Наш главный, Хоренков, вскоре погиб. Я же благополучно вернулся в Москву.

1977

Летом мы всем семейством (я, Ида и Наташа) по приглашению Алика прибыли в Кандалакшу, в основном ради приобщения Наташи к подводному плаванию. Попали на праздник Военно-морского флота. Был морской парад. Мы тоже приняли в нём участие на каком-то сейнере. Наташа постояла за штурвалом. Погрузились на Йольдию, округлые борта для плавания во льдах, недавно отделанный деревом прекрасный кубрик. Выпили водки, стали играть в преферанс, в котором весьма активно проявила себя Наташа. Потом ещё раздавили бутылку, поставили Наталью за румпель (штурвала не оказалось), а сами прилегли отдохнуть. Про дочь забыли, так она нас и вела нас до Кочинного. Один зимник уже сожгли, второй стал разрушаться, поселились в палатке. Собирали грибы-ягоды, ловили треску (оказалась очень вкусная рыба и чистить её не надо). На моторке гонялись с Аликом за китом. Пытался кататься на водных лыжах, ничего не вышло, но у Наташи получалось хорошо. Одели её в гидрокостюм, снабдили аквалангом, надели сначала один свинцовый пояс, потом второй, потом третий. Утопить её, однако, не удалось; побарахталась среди камней у берега. Ида купалась в море без всякого гидрокостюма. Я несколько раз погрузился неглубоко с аквалангом (искал (и нашёл) подводные друзы аметиста) и поплавал с трубкой среди зарослей водорослей – ламинарий. Собрал образцы песка, в том числе – ториевого (чёрные пески, монацит), потом мерил радиоактивность на кафедре. Наташа водолазом не стала, но Белое море ей понравилось, и она потом много раз бывала на ББС (Беломорская биологическая станция МГУ): и зимой и летом.

1983

В январе сопровождал Наташу и её согруппников-теоретиков в Кандалакшу. Собирались совершить подлёдные погружения, не вышло. Дима Крылов непрерывно повреждался всеми возможными и невозможными средствами. Напугал меня возможными последствиями подлёдных погружений. Жили на водолазной станции на окраине Кандалакши. Тут всесоюзная лыжня и мы бегали на лыжах. Алик предоставил нам дельтоплан. Затащили его в гору с трамплинами. Мы с Наташей на нём не летали, другие пытались, но не очень удачно.

1991

Отправились в Кандалакшу с ИМ. Немного пожили на квартире Алика, потом на местном поезде доехали до Пояконды. Там долго ждали парохода, принадлежащего ББС. Аналог Эксперимента, но намного хуже оборудованном. На ББС познакомились с биологом Т.А. Бек (снс ББС) и аспиранткой Лейлой. ТА водила нас на экскурсию по литорали (при отливе) и по ботаническому саду. Почву для него нанесли в ручную. Дендрарий: пикта лиственница можжевельник, кедровый стланик, корейский кедр, коллекция пионов, холодостойкая яблоня, княженика. Есть аквариумы и бочки с живой рыбой, одна из которых, выпрыгнув, чуть не откусила мне нос. Любовались закатами. Хотел посетить пресное озеро, в котором купаются голые студентки, но меня туда не пустили. На обратном пути наш пароход чуть не снёс пристань в Пояконде. Поселились опять у Алика. Лейла сунула дохлую чайку ему в холодильник, чем вызвала его большое неудовольствие. Алик повёз нас на машине в Полярные Зори на Кольскую АЭС (он там работал водолазом). Долго оформляли пропуска мне и ИМ. Реакторы ВВЭР, когда работают, их посещать нельзя, это вам не РБМК. Поговорили с начальниками, договорились о сотрудничестве, но последствий это не имело. Пока Алик раскошегаривал своё "блюдце", сидя на брёвнах, придумал для Лейлы тему диссертации. Потом в ИНХС РАН под руководством В.В. Теплякова по ней защитилось несколько аспирантов, но не она. Блюдце – спасательный катер – кажется небольшим, но способен принять на борт до 30 пассажиров. Долго петляли меж островом и приплыли к месту тренировки водолазов. Там – огромная скала – памятник Хоренкову, на вершине катер, на котором он погиб. Поместили ИМ и Лейлу в гидрокостюмы, дали в зубы трубки и отправили купаться. Трубки они потеряли.

Отливы

В мультфильме «Приключения капитана Врунгеля» плывущий корабль настигает отлив, и он оказывается зажатым в ущелье высоко в горах. Очень смешно. Особенно, когда смотришь мультфильм, сидя в кресле в городской квартире. Но на практике уж нет того веселья.

Работы на Арго.

Татьяна Александровна Бек – биолог МГУ в отливы любила бродить по литорали Белого моря, собирая всякую мелкую живность. Однажды она увлеклась, отошла от берега, села на бараний лоб и стала рассматривать в лупу очередного рачка. Прилив она заметила не сразу. Подняла голову – сидит посреди моря – берега почти не видно, а кругом вода. Довольно холодная, по случаю наступающей осени. Она прыгнула в воду и побежала, что было сил. Вода была по колено, но быстро прибывала. Пришлось на ходу скидывать телогрейку и пускаться в плавь. Еле осталась жива.

Для москвича, привыкшего отдыхать на Черном море, отливы кажутся удивительным явлением. Только что здесь бушевало море, волны бились о скалы, а глядишь – плоская влажная суша с отдельными кочками. Можешь гулять, выкапывать из кучек песка червяков с тем, чтобы, когда вернется вода, ловить треску. (Очень вкусная рыба, кстати, почти без костей и, что главное – чистить не надо. И ловится на червя сама собой). Местные жители крайне внимательно следят за расписанием приливов-отливов. Поскольку подобные явления зависят от оборотов луны, то происходят два раза в сутки, причем время их наступления все время сдвигается и расписание довольно сложное. Поначалу я думал, что следить за отливами нужно в меркантильных целях – чтобы не прозевать рыбалку. Оказалось, однако, это важно для спасения своей шкуры.

Мы давно плавали по Белому морю на «Арго». К отливам привыкли и особенно их не боялись. У нас был моторный катер. Поэтому мы вставали на якорь далеко от берега, на больших глубинах, неподвластных смене уровня моря. А на берег высаживались на моторке. Однажды зашли в бухту в районе мыса Кочинный. Штормило. Встали на якорь,

сели в лодку и съехали на берег, чтобы по-человечески переночевать в зимнике. Утром встали, глянули: мама родная!

Кругом, насколько хватало глаз, расстилалась каменная пустыня. Без каких-либо признаков воды. Посреди нее на боку лежал Арго, запутавшись такелажем в водорослях. Вокруг валялось все, что находилось когда-то на палубе. Бочки с мазутом, с пробами, с краской. Счетчики радиоактивности, магнитофоны и спальники. Акваланги с компрессорами. И много еще чего. Дух захватывало от перспективы посещения кают и лабораторий. Мы бросились (уже пешком!) к нашему бедному пароходу. Начался прилив. Мы собирали разбросанные по всей округе вещи и бросали их в трюм. Вода прибывала, но вместо того, чтобы приподнять корабль, начала затекать во внутрь, через открытые палубные люки. Стали плечами поднимать борта, пытаясь как-то выправить крен судна. А оно тяжелое! Суетились мы страшно, как свора лилипутов. Кто-то упирался рогом, кто-то искал потерянный фотоаппарат, кто-то копал канал, запуская воду под киль Арго, а кто-то с палубы давал советы. В конце концов, победили стихию и, не без потерь, вышли в море.

Это вам не мультфильмы смотреть про капитана Врунгеля!

Зимник на мысе Кочинный, на заднем плане Арго.

Зимние купанья

Алик так занимательно рассказывал о подводном спорте, что я не выдержал и поехал на Белое море. Дело было в январе. В Москве морозы стояли страшные (рекорд столетия). С троллейбусов краска осыпалась. В поезде тоже было холодно: двери вагонов не запирались, дуло и угольных печек не хватало. Я сидел по уши

завернутый в спальник и смотрел в окно. Мелькали занесенные снегом станции без каких-либо признаков жизни. Но кто-то там все же существовал. Вдоль каждой платформы, во всю ее длину, шла свежеврытая в снегу тропинка, вернее – траншея с вертикальными бортами, глубиной по пояс человека и шириной 40 см. От края платформы она отстояла метра на полтора. Нетронутая поверхность разделительной полосы свидетельствовала, что никто не прыгал из вагона. А жаль, интересно было посмотреть на десант пассажира в снег. С соблазном тропы впереди. Но желающих не было. Никаких следов. Только траншея на платформе.

Белое безмолвие...

Темнело, мы пили чай-водку и беседовали. Офицеры травили байки про службу, горнолыжники обсуждали новую трассу в Кандалакше. Я помалкивал. – А Вы зачем на Севера? – спросили меня, наконец. – Купаться! – ответил я машинально.

Хоренков и Искендеров испытывают двигатель для аэросаней.

И только в наступившей тишине, пахнувшей безумии, понял странность своих намерений. Вроде как ничто не располагало к купанью: ни мороз, ни вьюга, ни налетающая полярная ночь. Но раз чего решил...

Купаться хотели и некоторые другие пассажиры, их я немного знал, парни-студенты с биофака МГУ, и одна девушка – Вера – сотрудник ДОСААФа. Всех их

пригласил Алик на зимние погружения. Выгрузившись в Кандалакше, мы составили московский отряд. День провели в отладке оборудования: клеили гидры, чинили клапана, забивали акваланги. Утром (хотел сказать – на рассвете, но стояла чёрная ночь) надели валенок на винт снегохода и с десятой попытки завели его. Экспедиция торжественно тронулась в путь. Мы шли на лыжах, а груз ехал на снегоходе. Но не долго. Сани задели торос, и мотор заглох. Пришлось одним изображать упряжку, другим – вьючных лошадей. Надел я акваланг (24 кг, между прочим), рюкзак с вещами и побрел вперёд. Мела позёмка, температура – ниже -30° , но среди снегов попадались обширные разводья морской воды. После прохождения таких участков лыжи обволакивались снегом и вообще отказывались куда-либо двигаться. Не менее противными были трещины во льдах, куда так и тянуло нырнуть. Торосы тоже не подарок. У некоторых стали ломаться лыжи. Шли мы как Седовцы, с усов и бровей свисали сосульки. Изредка Алик останавливался, доставал метровой длины подзорную трубу и вглядывался вдаль. Что уж он видел в кромешной ночи, не знаю, но через некоторое время отряд возобновлял движение. На пятый час пути народ окончательно выбился из сил. Оставили двоих сторожить сани, скинули им акваланги, а сами, менее грузённые, пошли дальше. Казалось, ледовой пустыне не будет конца. Но вот в проблесках слегка приподнявшегося над снежной поверхностью солнца, увидели небольшой скалистый остров с домиком на нем. Зимник!

Пару раз смотавшись взад-вперед, мы перетащили весь груз к островку. Затопили

печку из бочки и стали отогреваться. При ближайшем рассмотрении зимник оказался вовсе не зимником, а дощатым летним домиком для зрителей птичьего заповедника. Но мы были счастливы. Трещал мороз, шуршало огромное – во все небо – Северное Сиянье. Было светло, как днем.

Хорошее место для купаний.

На следующий день принялись за полынью. Не простое это дело: толщина льда – около метра, да ещё

снег. Пробуравили дырку (ударил фонтан воды), просунули пилу для пилки досок и начали пилить. Долго ли, коротко, но пропилили по всему периметру. А дальше что? Вырезанная льдина весит не один десяток тонн, не вынешь. Созвали народ и начали по команде всем отрядом прыгать на неё. В конце концов, один край льдины затонул, его подсунули под лед, и образовалась дыра, доступная для купания. Мы и сами всласть накупались, одежда превратилась в панцирь, пришлось в зимнике оттаивать.

Фото на память.

На следующий день надели теплое бельё (очень хотелось, натянуть телогрейку, но не дали) и приступили к облачению в гидрокостюмы. О! Это целый ритуал. Двое берутся за края гидры и, встряхивая, запикивают тебя в резиновый мешок. Потом закатывают манжеты, застегивают пояс со свинцовым грузом, надевают акваланг, маску,

ласты, суют в зубы трубку и шлепают по заду: Пошёл! Попробуйте в таком виде

спуститься со скалы и добраться до полыньи. Я на вас посмотрю! В сильный мороз, к тому же. У одного из водолазов от холода лопнула трубка на акваланге. А там 250 – атмосфер. Бедолага превратился в ракету и заскользил по льду. Еле поймали.

Но вот я стою на краю полыньи. Меня привязывают к концу, напоминают сколько раз дернуть, когда соберусь обратно, и сталкивают спиной в воду. Пучина затягивает. Через секунду оказываюсь в другом мире, другой цивилизации. В метре надо мной – снег и пурга, а здесь довольно тепло (-2°C – всё не -35°C). В школе учили, что вода не может охлаждаться до температур ниже $+4^{\circ}\text{C}$, но там речь шла о пресной воде, а солёная, так вполне может. Главное в море – бурная жизнь: плывешь в тропическом лесу из водорослей всех видов и размеров, на камнях – огромные красные звезды, ракушки, морские ежи. Все это шевелится, занято делом и не подозревает о холоде-морозе из которого я явился. Рыбы, то в одиночку, то стайкой подплывают на свет фонаря. Некоторые замирают и прячутся мне в маску. Медуза – вся из длинных фиолетовых волос,

как русалка, проплывает мимо. Среди скал проблескивают друзы аметистов. Растут целые сады цветов. Вот рыбка нырнула в один из них, лепестки тут же замкнулись и сжевали болезную. Не цветок это вовсе, а Актиния, хищник известный.

Ната сердитая.

Красота, ребята, неопиcуемая! Недаром Садко из моря-океана не хотел возвращаться.

Смотрел я на чудеса, раскрыв рот. А зря! Загубник выскользнул, я выдохнул воздух и стремительно полетел вниз вдоль обрыва. Фонарь немедленно погас. Темно, как у негра в желудке. Акваланг я одел впервые, но инструкцию читал. Там сказано, что с аквалангом можно погибнуть в собственной ванне. Тот самый случай! Только здесь глубина под сто метров. Это, впрочем, не важно, с аквалангом запрещено нырять глубже 20. Я продолжал падать, уши заложило, где-то в носу появилась резкая боль. Организм требовал кислорода, но вдохнуть я не мог. И был не прав.

Наташа ведёт сейнер.

Я бросил фонарь и стал обеими руками обшаривать всего себя. Наконец, нашёл где-то за спиной шланг и попытался засунуть его в рот. Это долго не удавалось, но жить захочешь – засунешь. Всласть наглотавшись рассола, я вдохнул воздух и задышал, задышал. Жизнь стала возвращаться. Я почувствовал своё тело и обнаружил его в дискомфорте. Гидра протекла, причём с разных сторон. Холодная вода проникла под шерстяное бельё и начала растекаться по телу. Так себе удовольствие. Купаться сразу расхотелось. Пора возвращаться домой.

Йольдия на рейде.

Попытка узнать опускаюсь ли я или всплываю, успехом не увенчалась. Состояние полной невесомости: я мог лежать, стоять на голове, кувыркаться – на организме это не отражалось. А внешнего мира не было. Как вы думаете: что видно в полярную ночь подо льдом на глубине с десятков метров. Ничего! Уверяю вас. Лучше плавать с закрытыми глазами, чтоб не отвлекаться.

Преферанс на яхте.

Я наполнил всю грудь воздухом (7000 кубиков легких, не зря год работал стеклодувом) и полетел вверх. То, что это именно туда, понял, когда с размаху треснулся головой об лед. Всплыл! А дальше что? Полюньи не было и в помине, отлив отнёс меня далеко в сторону. Где же выход? Куда нам плыть? Неизвестно! Я попытался выбрать канат, чтобы натянуть его, узнать направление домой и подтянуться. Но канат свободно болтался. Видимо наверху страхующий увлекся чем-то более интересным, чем моя судьба. На аварийные сигналы тоже никто не реагировал. Я не знал, насколько хватает воздуха в акваланге, но время шло, запасы шли к концу. Отчаянно затряс конец. Страхующий, наконец, проснулся, потянул конец и потащил меня вперёд. Бац! Тело мое вцепилось в льдину нашей полыньи. Она была наклонена, вот в зазор между льдами я и влетел. Канат, привязанный к поясу, заклинивал центральную часть тела в щель между льдами. И чем сильнее мужики тащили канат, тем сильнее я заклинивался. Дело осложнялось тем, что я на правую руку намотал конец, и теперь она была далеко от туловища. Пользы от неё не ожидалось. Пришлось левой рукой добираться до ножа, висевшего на правом бедре. Наконец, я вывернул нож (он крепится на резьбе) и перерезал канат. Очень рискованное мероприятие, категорически запрещенное в водолазном деле. Если кончик выскочит из рук, страхующие наверху могут только помянуть тебя за упокой души. Однако, выхода не было. Не сидеть же в щели вечно. Я освободил от давления поясничную часть, перехватил канат в другую руку, обполз льдину и вынырнул.

Дыши глубже.

Мое купание снимали на кино. Потом в Москве я его видел. Сцена такая: полынья, воды не видно, поверхность моря успела вновь покрыться льдом. Я его ломаю и вылетаю на поверхность. Морда вся в крови (порезался о льдинки), сопли текут. Алик наклоняется с криком:

– Шеф, правда, здорово!

– Да! – подтверждаю я, поднимая большой палец и исчезая в воде. Но тут меня уже выдергивают, как сома.

Теперь настало время нырять Вере. Ей, как положено, надели свинцовый пояс из восьми грузов и скинули в воду. А она не тонет. Гидра надулась, как дирижабль, и дрейфует по полынье.

– Обжимайся, обжимайся! – кричат болельщики. Вера вроде отжимается, но толку – ноль.

Вытащили её наверх, надели второй пояс и снова скинули. Эффект тот же – не тонет, хоть плачь.

Последние напутствия тренера.

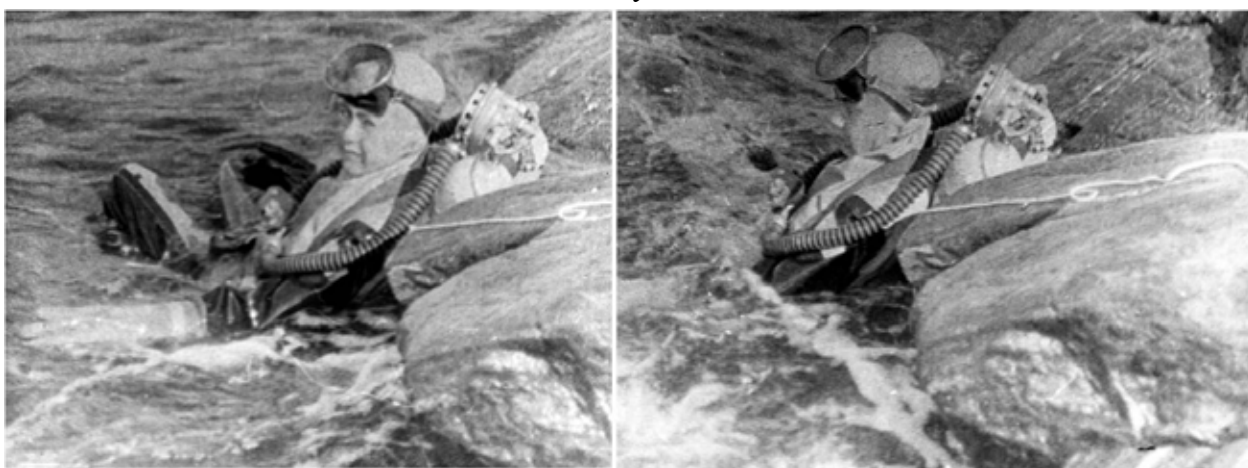
Третий пояс. Тут Вера, наконец, удачно обжалась и занырнула. Все так увлеклись процессом топления дамы, что забыли про канат. Бухта начала резво разворачиваться. Хорошо в последний момент ухватили за кончик, а то с подругой больше не пришлось бы повстречаться. Сразу начали выбирать канат и поднимать Веру: с такой скоростью погружаться нельзя. И правильно, когда даму выудили, у нее из уха шла кровь – порвалась барабанная перепонка.

Веру отнесли в зимник и слегка обсушили. К нашему большому удивлению, она быстро оклемалась, протерла ухо спиртом, и, морщась от боли, вновь направилась к полынье. На этот раз на нее сразу надели три пояса, она легко обжалась и снова камнем пошла на дно. Вновь страшущий упустил этот момент, и снова аврал по выборке конца. У Веры кровь шла уже из второго уха. За день порвали девушке обе перепонки. Серьезная травма водолаза – брак начальника.

Пришлось Алику на ней жениться!

Наташа купается.

Аквалангист.

Мы на блюде Искендерова.

На рейде - блюдо Искендерова.

Скала – памятник Хоренкову. Катер, на котором он погиб.

Обманула

Дипломную практику я проходил в Архангельске. Прибыл туда в начале лета. Еще в поезде познакомился с аборигенкой. Дело пошло, договорился о свидании.

– Приходи, – говорит – к маяку, когда стемнеет.

Вечером пришёл, брожу по косе. Час, другой. Солнце по горизонту ходит. Стал задумываться. Сидит рыбак, спрашиваю у него:

- Когда у вас темнеть начнет?
- Да через полгода!

Организатор наших путешествий по Белому морю – Искендеров Адиль Халилович.

Лейла готова к погружению.

Купаться, так купаться!

Алик добыл что-то ценное.

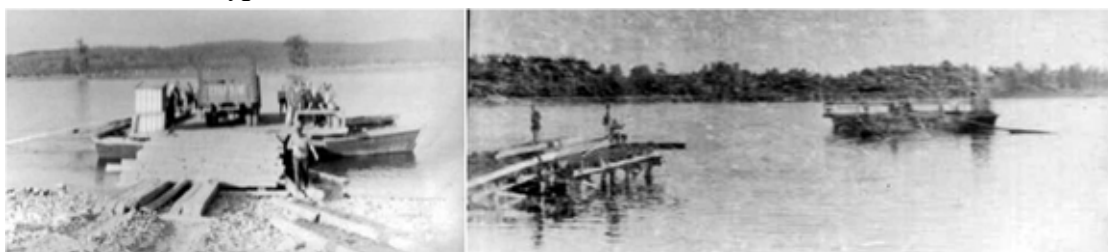
ГОРНЫЙ АЛТАЙ

Поскольку детство и начальные классы школы у меня прошли под рассказы отца и свои мечты о Горном Алтае, то когда я ощутил себя взрослым, то сразу стал организовывать путешествия в эти заповедные края. В результате в сумме провёл на Алтае 9 месяцев в ходе 1 экспедиции и 4 походов (1 - байдарочный). В экспедиции 2-го ГГУ летом 1964 (был студентом, перешёл с 4-го курса на 5-й) работал коллектором, компанию мне составлял согруппник Павел Кукин. Центр экспедиции располагался в Кош Агаче (Чуйская степь). Исследовали ледники и снежники на Катунских белках и Курайском хребте, реки Аргут, Чуя и Башкаус. Посетил Бийск, Горно-Алтайск, Ташанту, Джазатор, Акташ, Усть Улаган. Несколько раз прокатился по Чуйскому тракту. Основная часть путешествий выполнялась верхом на монголах.

Первый поход на Алтай мы с Идой совершили в 1966, на следующий год после окончания МГУ. На Байдарке обошли всё Телецкое озеро, зашли в низовья Чулышмана, после чего спустились до Бийска, преодолев очень серьёзные пороги. Второй поход, тоже с Идой, мы организовали и осуществили в 1970. Пеший тяжёлый поход по горам между Катунью и Чулышманом (14 перевалов, высоких, крутых и снежных), с последующим пересечением Телецкого озера и спуском с плановыми туристами по Бие на фелюге. Катастрофа на кабыровском пороге (паром, разбитая в щепки лодка, несколько утопленников, моё ранение) прервала наше плавание. После Турочака спускались по Бие на Ракете до Бийска. Третий поход с Идой в 1974 (почему-то всегда на Первенство мира по футболу) тоже относился к горному туризму. Из Горно-Алтайска добрались до Тунгура на Катунь. Долго поднимались в горы по долине реки Кучерла до Кучерлинского озера. Через какой-то высокий перевал (Катунский хребет) перевали в долину Аккема, обошли Аккемское озеро и по мощному леднику подошли к подножию Аккемской стены горы Белухи. Спустились по Аккему к Катунь (в район Катунского сужения). Последний поход на Алтай был в 1978 с Идой и подростом Наташей. Начало в Чибите (на Чуе), потом долина реки Орой, река Шавла, нижнее и верхнее озёра Шавло, Самультинский перевал взять не удалось, ущелье Аргута.

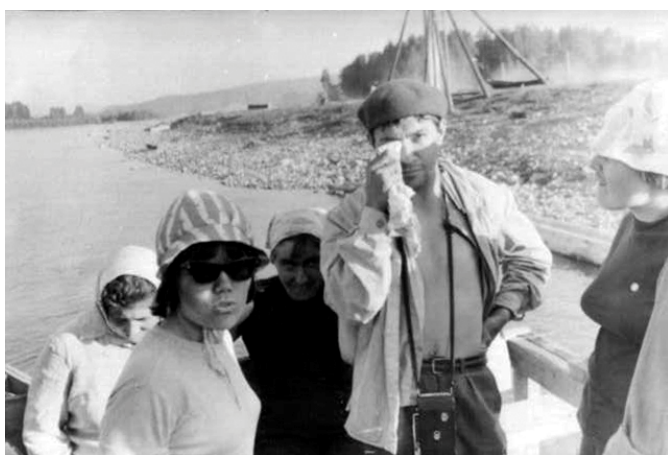
На турбазе в Бийске мы поселились в большой палатке.

Паром через Бию. Через 4 года мы о него разбились.

1966 Телецкое озеро - река Бия (байдарочный поход)

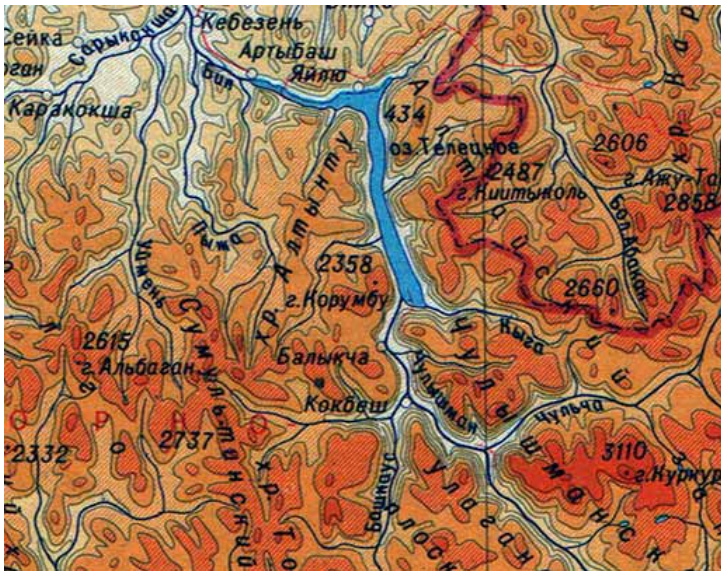
В мечтах, я бродил по Алтаю с дошкольного возраста. На 2-ом курсе много часов проводил в библиотеке, рассматривая карты, прокладывая различные маршруты (как потом оказалось, совершенно не реалистичные: в тех краях ходить надо не по картам, а по тропам). В 1966 я, наконец, попал на Алтай, в гляциологическую экспедицию, четыре месяца скакал на лошадях по Чуйской и Курайской степям, облазил чуть ли не все ледники, перевалил через многие перевалы и взобрался на некоторые вершины. Конечно, экспедиция – большое дело, попадаешь а такие удивительные места, которые туристом ни за какие деньги не увидишь, со страной познакомишься, поймёшь, как по ней путешествовать. После двух больших экспедициях, я ощутил себя не каким-то туристом-любителем, и не спортсменом (горный туризм, байдарочный слалом, альпинизм, которых ведёт инструктор или тренер). Нет! Я был профессионалом, но не по службе, а по делу. Мне не нужно государственное финансирование, мне не нужны указания, куда и когда ехать, что там изучать, потом писать отчёты. У меня теперь частные экспедиции: что хочу, то и ворочу. Я пройду по маршрутам, за которые дают высшие спортивные разряды

и даже звания мастеров спорта, но не в составе группы из 6 человек, как это требуют спортивные инструкции, а максимум двух. Хотя бы потому, что в кабину бензовоза на Чуйском тракте больше двух пассажиров не влезает. И регистрировать свой поход нигде не буду.

При переезде в открытом грузовике от Катуня до Бии, наши физиономии несколько запылились.

Сказано – сделано. Наметил маршрут и предложил приятелям – коллегам по экспедиции 1964 – составить мне компанию. Все отказались, кроме Бергера. Я начал активно готовиться, собирал продукты и обмундирование. Принял вступительные экзамены у абитуриентов МГУ, ушёл в отпуск. И вдруг, когда пришло время брать билеты на поезд, Женя мне позвонил и сообщил, что никак не может мне сопутствовать, т.к. у него заболела тёща. и он должен посещать её в больнице. Смехотворный предлог: он вообще никогда ни за какими больными не ухаживал, тем более – за тещей, которую терпеть не мог. Я воспринял это, как предательство, обиделся, причём серьёзно. Однако, на что-то надо было решаться. Решил отправиться один. В принципе, так делать нельзя. Согласно инструкции по технике безопасности в геологической экспедиции, которую мы подписывали, в маршруты в одиночку ходить нельзя, идти должны по крайней мере двое. Это правильно. Пересекаешь ручей с водой ниже колена, поскользнулся на камне, треснулся головой, потерял на миг сознание, захлебнулся (утонул). Нужен кто-то, кто поднимет тебе голову. Подобных ситуации возникают часто. Ну, а мне, вот, приходится идти одному. Тут вмешалась жена Ида: готова принести себя в жертву и пойти со мной. Жена декабриста! Она собиралась провести с дочерью (2,5 года) лето на даче. И это было правильно. К тому же она никогда спортсменкой не была, даже физкультурой не занималась. Один номер журнала Новый мир она приносила домой сама, но если номеров было три, то вызывала меня. К тому же у неё была астма. Но есть такой тип женщин – боевая подружка. Чем бы она сама не занималась, она всегда отслеживает, чем занят её приятель. Если он коллекционирует марки (собак), то она тоже будет коллекционировать марки (кошек). Ну, а если благоверному в башку втемяшился поход, ну, значит, поход!

Телецкое озеро и горы вокруг него.

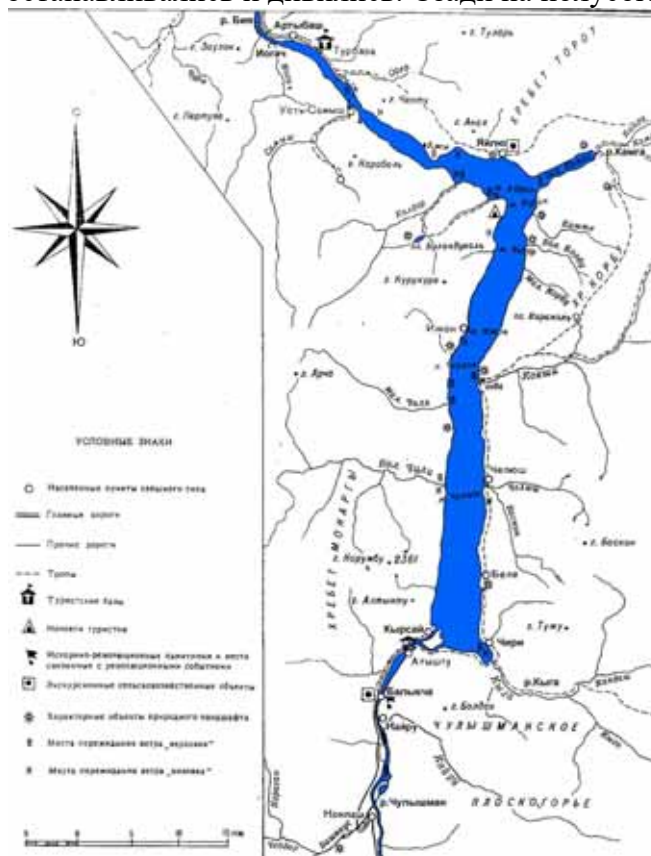
Раз гендерный состав экспедиции изменился, то изменился и маршрут. Теперь он стал водным, байдарочным: плавание по Телецкому озеру и спуск по реке Бии.

Собрали мы вещи и толкотне и духоте общего вагона отправились на Алтай. Скорый поезд за какие-то двое суток докатил нас до Барнаула. Всех выгнали из вагона, и мы несколько часов бродили по городу. Уже ночью вернулись на вокзал, а вагона нашего нет! Занялись его

поисками, бегая по многочисленным путям, иногда на большие расстояния. Наконец, нашли, погрузились и поехали. Утром были в Бийске. Я выгружал наш громоздкий багаж, Ида впряглась в свой рюкзак и вывалилась на платформу. Какой-то мужик попытался её поднять, но не тут-то было!

– Да снимите с себя этот "Запорожец", – закричал он. Попытался накинуть рюкзак на себя и свалился сам. Рюкзак был реально тяжёлым.

Я вышел в Бийск, гружённый под завязку. У меня байдарка в двух объёмистых баулах (вес 40 кг), огромный рюкзак на спине (продукты, консервные банки с тушёнкой и сгущённой с расчётом на три недели безлюдки), на груди – другой рюкзак (палатки, спальники, одежда) и, как бантик, в руке был пластмассовый бидон с топлённым (русским) маслом, который велено было беречь особенно тщательно. Выглядел я эффектно. Прохожие останавливались и дивились. Сзади на полусогнутых шла Ида.

Карта-схема Телецкого озера.

Мы преодолели мост через Бию и поселились в большой палатке на территории турбазы. Два дня приходили в себя и гуляли по городу, в котором было много домов купеческого типа: низ каменный, верх деревянный, при нём лабазы с большими, обитыми железом воротами. Побывали на месте слияния прозрачных вод Бии с мутными водами Катуня. Так начинается великая река Обь. Договорился с шофёром, погрузились с плановыми туристами в открытый грузовик и поехали. Но не вдоль Бии, как ожидалось, а сначала в Горно-Алтайск вдоль Катуня, а потом уж повернули под прямым углом и устремились к Бие. Гравийная дорога оказалась необычайно пыльной, вскоре мы все стали неграми, особенно Ида, которая по случаю жары нарядилась в лёгкое ситцевое платье. Машину погрузили на паром (через 4 года на этом пароме мы претерпели кораблекрушение) и теперь двигались по правому берегу реки. Туристы пели и плясали на лавках и вещах, в том числе – на нашей байдарке. Запахло мордобоем, но обошлось. После Турочака останавливались, выходили смотреть на пороги. Ничего особого. Течение быстро, всё бурлит, ну, да и в Карелии было нечто вроде этого. И ничего, преодолели.

Довезли нас до турбазы. В ней мы останавливаться не стали, только поели. Оттащили шмотки на километр по берегу, поставили палатку. Дров нет, костёр не разведёшь, но и до столовой недалеко. Прошлись по окрестностям. Исток Бии из озера перекрыт мостом. На левом берегу есть село Иогач (хотели его назвать Кедроград),

окружённое горными вершинами, самая высокая из которых Кейтек (1156 м). Здесь лесопункт, который когда-то заготавливал кедр и спускал его молевым сплавом. Чем они теперь заняты не ясно. Не уж-то сажают лес, который сами же вырубил?! Не верю!. От Иогача до Биска ходит рейсовый автобус. На противоположном берегу находится более крупное село Артыбаш (и турбаза). Ничего интересного мы не обнаружили, за исключением множества моторок, вытянутых на берег. Рыбаки предлагали нам обменять на водку хариуса окуня, а один – даже тайменя. Но мы не стали: водки у нас не было, а спирт нам самим пригодится.

Горный рельеф вокруг Телецкого озера.

Намного занимательнее само озеро, несомненно, необычайно красивое. Телецкое озеро (*Алтынколь – золотое озеро*) называется так в память телесов – тюрских племён, когда-то живших здесь. Русские их отсюда выгнали 400 лет назад. Озеро находится на высоте 434 м, протяжённость 77,8 км, средняя ширина 2,9 км, максимальная ширина до 5,2 км. Площадь 223 км². Благодаря большой глубине (максимальная глубина 325 м, пятое место в России) в нём содержится 40 км³ пресной воды, прозрачной на глубину до 14 м. Северная часть вытянута в широтном направлении; южная, сделав поворот почти на 90 градусов, – в меридиональном. Если смотреть с моста, то слева находится хребет Западный Саян, сзади невысокий хребет Торот, справа хребты Алтынту, Сумультинский и Иолго (высоты до 2500 м), а прямо перед нами вдали – устье Чулышмана и за ним – Чулышманское нагорье. Берега – крутые, часто отвесные уступы, по которым в озеро падают многочисленные водопады. Впадает в озеро 70 рек и 150 временных водотоков, причём 70 % всей воды даёт река Чулышман, что впадает с юга. Отдавая свои воды Бие (98 % водостока), озеро в значительной мере обеспечивает питание Оби.

Берега Телецкого озера почти везде круты и обрывисты, прорезаны ущельями, имеют живописные бухты. Есть два больших залива, Камгинский и Кыгинский, –

нерестилища для обитающих в озере рыб; на севере и юге озеро оканчивается широкими плёсами.

Переместили вещи в мешки из детской клеёнки, собрали нашу байдарку (испытанный красный Салют, теперь выцветший и полинялый от многочисленных водных походов). Вода была спокойной, волны практически не было. А то, что шторма здесь бывают и огромной силы, свидетельствовал катер вбитый в скалу на высоте двух метров. Слева идёт лес: кедр, пихта, ель, лиственница. Через несколько часов интенсивной гребли миновали мыс Кобухта, а потом и село Яйлю. Тут нас догнала моторка и начала кружить вокруг, поднимая волну, пытаясь поугатать или потопить нас. Пьяным парням было очень весело. Я удивился: на Московском море, такое может быть, но здесь?! На всё озеро одна байдарка, куча народа видела, как мы отчаливали. Чёткая тюрьма для водных хулиганов, случись с нами что. Мы не отвечали, полностью игнорировали их и гнали лодку вперёд. Даже к берегу не стали приближаться. А что толку? Берег – скала, вертикально уходящая в воду. К ней не пристанешь. Был бы при мне якутский карабин – расстрелял бы пиратов к чёртовой матери.

Начало пути: Аргыбаш - Камгинский залив.

Пошли дальше. Завернули за мыс Чичилган – волна усилилась. Обычное дело. Очередной раз осознал, что большие водные просторы не для байдарки. Особенно, если озеро – аэродинамическая труба. "Салют" устойчив на волне, но всё имеет меру. Зашли в Камгинский залив. Тут тихо. Залив преодолели за час. Он длинный, километров шесть, в него впадают несколько рек, причём в торце залива – две. Та, что побольше – Камга (т.е.

выдра, говорят, здесь её много, но мы не встретили), что поменьше – Аткичу. Берег порос вековыми кедрами.

В Камгинском заливе мы поселились в хорошем доме.

За день прошли больше 30 км. Для начала неплохо.

На крутом берегу – изба-зимник, кордон Алтайского заповедника. В те времена Хрущёв его закрыл. Зимник был пуст, двери не заперты. Мы

оттащили байдарку от воды, перевернули её, на всякий случай отнесли вёсла в дом, раскочегарили печку, помылись, как в бане, позанимались сексом и завалились спать. Поход начался!

Утром нас разбудила ватага студентов-медиков из Омска. В основном – девиц. Они пришли пешком из Яйлю с целью подняться по долине Камги в верховья, перевалить хребет и спуститься по Абакану. Обнаружив избу занятой, они за ней поставили четыре палатки, натянули тент, разожгли костёр, и стали готовить еду. Кстати, воду надо брать из Камги, а к ней просто так не подойдёшь – устье сплошь заросло камышом и тальником.

Было солнечно и тепло. Девицы разделись до пределов приличия и в таком виде устремились в тайгу. То ли по ягоды, то ли по каким другим делам.

Никогда я не видел, что бы кто-то так дружно и резво покидал лес. Подумал, что за ними гонится стая волков или, с учётом местных реалий, рысей.

– Клещи! Клещи! – кричали они, – энцефалит!

Общественность сильно взволновалась. Девицы уткнулись в рюкзаки, из них посыпались вещи, появились санитарные сумки с красными крестами, баночки с жидкостями и мазями, шприцы с ампулами. Одна палатка была спешно переоборудована в госпиталь. Там осматривали пациентку и что-то с ней делали. Лагерь был ажиотаже.

Пошли на прогулку по долине реки Камги смотреть водопад Большой Шалтан.

Я с интересом наблюдал за процессом. Всё же я провёл на Алтае четыре месяца, пересёк его и вдоль и поперёк, но ни одного клеща не встретил. Даже не знаю, как он выглядит. В Камге Алтай какой-то другой. Кусачий! Только энцефалита нам с Идой не хватало. Надо было прививку сделать, прежде чем сюда направляться. Девицы, вон, знали

и готовились. У каждой санитарная сумка есть. Профессионалки! Но если встретили то, к чему готовились, но чего так волноваться?! Лечитесь себе спокойно.

Группа начала быстро сворачивать палатки и паковаться. Мы помогли им съесть их обед – освободили вёдра. По Камге куда-либо двигаться они отказались, вернулись в Яйлу. По хребтику, наверное, в Абакан пойдут.

А мы решили всё же пройти по долине километров двенадцать до водопада Большой Шалтан. После долгого сидения в узкой лодке полезно прошвырнуться туда - сюда. Без рюкзаков сходить в однодневную экскурсию.

Утром оделись поплотнее и пошли. Штормовки не взяли, как оказалось, зря.

По Алтаю без троп ходить нельзя: далеко не уйдёшь. Тропы абы где не бывают, они проложены там, где нужны и идут по оптимальному маршруту. Есть две возможности: первая – поверху, по хребтикам, по границе леса и кедрового стланика (если он есть, а если нет, то по границе с курумником, вторая – понизу, т.е. прямо по реке. Во верхней идти легче, но энергетически она более затратная, т.к. нужно вылезти на границу леса и затем брести, ныряя в распадки и вылезая из них. Нижняя проще, тем более, что по реке не заблудишься. Но могут быть сюрпризы. С ними мы немедленно столкнулись.

Тропа от зимника должна была быть хорошей. Сотрудники заповедника, охотники и рыболовы наверняка ей хорошо протоптали. Да и туристы, небось, на Саяны толпами ходят. В реальности так и оказалось. Хорошая конная тропа повела нас вперёд. Шли, как по дороге, метров пятьсот, потом тропа стала двоиться, троиться, переходить с берега на берег различных протоков причём, без специальных переправ, и наконец, упёрла нас в луг, поросший травой. Но не луг какой-нибудь Оки, а местный, алтайский. Плотная стена травы выше двух метров. Мне отец рассказывал, что он перемещался по Казахстанскому Алтаю по лугам, скрывающим лошадь вместе с всадником. Вот теперь мы на таком лужке и оказались. Только лошадей под нами не было. И мачете тоже. Пришлось продираться так. А это вам не тайга какая-нибудь, тут приходится попотеть. Скоро стало ясно, что далеко мы не уйдём. Выход один – идти по руслу реки, там трава не растёт. А вы, ребята, пробовали идти по руслу горной реки? Попробуйте! Получите массу впечатлений. Река, хоть и не глубокая, а ямы встречаются метра два глубиной, искупаешься только так. Кеды и брюки мокрые, а вода ледяная, уже пальцев ног не чувствуешь. Течение быстрое, прямо против него не попрёшь, идёшь от дресьвы до дресьвы, под небольшими углами к берегам, постепенно забирая вверх. Надо ещё жену под руку держать, чтобы не смыло. Мешали заросли кустов, ивняка, или как его тут называют. За час мы преодолели 800 м, но продолжали это дело, надеясь, что выше по реке это безобразие кончится. Увы! Безобразие только началось. Оно приобрело гомерические размеры. Никогда ни до, ни после не встречалось. Всю долину реки преградили завалы. Завалы огромных деревьев. Кедров со стволами в три обхвата, с длинными и толстыми ветвями, с вывороченными корнями, между которыми застряли мощные валуны. Ряд деревьев был не один, на него навалился другой, местами и третий.

Путь к водопаду труден, но Ида упорно продвигалась вперёд.

С тропами тут проблема. В том смысле, что их вообще нет.

Видимо весной (скорее не одной, а нескольких) случились сходы мощных снежных лавин, а затем и сели, снесли всю тайгу в округе и принесли их сюда. Понятно, почему тропа куда-то делась. Никто здесь не ходит.

Вода журчала где-то под завалами, её не было видно. Идти по дну реки стало решительно невозможно. Выбрались на берег, но здесь ситуация ещё хуже (если она вообще может быть хуже). Плотные завалы были с трёхэтажный дом, но они сплошь проросли травой высотой в два метра. Луг и тайга объединили свои усилия против нас. Прямо, как в старой сказке какой-то. Стали мы продираться сквозь новые препятствия: где под завалами, где через, а где – прямо сквозь них. Так себе удовольствие!

За час невероятных усилий мы преодолели сто метров завалов. Этак к вечеру мы пройдем полпути к водопаду, только нам ночевать негде: у нас собой ничего нет, мы ведь гуляем, чтобы на водопад

посмотреть!

Ободранные и слегка побитые вышли мы на нечто вроде поляны. Сравнительно свободное пространство. Сели на крутой бережок речки. В реке неподвижно стоял здоровый налим. Но гарпуна не было, а трусами его не возьмёшь. В воздухе много пчёл.

Водопад Большой Шалтан, на который мы шли, но не дошли.

Свесили ноги, поболтали ими и осмотрелись. Солнышко светит, погода прекрасная и это хорошо. Но впереди стена завала, а позади такая же. Перспективы туманны. Надо что-то предпринять. Я оставил Иду сидеть на месте, а сам пошёл на разведку. В принципе, так делать нельзя, геологи всегда идут вдвоём: расстанешься, можешь с коллегой больше не встретиться. Пройдёшь неподалёку и не заметишь. Но тут выхода не было, к тому же река – хороший ориентир, иди по воде, мимо не пройдёшь. Стал выбираться из ущелья, поднялся невысоко, только выше завалов. Склоны крутые, поросли хвойным лесом, идти трудно, но можно. Троп нет. Хуже, что часто путь преграждают отвесные скалы, прижимы и бомы. Сверху их не обойдёшь, приходится опять спускаться и бороться с завалами. В один из таких спусков обнаружил следы чьей-то деятельности. Идентифицировал без труда: медведь завалил марала, закопал его, завалил валежником, пописал и пошёл прогуляться. Ждёт пока мясо протухнет до кондиции. Посмотрел, куда он направился. Медведь не петляет, он идёт напролом, куда ему надо, оставляя за собой неплохую дорогу. Направление его по азимуту было на Иду. Это меня несколько обеспокоило. Пошёл за мишкой. Медведь был большим, но шёл на своих четырёх лапах, т.е. был ниже меня ростом. Существенно ниже. Шёл я сильно пригнувшись, приседая, переползая стволы, а часто семеня на четвереньках. Скорость была небольшой, но шёл я куда надо и вышел на Иду. Она по-прежнему сидела на берегу, свесив ноги. Я посмотрел на реку на мели неглубоко под водой на песке был прекрасный отпечаток когтистой лапы мишки. След был свежим: вода размывала его прямо на глазах. Посмотрел на Иду, и понял куда делся медведь. Она его растерзала!

Жена моя в ярости крута, а то, что она не в настроении, сомневаться не приходилось. Снял верх комбинезона, она подняла майку и сосредоточенно рассматривала свой пупок.

– Где медведь? – поинтересовался я?

Она отмахнулась.

– Не шути! Клещ! Меня в пупок укусил клещ.

Я мгновенно забыл про мишку, хрен с ним, тут дела серьёзные.

Мы никогда не видели клеща, но тут поняли – это он. Чёрный, крупный и круглый. Оторвал его аккуратно и выбросил. У Иды в кармане оказался пузырёк с зелёной, ею ранку и помазали. Успокоил, сказав, что энцефалит у клещей только весной, а сейчас – лето. Посидели, встали и двинули по уже проторенной медвежьей тропе.

А что делать, если у тебя заднего хода нет?!

Медведь сильно нам помог – за следующий час продвинулись ещё на 1 км, поднявшись довольно высоко по долине. Здесь завалов по реке было заметно меньше, а вскоре они остались позади. Даже старая тропа появилась, так что началась оздоровительная прогулка (теренкур называется).

Продолжалось это недолго. Выглянув из-за поворота и посмотрев на уходящую вверх сильно сужающуюся долину мы обнаружили, что панорама Абаканского хребта исчезла. Мощная чёрная грозовая туча заслонила нам перспективные виды. То, что туча именно грозовая сомневаться не приходилось: тут и там сверкали молнии. В верховьях Камги шёл дождь, точнее, ливень стоял стеной. У нас светило солнце, но перспектив у него не было. Впрочем, как и у нас. Вода в реке быстро пребывала. О том, чтобы бродить от дресвы до дресвы не могло быть и речи. Тропа это учитывала и шла довольно высоко над урезом воды, по хорошей тайге с твёрдой почвой. Мы бодро топали вверх по ущелью, а на встречу нам тоже в хорошем темпе опускалась чёрная туча. Где-то мы должны были встретиться.

Мы и встретились!

Вся округа исчезла, видимость ноль. Туча не над нами, она везде: и сверху, и снизу и с боков. Часть молний бьют сверху, но остальные – с боков и снизу. Если бы мы зазевались, промокли бы до нитки. Но мы ворон не считали, а укрылись в группе кедров. Во время экспедиции, мне на Катуньских белках случалось пережидать ливни и ночевать без спальников-палаток. Но там кедров в пять охватов, мощные кроны, в дупле можно разжечь костёр. Здесь иногда встречались высокие кедровые деревья, но в грозу под ними укрываться нельзя – молния ударит. Вот один, как раз, и горит, несмотря на ливень. Укрылись мы к кедровнике – группе небольших кедров. Пока ливень нас не настиг, но это дело времени: вода свою дырочку найдёт, просочится нам за шиворот. Порывы ветра трясли кроны, и на нас что-то выливалось порциями. Вода в реке прибывала энергично. Река стала бурной и широкой. Течение несло не просто валежник, но целые деревья, с ветками и хвоей. Мы находились довольно высоко, но кто его знает? У горной речки хватит ума затопить всё ущелье. Судя по всему, для Камги это обычное дело. Разговаривать было нельзя – громы рвали ушные перепонки. Опершись о ствол, прижавшись к друг к другу, дрожа мелкой дрожью наблюдали мы за случившимся светопредставлением. То ли как первопроходцы, то ли как сиротинушки.

Дуракам, как известно, везёт.

Справедливости просчет –

Дуракам всегда везет –

Часто светит им звезда.

Умным – только иногда.

Повезло и нам. Такое и с умными случается.

Оказалось в том же кедровнике затаились два рыбака. Откуда они взялись в полной безлюдке?! Не иначе, как с неба упали. Они перебрались к нам ближе и скорее жестами, чем словами объяснили: пора валить! В принципе, мы тоже так думали. Только куда! Оказалось, недалеко есть зимник. Мы выбрались из-под кедров и шагнули в грозу. С удовольствием бы побежали, но каждый шаг давался с трудом. Тропа превратилась в речку, лужи, глина, мокрая трава и камни. Мы скользили и падали. Не просто падали, а кубарем катились по склону десятки метров. Так не долго руки-ноги переломать! Нужно ещё форсировать притоки Камги, русла которых эффективно пополнялись водой. Ливень

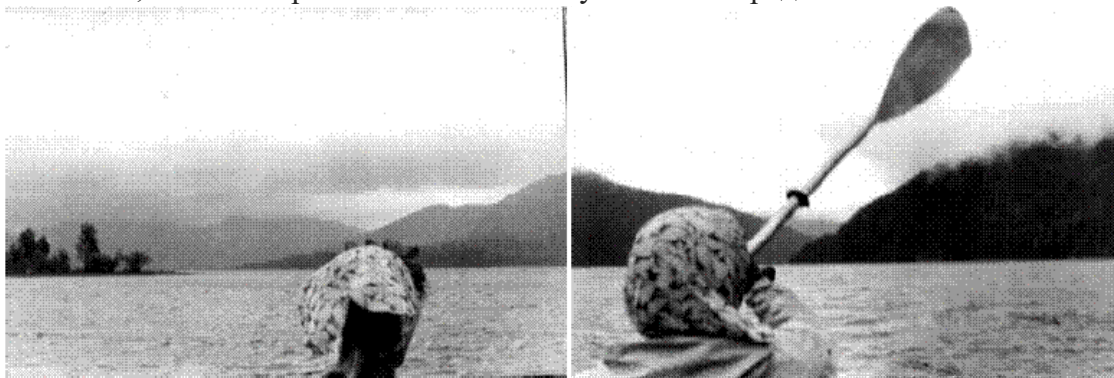
лил монотонно. Мог бы хоть на пару минут прервать это занятие. Мог бы, но не стал. Лил себе и лил. Вода в реке прибывала и местами уже затопила тропу. Приходилось забираться выше и продираться сквозь чащобу. Неожиданно наши проводники покинули тропу, повернули под прямым углом к реке и стали взбираться по ложине круто вверх. Мы карабкались за ними. К потокам с неба добавились потоки со склонов. Чтобы не высоко падать, встал на четвереньки и продолжил штурм, хватаясь за ветки и корни.

Довольно быстро достигли площадки, поляны в лесу, на которой стоял рубленный дом – зимник. Сами бы никогда его не нашли. Он находился аномально далеко от реки. Его построили не рыболовы и не егеря заповедника, а охотники за соболями, о чём свидетельствовала куча ржавых капканов. В доме сухо. Мы разделись, чуть не догола, выжали одежду и развесили на жердях вокруг печки. Имелся запас сухих дров, коробка спичек и две свечи, одну мы засветили, поскольку пока прогуливались по долине Камги, настала ночь. Затопили печку-буржуйку, имевшей вид вертикально стоящей бочки из-под бензина. Поставили чайник. Рыбаки на небольшой сковородке стали жарить две рыбки – дневной улов. Мы расположились на полатах. Тут нас ждал сюрприз. Полати были покрыты маральими шкурами, а они – слоями клещей. Живых клещей! Оленья шерсть шевелилась!

Стали бороться с очередной напастью. Трясли шкуры в прихожей, били по ним палкой. Без толку! Клещ он не пыль – держится прочно. Плюнули на это дело. Улеглись на полати, попили чайку. У нас были две банки со сгущённым молоком, мы их представили обществу. В ответ нас угостили жареным хариусом. Разговаривали. Спать мы не могли. Шла непримиримая борьба с клещами, которые непрерывно ползли по всему телу, подбираясь к самым интимным, и, надо полагать, самым желанным для этих паршивцев местам. Свечу погасили, изба освещалась вспышками огня в печи при открытии топки. Топили мы непрерывно, плита была раскалена докрасна, температура атмосферы – как в бане. Было душно, рыбаки непрерывно курили. В борьбе с клещами реализовались две тактики. Мы с Идой разделись до гола и непрерывно контролировали спины друг друга (за переднюю часть тела каждый отвечал самостоятельно). Снимали клеща и бросали его на раскалённую плиту. Монотонно, без эмоций, но непрерывно. Один рыбак применил прямо противоположную тактику. Одел на себя всё, что имел (включая сапоги), крепко перетянул запястья и щиколотки, и завалился спать. Тактика ошибочна! Через час он вскочил с душераздирающим воплем, и стал носиться по зимнику, сшибая всё на своём пути. Мы бросились его ловить. Клещ, а судя по этажности мата – отряд клещей, впился ему в самое интимное место. Поймали, повалили мужика и стали сдирать с него одежду. Не тут-то было. Он не просто завязал все входы-выходы тесёмками и верёвками, а прочно затянул руки-ноги толстой алюминиевой проволокой, которую снял с капканов на соболей. Концы были отломаны, раскрутить без плоскогубцев невозможно. Их же, естественно, не было. Долго возились с припадочным. Повезло, что у второго рыбака нашёлся треугольный напильник для точки пилы, ножа и каких-то рыболовецких принадлежностей. Распилили проволоку, освободили несчастного. Он занялся выковыриванием остатков клещей. После этого уже все четверо сидели на нарах, снимали с себя и с соседей клещей и бросали на раскалённую плиту. Так до утра и дожили.

Утром попили чайку, собрались домой на озеро, но вспомнили: мы же шли смотреть на водопад Большой Шалтан. Во! Совсем из башки вылетело. Пошли искать. Сильный туман, дождь, не сильный, но моросит противно. Идти скользко, но можно. Есть тропа. За пару часов дошли до левого притока Камги. Проблема в том, что мы стоим на правом берегу, а водопад – он на левом притоке Камги (Большой Шалтан называется). Не каждый доцент бы догадался, но я сразу понял, что нам надо форсировать Камгу. А как?! Перед нами – мощный и глубокий поток воды, несущий кусты и дрова. Если какая переправа и существовала, то её снесло ещё вчера. Сунулись мы туда-сюда, жалобно поскулили и включили-таки задний ход. Всё равно, говорят, его плохо видно. Он весь в извилинах, грохочет в каких-то щелях. Скалы мешают к нему приблизиться. Тут ещё

отбойные струи воды мешают подходу. Туман и брызги. Высота у него 8 м, а с учётом каскада 20 м. Но чтобы рассмотреть отойти не куда. И фотоаппарат мой, хорошо вчера испулавшийся, отказался работать. Так что – ну его! Виноград зелен!

Мы вышли в открытое море.

Вернулись к зимнику. За ним оказалась тропа. Круто и скользко, но всё лучше, чем продирается по руслу. Поднялись на хребтик и пошли по нему. В одном распадке прислонился к пихте и немного поспал, пока Ида собирала начавшую поспевать чёрную смородину. Тропа явно тянула в Яйлу. Пришлось её бросить. Подсекли спуск к заливу и скатились прямо к нашему зимнику-кордону.

Хорошо прогулялись!

Вытерлись полотенцами, выпили по сто грамм спирта питьевого, закатались в один спальник и заснули.

О сексе никто не подумал...

Проспали до следующего утра. Встали, приготовили завтрак, убрались в зимнике, сели в байдарку и поплыли дальше на юг. Разбушевавшаяся Камга несла свои воды и валежник в озеро. Вынесла и нас. Поплыли мы ходко. Берега илистые, в воде тоже много ила. Шли вдоль левого по ходу берега, подходили к устьям речек Турочок и Аткичу. Последствия вчерашнего потопа ещё имеют место – путные воды с кустами и ветками далеко заходят в воды залива. Много обеспокоенных уток. Достигли мыса Айран – громадная скала, ушедшая в свободный поход. На её вершине – кусты и даже деревья. вышли в основное Телецкое озеро и пошли строго на юг. Волна, небольшая качка, ветер, хоть и холодный, но в спину, т.е. попутный. Ближайший берег – сплошные скалы, пристать негде даже по нужде. Стаи чёрных стрижей с громадной скоростью проносятся в воздухе. У них здесь множество гнёзд. Вскоре послышался шум водопада. В мрачном ущелье – водопад Киште. Его высота 8 м, находится он в 20 м от берега. Кругом нагромождения скал. Походили, посмотрели, посидели. Перекусили хлебцами, шоколадом, запили холодным, крепко заваренным чаем.

Пошли дальше, к очередному водопаду, теперь на реке Большая Корба (*ветка*). Пристать тут довольно легко. Чтобы добраться до водопада нужно преодолеть 100 м, но это просто. Большие массы воды почти отвесно низвергаются с высоты 12 метров. Водопад хоть и не очень высокий, зато мощный: расход воды большой. Поток налетает на каменные уступы и с грохотом разбивается о них. Брызги сверкают на солнце. В воздухе стоит водяная пыль. Прилегающие к водопаду скалы и камни влажные. Большинство их покрыто мхами. Водопадов здесь много. Склоны гор изрезаны глубокими долинами и в каждой свой водопад. Туристы дают им свои названия (Соколиный, Девичьи слёзы и ещё что-то в этом духе). По карте, третий по счёту – водопад Аюкеспес (медведь не пройдёт), но мы со счёта сбились.

Гребли, гребли, устали. Пора на покой. Как раз миновали мыс Черлок и достигли дельты реки Кокши. Здесь хороший лес, приятные песчаные пляжи. Высадились, поставили палатку, развели костёр, приготовили (в смысле – Ида приготовила) плотный ужин. Поели, немного посидели, и спать.

Водопад Киште.

Подойшли к водопаду Киште.

Всё же странно, что нет байдарачников (если честно, то вообще никого нет, дорогу спросить не у кого!), на таких плёсах в Карелии было бы множество народа и лодок.

На следующий день погребли дальше, разглядывая гору Туалок. Горы увеличиваются в размерах, но становятся безлесными, по крайней мере их южные склоны. Лиственница ещё присутствует. Между устьями рек Челюш и Баскон сделали привал и немного перекусили. Прошли скалы мыса Артал, а затем и галечный мыс Камелик. Поднапряглись и миновали без остановок Беле. Посёлок расположен на небольшой террасе, на склонах которой видны песчаные столбы. В принципе, здесь есть на что посмотреть, люди здесь живут с древних времён, есть курганы, "степные бабы" и т.п. Домов десять, в каждом – яблоневый сад. Есть и колхозный сад, длиной 6 км. Но мы хорошо шли и не хотели отвлекаться. Впереди у нас ещё много приключений.

Завернули в залив реки Кыги и встали на ночлег в устье реки Чири (гнилой, прелый). Утром осмотрелись – жизнь тут какая-то есть. Присутствует пристань для пароходов, кордон, несколько домиков, знаменитые сады Смирнова.

Мы на водопаде.

Водопад Корбу.

Чири – речка буйная, на ней несколько водопадов. Периодически на ней случаются сели, устье её – сплошные сели; расти здесь ничего не может, хотя локальный климат тёплый: зимой температура ниже -8°C не падает. Южный ветер тёплый. Николай Павлович Смирнов (1902-1994) возник в этих краях в 1927 году. Что заставило газетного курьера бросить Питер, история умалчивает. Характер у него был тяжёлый, учил всех правильно жить, со всеми и был поруган. Но мужик был упорный. Сначала работал лесником, потом – гидрометеонаблюдателем. Решил он в качестве хобби вырастить яблоневый сад. Работу совершил адскую. Не хуже Сизифа. Раскалял на костре камни, поливал водой, они раскалывались. Полученными плитками выложил на склоне горы террасу длиной 150 м и

высотой 1 м. Завёз регулярными рейсами вёсельной лодки с долины Чулышмана (8 км) навоз со стоянок овец и лессовидные выносы Чулышмана. Провёл водоводы с речки. Посадил сад. Весной 1936 мощное половодье снесло всё это великолепие, включая дом. Пришлось начинать снова. Начал. У него гостили известные деятели, например, Н.И.Бухарин и Я.Э. Рудзутак (обоих в 1938 расстреляли). Говорят, яблоневоый сад разросся и прекрасно плодоносит, есть сливы, вишни и даже виноград (растёт в открытом грунте), смородина (в том числе – с зелёными ягодами), хорошо растут помидоры и прочие овощи. Был он не только успешным садоводом – произвёл на свет 17 детей.

Берега у Телецкого озера крутые. Мест для стоянки мало, иной раз при волне даже пристать трудно.

Было бы интересно пообщаться со Смирновым. Но ему, поди, и без нас от туристов тошно. Сады смотреть не пошли. Оставил Иду дежурной по лагерю, а сам отправился на кордон, побеседовать о долине реки Кыга (просто – речка): гнуса там, как на Камге, или ещё больше. В доме обитает семья якута: кровать под балдахин, камелёк, на полу – ковёр, низкий столик и пуфики-подушки вокруг него. В таких домах я неоднократно бывал во времена алтайской экспедиции. Сам егерь был почти что в форме, разве что без погон. Он сидел на чём-то типа сундука под скрещенными ружьём и карабином и свисающем футляром для мощного бинокля. Я расположился и для начала спросил как тут у них тут в тайге обстановка, часто он по долине ходит?

- Клещей хватать? – удивился он.
- До водопадов тропы есть? – продолжал я приставать.
- Клещей хватать?!

И так всё интервью. Приятно было поговорить со знающим, мужественным и работающим лесником, охранником тайги и дикого мира. С другой стороны, зачем с полатей слезать и куда-то двигать. Клещей хватать?!

Клещей хватать нам не хотелось, мы их и они нас уже в Камге хватали. Достаточно...

Погрузились в байдарку и обошли залив по периметру. Кругом высокие горы. Кыга впадает в озеро несколькими рукавами. Высокая трава, кедр и пихта, заросли кустарника. В воздухе коршуны, значит в лесу рябчики, глухари и тетерева есть. В этом году тут после мощнейшего ливня произошёл оползень, почвенный покров склона горы южного берега

озера сдвинулся и с огромной скоростью рухнул в воду, унося с собой тысячи тонн почвы, обломков скал и вековых деревьев. Огромная масса селя образовала высокие волны, обрушившиеся на противоположный берег залива. Вся поверхность залива и площадь далеко за его пределами были покрыты обломками деревьев и разным таёжным мусором. Последствия происшествия ощущались до сих пор, странно, что мы в нём не поучаствовали. В округе несколько водопадов, но на берег не высаживались и к ним не пошли (Клещей хватать?).

В поисках стоянки.

Дожди, всё мокнет, непонятно, как сушить.

Ушли к устью Чулышмана и там, поплутав по разным протокам, поставили на высоком берегу палатку. Развели три костра (плавника много), Ида между ними полностью помылась. Я не стал. Немного поиграли в сексуальные игры и завалились спать.

Утром был туман, слегка дождливо, что некстати, т.к. у нас вещи до сих пор не просохли. На

озере красивую природу сейчас, небось, не показывают. Решили, пока развиднеется, осмотреть долину реку Чулышман. Всё же – это один из самых глубоких каньонов в мире. Далеко не поднимемся, но хотя бы до Балыкчи. Там магазин хороший. И садоводство в здешних краях началась именно оттуда – монах посадил сад и одна его яблоня до сих пор растёт и плодоносит. До него 8 - 10 км, смотря, по какой протоке пойдёшь, их тут великое множество. Сказано – сделано. Запихнули вещи в палатку, налегке сели в байдарку и стали выгребать вверх по течению. Плутали по протокам, заросшим камышом и сплошными кустарниками. Несколько раз исхитрились сесть на мель. Много рыбы, плескается, круги по воде расходятся. Какой-то кит мощно шлёпнул хвостом по воде, не иначе – таймень.

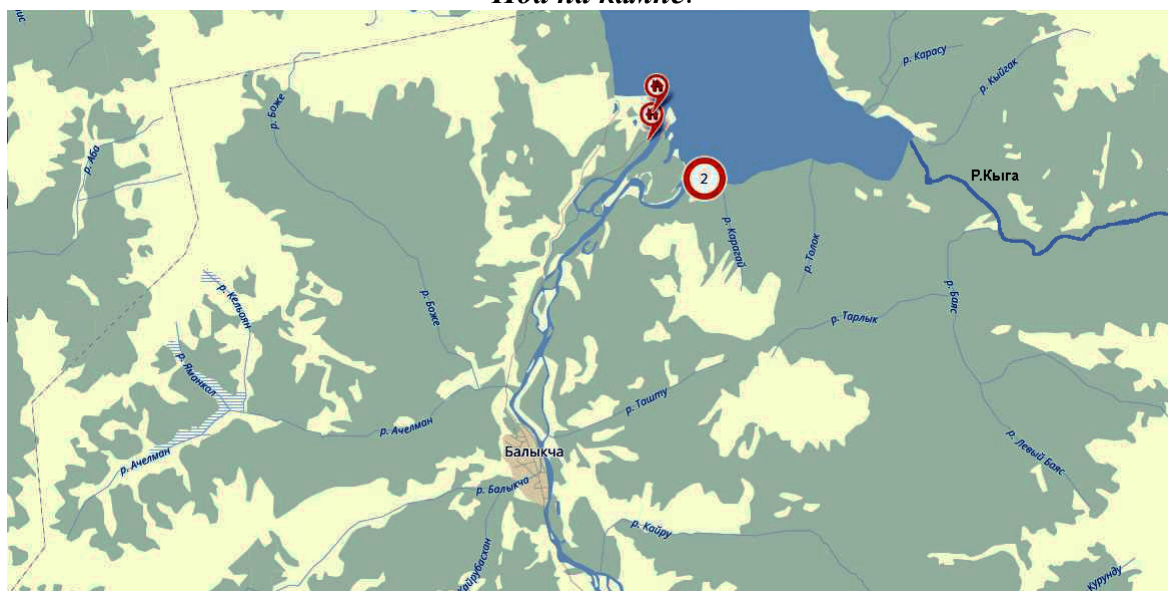
Постепенно течение усилилось, по крайней стало ясно, где верх, а где низ реки. Стали выгребать против течения. Вроде хорошо получалось. Однако протоки стали объединяться в единое русло. Тут встречный поток сильно возрос. Вёсла мелькали, как

пропеллеры, мы летели вперёд, как стрела. Но, посмотрев на берег, обнаружили, что мы не только стоим на месте, а движемся обратно! Кончилось тем, что, несмотря на развитую мощность, мы сели кормой на корягу. Снесло-таки нас. Плюнули, развернулись и с ветерком свалились в озеро. Не судьба нам ходить по местным рекам, ни Большой Шалтан, ни Балыкча не дались. Судьба сказала: прибыли на озеро – им и занимайтесь, не отвлекайтесь.

Поискали нашу палатку, ели нашли в этих плавнях. Распогодилось. Плавника много, устроили длинный костер, посушили вещи. Всё собрали и ушли на мыс Кырсай, поближе к турбазе. Встали на длинном песчаном пляже. Ида искупалась и позагорала. Я не стал делать ни того, ни другого: мне и в телогрейке неплохо.

Ида на камне.

Выгрести до Балыкчи мы, как ни старались, не смогли. Течение Чулышмана скинуло нас назад в Телецкое озеро.

На следующий день нам предстояли серьёзные испытания. Надо было пройти всё озеро за один день. Встали на рассвете и пошли. Погода хорошая, в спину дует лёгкая "верховка" с юга, подгоняя нас. Волнения нет. Мы приладились, и почти не обливали друг друга водой, не стучались вёслами. Лодка шла ходко. Шли мы у подножия вершины Алтынту (2213 м) – сплошные нагромождения скал. Ущелья глубоки и неприступны, реки

в них имеют вид водопадов, высота некоторых ступеней 50-60 м. В ущелье Аюкечпес речка падает в озеро каскадом водопадов. Красиво!

Пора познакомиться с маршрутом.

Почти 20 км нигде не могли пристать к берегу. После трёх часов интенсивной гребли, зашли в бухту реки Большая Чили (*окно*). Большая, уходящая на запад долина. Остановились, выбрались на берег, перекусили. Через пол-часа пошли снова. Суровый берег – скалы сплошной стеной падают в озеро. Это – склоны горы Каракорум. Можно было бы зайти в устье Малой Чили, но мы не стали. Время уже поджимало, и тем хороший задан. Ветер стих, настал полный штиль. Довольно тепло. Лодка скользит по воде. Шумит каскад реки Куркуле (*шумливая*). Идиллия! Так продолжалось до мыса Ижон, на котором есть домик. Кругом – густая тайга. Обогнули далеко выдающийся в море мыс Ижон (громадные вертикальные плиты сланца). Направились к мысу Чедор, тоже из вертикальных плит. Пристать негде. Погода стала портиться, температура резко пошла вниз, давление, надо полагать, туда же. Облака не успели убежать, как их перекрыли тучи, как им и положено – чёрные. Нам в морду подул северный ветер ("низовка") озеро стало раскачиваться. Когда мы обогнули мыс Куан, после которого озеро поворачивает на запад, чуть ли не под прямым углом, то обнаружили, что находимся в режиме шторма. Удивительно, как быстро и как круто изменилась окружающая среда. Ветер встречный, парусность тормозит движение. Спасает, что Салют устойчив (остойчив) на волне. Перевернуть его трудно. Хотя в Карелии нам это однажды удалось.

Волна, крутая волна. Ещё не 6 м, как обещано, но прилично. Воды уже перелетают через Иду и выливаются на меня. Постепенно лодка набирает воды и тяжелеет, грести всё труднее. Ветер то в морду, до в бок. Но всё это – семечки. Настала гроза! Всем грозам – гроза. Светопреставление. Что-то их много в здешних краях. И все – некстати. Гром, молнии, не успеваешь считать и глазами моргать. Молнии чертят зигзаги в чёрном небе и эффектно ударяют в воду вокруг нас. Никогда не видел, чтобы гроза так выпенривалась. Опуская один конец дюралевого весла в воду, я второй поднимал к небу. Отличный громоотвод! Слабо молнии в него ударить? А если ударит, мне электрического тока достанется, или всё в воду уйдёт? Вопросы интересные... Пристать некуда, т.е. совсем. Отвесный берег и бьющиеся о него волны. Подойдёшь, лодку разнесёт в щепки. Мы и не подходили, держались мористей. Делать было нечего: гребли, гребли, гребли. Уже тринадцатый час почти без перерыва. Дождь лил, гроза пугала. Стало темно. Мы последовательно проскочили заливы, удобные для стоянки (бухту Идып и залив Колдор). Боялись приблизиться к берегу. Обогнули мыс Янгзкоч и как-то автоматически влетели в Каменный залив. Десантировались. Гроза ушла, но дождь был сильным. Мешал ставить палатку. А тут ещё порывы ветра... Угомонились в одиннадцатом часу ночи. Устали!

Восточный берег Телецкого озера.

На Телецком озере бывает шторм.

Каменная бухта укрыла нас от шторма.

*Прощай Телецкое озеро!
Нас ждёт Бия.*

Утром встали поздно, за завтраком у Иды случился сильный приступ астмы, вероятно, после вчерашнего. Она осталась с ним бороться, а я пошёл в посёлок Иогач, осматривать пороги в истоке Бии (не далеко – 4 км). По дороге на берегу заметил палатку, байдарку и двух парней,

вытаскивающих её на берег. Оказалось, москвичи, инженеры с Электростанции. Разговорились. Они тоже обошли Телецкое озеро и теперь, как и мы, собирались спускаться по Бие. Пошли на экскурсию вместе.

Бия начинается под мостом, течение быстрое, надо быть осторожным. За мостом сразу порог. Всё бурлит, камни, волны. Если это самый простой порог на Бие, то что представляют остальные, категоричность которых существенно выше. Вздохнул я сокрушённо и пошёл к супруге. Договорились с парнями, что поедём вместе. В компании веселее.

Утром мы все вещи упаковали в оранжевые мешки, сшитые и склеенные из детских прорезиненных пелёнок, мешки привязали к деревяшке на дне лодки и уселись на них. Заново надул камеры футбольных мячей и запихнул один в нос лодки, другой в корму. Ида с трудом, но пролезла в детский надувной круг. При аварии он её спасёт. Спасжилетов у нас не было, касок тоже. Не было и фартука на лодке. Вот это зря – лодка заливалась водой при каждом удобном случае. Руль я снял – мешать будет.

Подошли к месту погрузки новых приятелей. У них была маленькая одноместная Прима. Когда Боря, корпулентный мужик, весом явно за 100 кг плюхнулся в лодку, я подумал, что она немедленно ляжет на дно. Но лодка не утонула, только нос у неё задрался, как у скутера. На переднее место (места вообще-то не было, разве что на коленях Бориса) уселся Виктор. И лодка опять не утонула. Но расстояние от бортов стало меньше 10 см. Вот кому надо было волны бояться. Зато они оба были в пробковых спасжилетах. Вёсла замелькали, и они рванули вперёд. Издали видны два голых торца, скользящие по глади озера. На чём они располагались неясно. Просто фокус какой-то. Мы потопали за ними.

Мост через исток Бии.

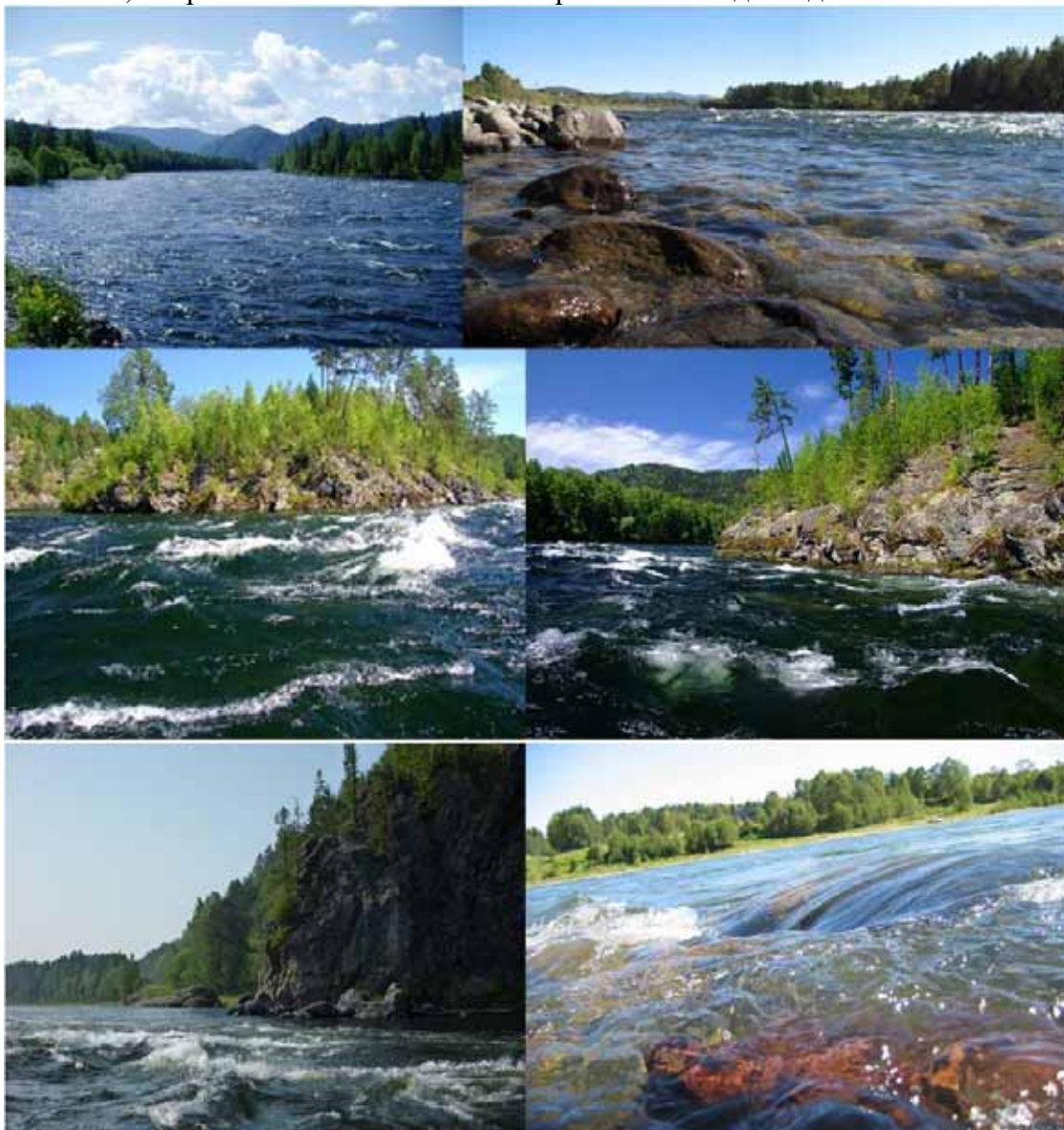
Прижимы на Бие.

Подошли к мосту, соединяющему Артыбаш с Иогач. Он высоко над водой, пригибаться не надо. Нацелились на центр моста, сильно разогнали лодку, сложили вёсла вдоль байдарки и вошли в пролёт. Сильное течение нас подхватило и понесло на дальнюю опору, но скорость была большой – мы проскочили. Сразу же на скорости 10 км/час влетели в порог. Широкая река вся кипела, вода холодная и прозрачная. Рокот и грохот. Порог зовут Карлыгач (*первая ласточка* – та ещё птичка). У меня было подробное описание порогов Бии, и способов их прохода и в большую и малую воду (сейчас была большая вода, многие камни подтоплены, но зато высокая стоячая волна). Карлыгач надо проходить ближе к левому берегу, но из-за моста мы шли по центру реки. Попытались уйти влево, но волны подхватили наше судёнышко и понесли по основному сливу. Весь пейзаж поплыл, как на экспрессе, входящем в поворот. Мы поняли вёсла на вытянутые руки. Грести бесполезно, да и без вёсел останешься. Я раздвинул ноги и упёрся в борта лодки. Волны швыряли наше корыто во всех плоскостях. Чуть меня не выкинуло за борт. Бия круто повернула влево и мощно кинула нас прямо на скалистый берег. Запутались в водоворотах среди водяных холмов. Река круто повернула вправо и выкинула нас в тихий узкий плёс. Левый берег крутой, скалистый, густо порос кедровой тайгой. Правый берег пологий, лесистый, поляны и каменистые пляжи. На одном из них нас жали коллеги. Мы причалили к ним. Надо было перевести дух. Может это и ерундовый порог, но на нас он произвёл впечатление. Интересно, что мы ничего не делали, река сама нас пронесла.

Впереди шумел порог Юрток, его образовали выносы камня реки Юрток – правого притока Бии. Его не видно, но мы достали шпаргалку и прочитали, как его проходить. Мыс из крупных обкатанных валунов, вдающийся с правого берега, отводит течение и направляет его на скалы левого берега. Длина порога 100 м, 100 м острых ощущений. Входим в порог вдоль правого берега, быстрое течение бросает нас на гребень. Гребень с крутыми волнами высотой под метр образуют струи воды, идущие от правого и левого берегов, которые сталкиваются на середине реки. Пересекли струю, идущую от каменной гряды, оставив гребень слева. Течение прижимает лодку к скалам, но мы проскальзываем мимо них. Далее идут несколько шивер, пытаемся их считать, чтобы определиться, вовремя остановиться и пойти посмотреть на уже вполне серьёзный порог. Но со счёта сбились и влетели в порог Кобыровский.

– Шпаргалку! – раздалось где-то сзади. Но Ида на ней сидела, достать и прочитать не успела. Порог неожиданно появился после правого поворота. Он оказался длинным, метров 800, с волнами под метр. В начале порога струи воды снижаются грядами камней, отчего образуется высокий гребень, на котором даже большие лодки кидает как щепку. (В этом мы убедились через четыре года, когда сплавлялись с плановыми туристами на

большом ялике). Мы же не были большой лодкой и нас кидало неприлично сказать как. На протяжении всего порога мечутся громадные волны. Везде разбросаны огромные серые валуны, через которые вода с шумом перекачивается, образуя пенные гребни. Берега низкие, покрытые смешанным лесом. Пролетели на одном дыхании.

Некоторые пороги на Бие на байдарке труднопроходимы.

Дальше опять тихий плёс. Сблизили лодки. Решили, что нам, пожалуй, хватит приключений, и следующий самый опасный Пыжинский порог протащим по тихой воде вдоль берега. Река тут извилиста, порог не просматривается. Подошли к самому началу, грохот кипящей воды, вылезли из лодок и стали их проводить вблизи берега. Спотыкаясь и падая на камнях. Занимались мы этим с редким упорством, когда увидели как два пацана (видимо из села Усть-Пыжа), стоя на бревне, гребя лопатами, движутся нам на встречу! Вверх по реке поднимаются, против течения. (Здесь, оказывается, есть локальное отражённое течение, направленное против основного течения). Мы устыдились и обрадовались, что пыжинские опасности позади. Прыгнули в лодки, и пошли по сливу.

Это была ошибка.

Пыжинский порог состоит из двух частей с двумя поворотами (общая длина 800 м). Мы протащили только часть и теперь влетели в самую пасть. Скорость достигла 40 км/час. Уклон тут знатный. Мчишься, как на машине. Только машине не надо уворачиваться от камней (огромных камней) и заливающих лодку волн.

Пыжинский порог мы решили обойти волоком. Но протащили лодки не там, где надо, и попали-таки в этот порог.

После порога хотели тормознуть, но не успели – влетели в порог Косой. Редкая по силе сволочь, хуже пыжинского. Река резко сужается, косые валы до 1 м стоят с обоих берегов на протяжении 100 м, по середине узкий слив, мы чуть не протаранили друг друга. Волны понесли наш Салют, как плот, боком и мы торжественно сели на камень. Лодку немедленно стало разворачивать поперёк течения и переворачивать. Я, как акробат, с несвойственной мне резвостью, выпрыгнул из лодки и встал на камень, байдарка всплыла и попыталась улизнуть. Еле поймал её за хвост и запрыгнул обратно. Слева осталось устье реки Пыжа, несущей свои глинистые воды в чистую Бию. Попрыгали на паре шивер мимо села. Перекаты прижимают нас к крутому скалистому левому берегу. Через полчаса достигли порога Щёки. Та ещё радость! Крутой поворот при встречной скале. Много тут плавсредств было разбито. Высокие бомы над водой с обоих берегов и высокий скалистый остров посередине. Порог находится на протяжении всего острова, река

приобретает заметный уклон, участок валов находится на всём протяжении острова в обеих протоках. По какой идти – не ясно. Пошли по левой. Коллеги шли впереди, вдруг они резко, по прямому углом повернули прямо по среди протоки и вылетели на берег. Я решил, что они, как минимум, увидели перед собой водопад. Не раздумывая, тоже свернул влево. Резко ткнулись в берег. Острый камень пробил нос лодки. Оказалось, что они попали в прижим и валы треснули их о камень, развернули и без лишних эмоций выкинули на берег. Они глазом моргнуть не успели.

Ладно, расположимся здесь. Нам и им надо клеится. Прошли 20 км и основные пороги. Можно отдохнуть и переварить впечатления. Устроили днёвку. Ида собирала жимолость, чёрную и красную смородину. Ягод тут много. С удовольствием съели вместе со сгущённой с сахаром. Клеили байдарки. Я свою в Москве тщательно проклеил вдоль стрингеров: и резиной с кордом, а сверху ещё эластичными бинтами. Поэтому хоть шкура во многих местах покарябана, но нигде ниже ватерлинии не пробита. Правда лодка очень тяжёлой стала, на себе таскать её тяжело. Сейчас шкуру повредили, но выше ватерлинии и при форсмажорных обстоятельствах. У ребят лодка не проклеена и пострадала она серьезно. Дальше плыть нельзя. Провозились целый день, но всё починили.

На следующий день сплав продолжили. Прошли шиверу длиной 400 м и вошли в порог Кебензенский, он довольно длинный, 700 м и высота стоящих волн большая. Повернули налево и врубались в порог Саракокшинский, тоже длинный, с волнами и сливами между ними. Прошли устье реки Саракокши. Перекаты, шиверы. Особо не

реагируем, катимся вниз, прыгая по кочкам. Стоячие волны большие, но на камни можно не обращать внимания. Порог Юрок прошли без эмоций, от высокого бома идёт отбойная волна. По ней легче идти. Река течёт быстро, но порогов нет. Горы отступают от реки и становятся заметно ниже. Вскоре после села Тулой и устья одноименной речки, впадающей справа, возник последний большой порог – Кузенский. Длинный: 2,5 км.

Поскольку байдарки пробили, то решили устроить днёвку. Надо клеиться.

Перед ним – паромная переправа через Бию. Мы на ней уже переправлялись, когда ехали на грузовике на Телецкое озеро. Через четыре года этот паром раздавил наш ялик и пробил мне спину. Паромы опасны тросами, протянутыми поперёк реки. Они плохо видны и в них можно врезаться на большой скорости, с очень неприятными последствиями. На этот раз обошлось. В начале порога посредине реки случился остров из крупных валунов, напоминающий сигару. Растительности на нём нет. Сильным течением нас понесло на него. С огромным усилием ушли под правый берег. Сразу после острова нашу лодку вынесло на середину реки. Так что мы оказались в центре мощного порога. Стоячая волна под два метра. Промокли до костей и пол лодки воды набрали. Бия делает крутые повороты, то влево, то вправо. По берегам – живописные скалы. Течение быстрое, шиверы. Обогнули большой остров, и вышли к районному центру – селу Турочак. Река сжата с обеих сторон скалами. Место очень красиво. На отвесной скале, на высоте 40 м, высечен барельеф В.И. Ленина. Здесь последняя гора – Салоп (*распахнутый халат*) и с правого берега в реку вдаётся мощный гранитный мыс. Перед ним большое кружало, в которое, если какое судно попадает, то долго кружиться в водовороте в тщетных попытках выбраться из него. Течение попыталось вынести нас на скалы левого берега

(высокий карниз скал, под который вас влечёт течение с целью об эти скалы и разбить), но мы не дались, прижались к правому берегу, обманули порог и лихо пристали к берегу у магазина. Пока покупали хлеб, сидевшие на брёвнах мужики критиковали наши корабли. "На таких корытах по нашей реке сплавлять нельзя. Никак нельзя! Только самоубийцы могут сеть в такие лодки. Тонкая резина, сидите в воде, так что посудины не видно. Мы вон на каких лодках плаваем, считай, из брёвен сделанных, и то разбиваемся. Ни за какие блага в ваши не сядем! Мы, собственно никому и предлагали. Сели в байдарки и поплыли дальше.

Вблизи Бийска Бия - река широкая и спокойная.

Турочак – порт. Отсюда ходит пассажирская Ракета прямо до Бийска. Мы могли бы воспользоваться, но не стали. Пошли своим ходом.

Думали, пороги кончились, но нет. Остался ещё порог Кипяток. Здесь вода меняет направление и так разбивается о камни и скалы, что создается впечатление кипящей воды. Прости его без особых проблем, хотя пропороть лодку о камни можно было запросто. Через 8 км прошли устье самого многоводного притока Бии – реки Лебедь. Встали лагерем.

Проснулись поздно, вышли после 12-ти. Бия расширилась, течение спокойное, скорость пешехода, 5 км/час. Приходится постоянно грести. По берегам много сёл. Степь кругом. Река разбивается на протоки. Нужно соображать по какому лучше идти. На третий день прибыли в Бийск и поселились в знакомой турбазе. Позади 300 км по Бие и 200 км по Телецкому озеру. Итого: 500! Не плохо для начинающих водников.

Купались в реке, вода тёплая, загорали на песочке. Посетили слияния Бии (*господин*) с Катунью (*жена, барыня*), где образуется великая река Обь (*своеобразие*). На базаре купили огромный арбуз, необычайно вкусный. Устроили прощальную пьянку. Проводил коллег в аэропорт. Они упаковали байдарки в сетки-авоськи (!) (агиттючок называется) помахивая ими, как ручной кладью, пронесли их в самолёт. Мы же отправились на поезде домой: в общем вагоне до Барнаула, затем – к купе до Москвы.

Домой с исполненным долгом.

1970 Катунь-Чулышман-Телецкое озеро-Бия

В 1970 вновь случилось первенство мира по футболу, т.е. нам надо отправляться на Алтай. Мы и отправились. На этот раз без байдарки. Займёмся горным туризмом. В экспедиции 1964 я преодолел расстояние от Чуи до долины Чулышмана (через Акташ и Усть-Улаган). Но в составе отряда и верхом. Теперь решили взять севернее, от Катунь (Чемала) до Чулышмана в районе Балыкчи. Пешком и в гордом одиночестве. Примерно по известному плановому 77 маршруту, но с ответвлениями, и, следовательно, длиннее: 14 перевалов, 200 км по горам, потом уже налегке по Телецкому озеру и Бие.

Поехали, как обычно, на поезде, с пересадкой в Барнауле. В Бийске не останавливались, сразу проследовали до Горно-Алтайска. Билетов до Чемала не оказалось и мы по Чуйскому тракту на автобусе добрались до Усть-Семы, что на правом берегу

Катуни у моста по Чуйскому тракту. По дороге к села Манжерок посетили родник Аржан-Суу (святая вода), который ещё называют Золотой ключик и шоферский источник. Почему "золотой" не понятно: гидрокарбонатная-кальциево-магниева вода содержит серебро, железо, медь и марганец. Золота нет. Вода холодная. От Усть-Семы Чуйский тракт переходит на левый берег Катунь и уходит в Ташанту. Нам же надо на юг, по правому берег, т.е. по Чамальскому тракту. Надо то надо, только ехать не на чем. После двух часов ожиданий поймали машину, развозящую хлеб, и она нас доставила в посёлок Чемал (муравейник), точнее – в горноклиматический курорт на его окраине. В 1930 годах по инициативе жены М.И. Калинина (Екатерина Йогановна Лорберг, малограмотная, но шибко революционная ткачиха, член Верховного Суда РСФСР; успела сделать доброе дело до того, как надолго загремела в лагерь) здесь был создан правительственный бальнеологический курорт и противотуберкулёзный санаторий. Находится на правом берегу живописной Катунь. Побродили. Сосны, дышится легко. На южной окраине – Чемальская ГЭС, построенная заключёнными лагерей в 1935. Небольшое водохранилище. На живописной скале-острове Патмос, стоящей посреди Катунь, расположен женский скит Иоанна Богослова барнаульского Знаменского монастыря.

Пунктир – наш примерный маршрут. (Схема маршрута. Ориентирована неправильно: поход был с запада на восток, а не с юга на север, как можно подумать, глядя на схему).

Вновь погрузились в хлебовозку и добрались до Эдигана (тётка), прошли на окраину села, разбили палатку на берегу реки Эдиган (правый приток Катунь). Высота 600 м, кругом горы в кедровом лесу и древние скифские курганы. Сходили

на экскурсию на Катунь, посмотреть на Тельдекпенские пороги (Катуньские щёки). На них любуются с Ороктойского подвесного моста. Это одни из самых красивых и

протяженных порогов на Катунь. Они находятся в длинном скальном коридоре, представляющем собой глубокую тектоническую трещину, образовавшуюся в известняках кембрия. Ширина Катунь уменьшается до 20 м, при глубине 70 м! Порог начинается «скальными воротами» – чёрными отвесными скалами, затем поток устремляется в каньон, образуя многочисленные воронки и водовороты. Выглядят страшно, но, думаю, с Идой мы прошли бы их без особых проблем. Хотя тут мощные подводные течения, водовороты, турбулентности, «водяные грибы» и «бочки». Где-то тут неподалёку добывается разноцветный мрамор, которым отделаны некоторые станции московского метро. Искать не стали – не стоит отвлекаться.

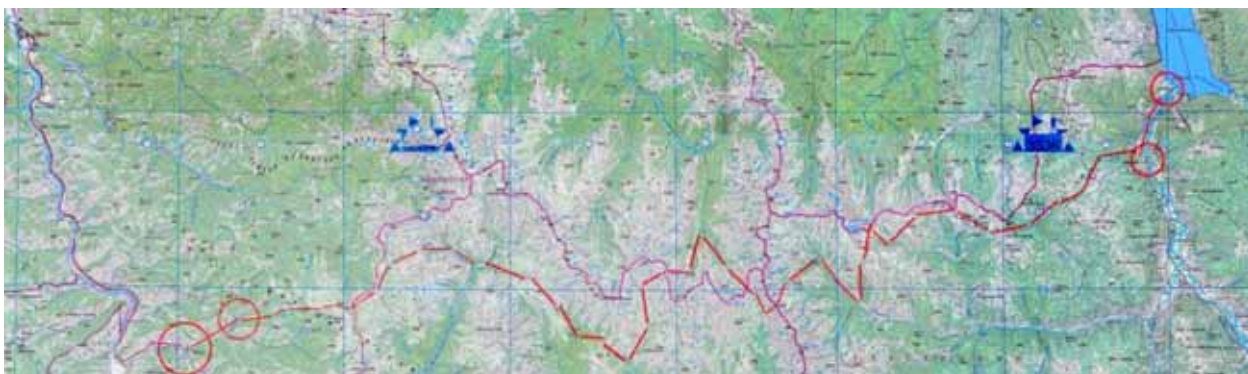
Вернулись в палатку и заночевали. Разбудили телята, бродящие вокруг палатки и задевающие стропы. Куча мальчишек шурующих у костра, и вклинивающиеся в наши сборы. Остался без столовой ложки. Остальное, вроде, цело. С трудом водрузил рюкзак на Иду, та побрела шатаясь. Попытался вскинуть свой, а не смог. Еле отрываю от земли. Килограмм 50! Продуктов на месяц. Банки с тушёнкой и стущёнкой. Далеко я с таким грузом не уйду. Подполз под рюкзак, вдёл лямки, встал, шатаясь, и побрёл за женой.

77ой маршрут самый трудный из всех плановых маршрутов СССР. Строгий медицинский отбор. Берут только самых здоровых. Мы к таким не относимся. Плановые идут с инструктором (только мужчина), у них рюкзаки по 15 км, есть промежуточные базы с продуктами, а главное – хорошие карты, позволяющие разметать маршрут. У нас ничего нет, за исключением хронических болезней, естественно. Их 20 человек, нас двое.

Не сразу, но начали набирать высоту. Не круто, но очень длинно. Набрать по высоте пришлось 500 м (с 600 до 1100). Непрерывно двигаться мы могли не более 20 мин, после чего падали без сил, и 10 мин лежали. Сердце билось в горле, хватал воздух, пот лил струёй и затмевал видимость округи. Так себе удовольствие! Но мы вставали и двигались дальше. К вечеру преодолели 15 км, дошли до реки Кызыл-Гак (тропа по кедровому лесу), где заночевали на лугу, пёстром от цветов. На следующий день стали забираться на голый перевал Таман-Ёл (2200 м). На него среди осыпей серпантином ведёт тропа. Камни раскрашены зелёными и красными лишайниками. С перевала открывается панорама горных хребтов со снежниками и долин многочисленных рек, теряющихся в ущельях и непроходимой тайге. На перевале тур в виде пирамиды камней, выложенный в честь "обо" – хозяина перевала. Мы тоже подбросили пару камней.

Тур на перевале Таман-Ёл.

Карта маршрута.

Ида на маршруте.

Не потеряться бы в тайге.

Под перевалом нашлось моренное озеро. Поставили палатку. Дров нет, костёр не разведёшь. Примуса у нас тоже нет. На сухом спирте согрели 2 чашки чая. Утром завтракать не стали, лучше свалить, пока погода не испортилась. Преодолев заросли карликовой берёзки, спустились в долину Тогузкол, где развели костёр и поели. Кругом хорошие луга. Однако никто не пасётся. Тундра тут довольно скучная, разнообразит пейзаж десятком озёр. Чтобы попасть к ним пришлось форсировать речку. По камням перенёс сначала свой рюкзак, потом Идин. И снова подъём, на этот раз – на перевал Сайгонош. Тропа идёт слева и выше перевала. Вид хороший, торчит самая высокая гора Сумультинского хребта Альбаган (2618 м). Сил на спуск не было. Не хотели, но заночевали прямо на перевале. Хотя тут снег. Холодно без костра.

Утром спускались по крутой тропе, виляющей меж камней и скал. Шумят водопадики, один большой (высота 6 м). Около него кострище с дровами. Попили горячего чая.

Спустились в долину, перешли брод притока реки Сайгонош, потом ещё два, после брода через реку Малая Сумульта (тут три какие-то речки сливаются вместе) встали на ночлег. На другой день вошли в урочище Тюрдем. Какой-то лабиринт ручьёв, речек и рек. Полезли на перевал Тюрдем (1915 м). Ида, как всегда перед перевалом, приняла валидол. Спуск по широкому логу с травой выше моего роста привёл нас в долину реки Коной. По дороге видели следы медведя, но с нами он связываться не стал, ушёл по своим делам. Мокрая глина, скользко. Снова подъём, на этот раз на перевал Маяк (2500 м). Свалились с него к голубым озёрам, около одного из них заночевали. Утром как-то незаметно взяли перевал Чевош, потом пошли к истокам Аксаскана.

Форсировать препятствия надо технично.

Ночевать приходилось в разных местах.

Тропа повиляла и стала серпантинном по каменистому склону подниматься на перевал Уйменьский (2300 м). Дальняя панорама Сумультинского хребта впечатляет, но в ближайшей округе довольно унылая тундра, а вот спуск у озера Уймень нетривиален. Крутой спуск. Опасный. Огромные камни, подмывы в почве, завалы и заросли заставляют быть настороже. Запросто можно ноги переломать, особенно, если за плечами три пуда. Рядом с тропой потоки падающей воды. Замечательны скалы, обрамляющие спуск к озеру. Они имеют вид тонких перьев с огромной силой вбитых в склоны окрестных гор. Каким-то образом они поросли кедром и пихтой. В них живут сибирские козероги. Один даже нам попозировал. Озеро на высоте 1690 м, поэтому с перевала приходится долго и нудно терять высоту. Озеро лежит в глубокой котловине, со всех сторон зажато высокими

горами. Оно небольшое: неправильный четырёхугольник со сторонами 400x200 м, глубиной до 80 м. По берегам парковый кедровый лес, заросли малины, жимолости, смородины. Много цветов. Можно сказать рай. Решили устроить здесь днёвку ибо и ноги и спины у нас стёрты до крови. Здесь мы впервые увидели людей. Самых настоящих! Догнали мы группу плановых туристов. Пообщались, а то мы за время переходов слегка одичали. Показали нам, как легко тут ловится оголодавший хариус – даже на кусочки цветной изоленты. Только размеры рыбки с нашего пескаря. Связываться не стал.

Озеро Уймень.

По маршруту много водопадов.

Плановые ушли, мы денёк провели в одиночестве и как-то отдохнули. В озеро впадают две речки, вытекает река Уймень. Река длинная правый приток Сарыкокши, которая впадает в Бию. Пошли вниз по реке, но через 8 км повернули направо, перешли вброд Уймень (перенёс Иду на руках) и по правому притоку пошли на перевал Карасаазкан (2200 м), преодолели его и заночевали в хорошем лесу. На другой день пошли вниз по долине и начали подъём на перевал Штатив – самый высокий перевал через Сумультинский хребет (2400 м). Тропа набита хорошо, но идёт очень круто, уклон местами 45°, из-под ног сыпятся мелкие камушки. На склонах много снега. Идти надо крайне аккуратно. Связаться бы верёвкой, но верёвки нет. Еле тянем. Часто лежим на рюкзаках. Перед взлётом на перевал нас догнал туман, оказались в центре чёрной тучи.

Пришлось на крутом склоне ставить палатку. Ровного места не нашлось. Поставил палатку прямо на снежник, растянул её на камнях дюбелями. Холодно и сыро.

На следующий день Ида приняла свой валидол и полезла без рюкзака на перевал. Я с многочисленными остановками затащил свой, потом – её. С Идой случился мощный приступ астмы. Было решено, что сейчас помрёт. Она сидела на своём рюкзаке, встала, пихнула его и он покатился обратно в долину. Пришлось мне спускаться за ним и

очередной раз брать перевал. На перевале каменный тур. Вид хороший, если тумана нет. Ида слегка оклемалась, и мы начали спуск в долину правого притока р. Уйараташ. Спуск длинный и утомительный. Идём на полусогнутых и скользим. Спустились стали бродить по долине Уйкараташ и, пройдя несколько бродов по небольшим, но многочисленным ручьям и непонятным болотам, начали подъём вверх. Вошли в кедровый лес. Взобрались

на площадку. Здесь кто-то обустроил место для лагеря. Мы этим воспользовались. Заночевали.

Перевал Штатив.

Утром пал туман. Сплошной туман. Ида, как обычно, шла впереди, и если расстояние было больше 10 м, то она исчезала из вида. Тем не менее, мы куда-то шли. Видимо на перевал Сынырлу. Кедровые деревья уменьшились в росте, а потом вообще исчезли. Продирались сквозь заросли карликовый берёзки с грибами –

надберёзовиками. Туман, однако, не рассеивался. Поднялись на очередной горб перевала. Начали спуск, переходим какие-то речки, кругом, вроде, луга, но ни черта не видно.

Очередной брод и мы начинаем подъём. Перевалили, спустились, опять поднялись и опять спустились. Что-то много у нас сегодня перевалов. Вроде должен быть один – Кызылташ. Но тропа хорошая, набитая, почти дорога. Лезем по ней. Вылезает на полонину, и тропа-дорога исчезает. Полностью. Куда это мы попали? Вопрос, конечно, интересный!

Палатку пришлось поставить прямо на снежник.

Туман начал рассеиваться, занавес стал приподниматься, появились окрестности. Оказалось, что находимся мы на высокогорном альпийском лугу. Кругом горы, дальше идти некуда. Тропа-дорога, которая нас сманила в тумане, вовсе не туристская тропа. Здесь пастухи прогнали на выпасы табун лошадей и пару отар овец. Теперь они тут проведут лето.

Нам же пастись не надо. Посмотрел я вдаль и увидел прямо по курсу горную страну, мрачную цепь гор с белыми шапками. Вот туда нам точно не надо. Явно забрели куда-то не туда. Надо сдать назад. Проблема в том, что у меня само собой, у Иды само собой плохо с задним ходом. Не любим мы сворачивать с выбранного пути. Достал я свой навороченный компас, которым пока не выдался случай воспользоваться, и сказал со значением:

– У нас был курс 180°, меняем на курс 0!

Ну, ноль, так ноль. Со штурманом не поспоришь. Ида согласна. Развернулись мы, и пошли назад.

Но совсем назад идти было глупо. Я бросил тропу и пошёл по-чёрному, в попытке пересечь 77 маршрут. Случилась тайга. Самая настоящая тайга, в классическом понимании. Большие деревья – ели, кедровые, пихты, густой подлесок. Крутые склоны, но главное – буреломы. Поваленные деревья с вывороченными корнями. Очень удобно для

создания медвежьих берлог. Того и гляди на шею мишки свалишься. То-то он обрадуется! Преодолев очередной завал, сели отдохнуть.

Когда туман рассеялся, я оглянулся вокруг себя, посмотрел, куда ведёт наш путь, то осознал, что нам туда не надо. Пришлось изменить курс на противоположный (сдать назад).

– Ты хуже Серго! – заявила мне Ида, намекая на бездарно исполненную мною роль Ивана Сусанина.

Я удивился. Всегда считал, что хуже моего племянника (Кургиняна) быть невозможно, я в этом плане даже не мыслил с ним соревноваться. Оказывается, я его превзошёл. Учту!

Слегка переругиваясь, прошли километров десять и уперлись в дерево, на которое была прибита табличка с цифрой 77, 77ой маршрут! Вот это точность: на расстоянии 10 км ошибка 30 см. Всё же я не хуже Серго, я лучше! Много лучше...

Водопад на реке Ачелман.

По проторённой плановыми туристами тропе полезли на последний серьёзный перевал Таныс (*одинокий*, 2044 м). На шаман-дерево привязали свою ленточку. Начали спуск в долину Ачелмана. Через речку переброшено два брёвнышка. Я довольно бодро перебрался по ним, собрался вернуться за идиным рюкзаком и обнаружил, что моя супруга висит над пропастью вниз головой. Ноги её застряли в брёвнах, рюкзак съехал ей на голову и теперь она машет руками, пытаясь вернуться обратно. Ситуация меня озадачила: если ноги соскользнут, то лететь в пропасть ей долго. И последствия будут безрадостными. Улёгся я на брёвнышки и пополз к Иде. Ещё неизвестно выдержат ли лесины нас двоих, да ещё рюкзак. К тому же, они в стороны расходятся, приходится их сжимать. Всё же руки у меня длинные, сначала за полы штормовки, потом за пояс, я подтянул её к мосту вместе с рюкзаком, и, как божие коровки, мы преодолели препятствие. Решили, что на сегодня приключений хватит. Заночевали на месте.

Бывали у нас и весёлые денёчки.

Утром начали спуск по долине Ачелмана в долину Чульшмана. Сверху прекрасный вид на Телецкое озеро и на Чульшман. Вид как с самолёта, внизу, на плоскости всё мелкое: люди, коровы. Жаль парашюта нет. В полной мере мы извели, что такое спуск в один из самых больших в мире каньонов: 1800 м – не шутка. Бодрым шагом спускались 11 часов. Конная тропа обозначена хорошо, не заблудишься. Серпантин, но очень крутой, местами – почти отвесный. Кругом лес – высокие кедры с огромными стволами. Поражают корни, толстыми извилистыми змеями овивающие огромные камни и препятствующие нашему движению. Имеем занятие – перелезть через корни и скалы. Рядом – высокий водопад. Можно искупаться, но не хочется. Всю дорогу – на полусогнутых, ноги устают. Опять же груз, хоть за две недели, мы многое съели, ещё много осталось. Запасливые мы.

К Чульшману вышли на полусогнутых. Зашли в Балыкчу. Магазин был закрыт, но мы постучали в соседний дом и продавщица нам открыла. Попили молока. Купили стеклянную банку украинского борща и бутылку Вермута с осадком в палец толщиной. Встали в зарослях на берегу Чульшмана и устроили пир. Самое страшное позади. От души предались сексу и завалились спать.

Транспорт на Телецком озере. Мы выбрали пароход.

Утром собрали шмотки, прошли 7 км до турбазы на Кырсае, погрузились на теплоход Пионер Алтая и пошли через всё Телецкое озеро в Артыбаш. Озеро нам знакомо, плавали, знаем. На пароходе до того не были, а он тоже по-своему интересен. Он построен в Москве в 1964 и использовался как речной трамвайчик. Но неожиданно для себя отправился в дальний путь на Телецкое озеро. Путь далёкий, сначала по Каналу имени Москвы, Волго-Балтийскому водному пути и Беломоро-Балтийскому каналу в Белое море, откуда Северным морским путём в Обскую губу. Поднялся по Оби, перезимовал в Барнауле и по весеннему паводку поднялся по Бие в Телецкое озеро. Представляю, как они проходили пороги. Мы сверху вниз на байдарке ели спустились, а уж об обратном направлении вообще речи не было. Молодец, пароход, долго жить будет.

На турбазе выяснилось, что из Артыбаша просто так не выбраться. Автобусов нет, грузовиков с туристами их Бийска тоже нет. Решили сплавляться по Бие на огромной лодке с туристами. В большую лодку, ялик, или как её точно назвать не знаю, уселось 15 туристов, девица-инструктор на носу и лоцман-алтаец на корме, ну и мы с Идой и с рюкзаками. Поплыли. Я сидел на вёслах пока шли по озеру и потом на первых порогах. Затем уселся на корме и смотрел вперёд. Сплав решительно отличался от того, что испытывали мы четыре года назад, сплавляясь на байдарке. Теперь нашу лодку ни пороги, ни волны не волновали – она лишь качалась и подпрыгивала. Девицы для порядка взвизгивали. Туристам было нехорошо, ночь не спали, плясали и квасили. Все были заторможены и постепенно приходили в себя. Большую часть порогов преодолели. Впереди показался Кузенский и паром перед ним. Паром с двумя грузовиками отделился от левого берега и с хорошей скоростью пересекал нам путь. Надо бы подождать, пока он пройдёт. Но нас несло быстрое течение. Лоцман направил лодку к правому берегу, надеясь проскочить между пристанью и паромом. Ошибочное решение. Я встал и попытался вырвать руль у лоцмана. Но не успел.

– Сейчас разобьёмся! – констатировал я вслух.

Причаливающий паром прижал нас к пристани. Лодка стала подниматься вертикально вверх, борта затрещали и стали сжиматься. Народ кинулся вверх по лодке, работая кулаками, пихаясь, хватаясь за свисающие с парома канаты. Один парень впрыгнул на плечи жены, оттолкнул её и вскарабкался на паром. Инстинкт обезумевшей толпы во всей красе. Наш "Титаник".

Мне пихаться не захотелось. Я схватил штормовку, на которой сидел, и в которой были все наши деньги, вскочил на борт и рыбкай нырнул в реку в надежде оплыть паром. Куда там! Вода как ртуть, я даже не смог расправить тело. В какой позе нырнул, в такой поток меня и поволок. Понесло между двумя понтонами парома. Сильно било какими-то железными рёбрами по спине, я занырнул. Сквозь слой воды увидел свет в конце туннеля. Вынырнул и обнаружил, что я в кипятке порога. Из кармана выплыл паспорт, из него – фотокарточка и поплыли в Бийск. Я поймал то и другое и засунул обратно. Приподнял голову, чтобы не треснуться о какой камень, и мощно (мешала зажатая в руке штормовка) погрёб к берегу. На глубине выше колена встал. Несмотря на сильное течение стоять было можно. Посмотрел на паром. Оттуда с большой скоростью вылетали рюкзаки и спассредства, на которых мы сидели и даже не пытались их как-то применить в деле. По порогу выстроилась цепочка наших шмоток. Из-под парома вылетела какая-то девица, её было пронесло мимо меня, но я быстро пошёл к центру реки, схватил её за куртку и потащил к берегу. Тут появилась вторая, но её до меня не донесло. Она сама встала на ноги и вышла на берег. Там упала и умерла – разрыв сердца на нервной почве. Тут я вспомнил, что у меня есть жена. Не дурно было бы поинтересоваться, что с ней стало. Не успел я сосредоточиться, как из-под парома опять что-то вынырнуло. Вроде Ида и не Ида, у супруги стиль плавания – пароход колёсный, а тут какая-то подводная лодка. Я пошёл на перехват. Это была Ида. Она встала предо мной, и протянула мой очечник с очками. Когда она увидела, что я стою на борту и прыгаю в воду, она тоже встала с теми же намерениями. Но стрингера разошлись и она, как гвоздь, ушла в воду. Затянуло её на

глубину, так что она в отличие от меня все рёбра понтона пересчитывать не стала. Странно, но запасов воздуха ей хватило на всё подводное путешествие. Когда она вынырнула, то увидела плывущий знакомый очечник. Всё, что осталось от мужа. Она его взяла и теперь вернула мне. Сама отделалась лёгким испугом.

Появились лодки-моторки, стали вылавливать наши вещи и складировать их на берегу. Группа туристов подчитывала убытки. Погибли две девицы, одна, которую я видел, на берегу, вторая под понтоном. Она схватилась за свисающую с понтона верёвку, схватилась мертвой хваткой. Её уволокло под понтон, но она верёвку так и не выпустила (говорят, боялась, т.к. плавать совсем не умела). С огромным трудом её вытащили на палобу, но было поздно, она захлебнулась. Ещё несколько человек сильно повредились. Нам порекомендовали отойти подальше: мы в лодке были незаконно. Нас и не было, мы ушли метров за 100. За туристами пришла машина и всех увезла. А мы остались. Мы, вроде, как не причём.

Сели мы среди развала брёвен и стали горевать. Как мокрые курицы. В буквальном смысле. Всё мокрое: и одежда, и спальники. Тяжесть неподъёмная. Но главное – у меня расплосована спина. Кровоточит. Шрам потом остался на всю жизнь. Врачи интересуются: откуда? Я даже на Алтай обиделся, ну опасности, трудности пути, скалы, пороги – это понятно. Меня пугают, мне не страшно. Но калечить-то зачем?! Приключения должны быть, но они должны кончаться благополучно, без увечий. А раны – это ни к чему, это неправильно.

Помощи нам оказать никто не подумал: дикари они и в Африке дикари.

Стали мы ставить палатку, развесили на брёвнах шмотки на просушку. Но, как иногда бывает, появился спаситель. В лице молоковоза. Мужик тормознул возле нас и предложил подкинуть до Турочака. Погрузились и поехали. Последовательно посетили несколько ферм, там в кузов нам грузили большие бидоны с молоком. Привёз нас домой, покормил, снабдил йодом и чем-то вроде бинта. Мы у него переночевали. Денег он не взял. Мир не без добрых людей! На том и держится...

В Турочаке погрузились на "Ракету" с подводными крыльями и полетели в Бийск. На Кипятке и шиверах пассажиров просили пройти то на нос, то на корму: вывешивали корабль, чтобы не разбиться. В Бийске пошли на вокзал, там билетов на Москву не оказалось. Надо лететь. Это дорого. Полагали, что деньги есть. Посчитали – не хватает. Видать, Бия вымыла. Перетрясли все вещи несколько раз. Нет их! Придётся всё-таки выбираться поездом. Привыкли к мысли. Палатка ещё мокрая и дуже тяжёлая. Развесили на верёвке сушить. Из неё выпали две двадцатипятирублёвки! Теперь можно лететь. Но жаба нас замучила (*жадность фрайера сгубила*). Решили сэкономить и тратить нечаянно свалившееся богатство в Москве. Сели в поезд на Новосибирск, а там пересели на проходящий поезд до Москвы. Ехали в общем вагоне, сушили шмотки, и лечили мне спину.

Ида читала "Новый мир".

1974 Катунь-Тюнгур – Кучерлинское озеро – подножие Белухи – Аккемское озеро – Катунь

Раз очередной чемпионат мира по футболу, значит, нам с Идой надо отправляться на Алтай. Традиция! Тем более, что прошло 10 лет после моей первой экспедиции в эти края, после образования общества ЗК (1964 г.). Юбилей! Это моё четвёртое посещение Алтая (экспедиция+2 похода с Идой (всегда, когда имеет место первенство мира по футболу): в 1966 г. – байдарочный поход по Телецкому озеру и в 1970 г. – от Катунь (Чемала) до Бии и Телецкого озера. Теперь я собрался на Алтай в четвёртый раз. Ида – будет третий раз на Алтае. Компания привычная, нас двое: я и Ида. Чисто горный туризм, без примесей чего-то водного. Маршрут: Катунь (Тюнгур) – р. Кучерла – Кучерлинское озеро – безымянные перевалы (возможно, Рижские) – подножие Белухи – Аккемское озеро – р. Аккем – перевал Кузуюк – р. Кучерла – Катунь – Тюнгур – Бийск – Новосибирск – Москва. Пешком километров 200.

Разбогатели, до Барнаула летели на ТУ-104, затем до Горно-Алтайска на ЯК-40 (очень хороший самолёт). В Майме забуксовали. Никаких билетов до Усть Коксы нет. Проданы вперёд на неделю, а то и больше. Пришлось проявлять инициативу: подошёл к шофёру и договорился, что он нас подхватит на выезде из города и погрузит без билета (и за меньшую сумму). Пошли с грузом пешком, нас догнали, сели в небольшой автобус старинного вида, свалили сзади рюкзаки и улеглись на них. Ехать долго.

Сначала по Чуйскому тракту вдоль Катунь мимо Манжерока. Пообедали в придорожном кафе у моста через Катунь, выпили алтайского пива. Неплохое. Проехали Шебалино (125 км от Горно-Алтайска, там совхоз, разводящий маралов, есть краеведческий музей; село большое ~4000 жителей). Тракт сначала довольно прямой, но потом начались повороты и серпантины; на крутых зигзагах дверь у водителя распахивалась и чиркала по асфальту, водитель за ней не следовал, но высовывался и захлопывал. Так всю дорогу.

Усть-Канская пещера.

Добрались до Усть Кана (1010 м над уровнем моря, 260 км от Горно-Алтайска, 360 от Бийска; ~2500 жителей). Издали (в бинокль) рассмотрели на знаменитую Усть-Канскую пещеру, что в 3,5 км восточнее села, на правом берегу реки Чарыш, на горе Белый камень. Говорят, пещера имеет 17 м в длину и 12 м в высоту. Входное отверстие

расположено в 50 м над землей, к нему ведёт деревянная лестница. Здесь обнаружена палеологическая стоянка - много чего интересного нашли. Занимательно, что в ночь на полнолуние стены пещеры расходятся, и в мир людей выходят алмысы — полулюди-полузвери. Вокруг села много родников. Из одного попили водички. Пересекли Уйменскую степь, межгорную котловину. Высота 1000 м, простирается вплоть до Катуня, на нашем маршруте — последняя довольно населённая местность. Кругом высокие горы со снежниками, много заимок (староверов-раскольников?) и пасек. Мёд здесь ценный, лечебный.

Степь вблизи Усть Кана.

Подвесной мост через Коксу слева – после ремонта, справа – в то время: многие половицы отсутствовали, бортов не было вообще).

Это – мост, а не качели.

Через 120 км от Усть Кана (400 км от Горно-Алтайска) достигли села Усть Кокса (~2300 чел), что на левом берегу Катуня. Здесь база учёта туристов. В принципе, мы должны здесь заявить о себе, зарегистрироваться, сообщить контрольные сроки возвращения (это чтобы в случае чего нас спасали). Но мы это дело проигнорировали. Как-нибудь спасём себя сами. Здесь бывал Рерих и писал свои картины, искал Алтайскую Шамбалу. На другом берегу Катуня в Верхнем Уймоне есть его музей. Река Кокса впадает

в Катунь, реку здесь уже довольно широкую. Хорошо виден процесс смешения вод: чистой, прозрачной Коксы и молочной Катунь. Перешли Коксу по частично разрушенному и сильно шатающемуся подвесному мосту. Так себе удовольствие, особенно с учётом сверхтяжёлых рюкзаков. На другом берегу в березняке разбили палатку, попили молока, попробовали местный сыр (очень даже ничего) и переночевали.

Дальше постоянного транспорта нет. Однако периодически до Тюнгура (64 км) ходит небольшой автобус. Утром попытались в него сесть. Не тут-то было. В небольшой и вполне потрепанный жизнью транспорт ломанулась толпа активных пассажиров. Иду я пропихнул внутрь, но пока возился с рюкзаками, оказалось, что для меня (и дюжины других жаждущих) места нет. Мотор завёлся. Я как-то зацепился за косяк и возопил:

– Жену увозят!

Помогло. Народ врубился в драматизм происходящего и потеснился. Дверь почти закрылась и мы поехали. Дорога грунтовая с зигзагами, трясёт, качает, груз то идёт вперёд, то осаждают назад. Утряска и усушка. Смог даже встать на обе ноги и вдохнуть. Местами транспорт застревал, мы вылезали, толкали его. Благодаря биодвигателю мы благополучно достигли Тюнгура. Места примечательного и широко известного. А я о нём ещё в детстве слышал.

Тюнгур – шаманский бубен по-алтайски. Село (человек 300, старое, заселено в последней четверти 19-го века). Расположено на левом берегу реки Катунь, напротив устья реки Кучерлы. Турбаз никаких нет – остановиться негде. Говорят, теперь (в 2017) через Катунь есть подвесной мост, причём – автомобильный. В наше время ничего такого не было. Был паром.

Об этих местах слышал с детства, тут случилась засада крестьян, восставших против большевиков. Именно здесь был полностью вырезан отряд красноармейцев под командованием Сухова. Это в каком-то смысле наша семейная история. Мне об этих местах много рассказывал отец, прививая любовь к Алтаю. Так что я тут оказался во многом из-за его баек. Он – вольноопределяющийся и царский офицер, перешёл на сторону большевиков (на сторону народа, как он полагал), стал красным бароном и с тяжёлой артиллерией отправился бить Колчака (о чём потом жалел всю оставшуюся (85 лет) жизнь). Наступление шло хорошо, Колчак бежал, но крестьяне, не поняв своего счастья, подняли восстание, и красную армию хорошо прошерстили. Включая тот самый отряд, в который входил мой отец

Победоносный отряд Красной гвардии, состоявший в основном из бывших шахтёров Кузбасса, с народом справиться не смог, ушёл в бега, дёрнул к Чуйскому тракту, чтобы по нему свалить в Монголию и там отсидеться. Отец со своей артиллерией перемещался по Иртышу: Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Зыряновск. С Суховым он не пошёл (в воинский талант шахтёра он не верил, с народом воевать не хотел, да и в Монголию не стремился). Он из Чёрного Ануя перебрался на реку Бухтарму, где просидел всё восстание в бане предводителя староверов, под крылышком его дочери, исполнявшей обязанности любовницы красного командира (коса у ней была ниже попы, в руку толщиной). Потом я не особо удивился, когда узнал, что в Сибири много людей с фамилией Бекман! Кстати, предводитель о шалостях дочери ничего не знал (гонялся за большевиками по всей округе), но когда его повязали, то оказалось, что он не так прост: спас красного командира у себя в бане (расстреляли его уже в 30-х годах).

Движению отряда Петра Фёдоровича Сухова (фамилия, как у героя фильма Белое солнце пустыни: случайно или нет?), местные крестьяне оказывали пассивное сопротивление: угоняли скот – преимущественно лошадей. Сам Сухов в своё время был исключён из гимназии за политическую неблагонадёжность, повоевал на фронте с немцами, где вступил в большевистскую партию. В предгорьях Алтая он оказался командиром сводного двухтысячного красногвардейского отряда, который в течение двух месяцев вёл борьбу с кулаками и белогвардейцами. Надо полагать, не слишком удачно.

Отбиваясь от нападавших, красногвардейцы Петра Сухова продвигались по Уймонскому тракту. За неделю преодолели 250 км. Но белогвардейский отряд под командой поручика Любимцева, поддерживаемый местным населением, в 7 километрах ниже с. Тюнгур на обоих берегах Катуня устроил две засады. 10.08.1918 отряд в составе 253 бойцов вышел Тюнгура и двинулся по единственно возможной дороге к Чуйскому тракту. Сухову, конечно, не пришло в голову выслать вперёд разведку. А дорожка была настолько узкой, что красногвардейцы двигались цепочкой, ехали друг за другом по узкой горной тропе. Справа от нее несла свои бурные волны Катунь, слева – нависали скалы горы Бай-Туу. Когда весь отряд въехал в узкое катунское ущелье, спереди и с противоположного правого берега реки обе засады открыли сильный огонь из винтовок и пулеметов. Сжатый со всех сторон отряд Красной гвардии не имел возможности укрыться от губительного огня противника. Отряд понес большие потери. Те, кто повернул назад в Тюнгур, были встречены огнем местных казаков. Красногвардейский отряд Петра Сухова был разбит. Оставшиеся в живых бойцы с наступлением сумерек в одиночку и небольшими группами взбирались на крутые скалистые склоны горы Байтуу. Однако спастись удалось немногим. Небольшая группа красногвардейцев с помощью пастухов-алтайцев прорвалась к пос. Усть-Иня на Чуйском тракте, но была встречена отрядом Малкина – выходца из нижеуимонских купцов. На четвертые сутки местные жители выловили две группы красногвардейцев, потерявших ориентировку в горах. В одной из них находился Сухов. Все красногвардейцы были сданы казакам и немедленно ими расстреляны. Сейчас П.Ф. Сухову и 144 красногвардейцам его отряда в Тюнгуре установлен памятник. Это самая большая братская могила в Горном Алтае.

Река Катунь и Тюнгур.

Кучерла - правый приток Катуня.

Дело шло к вечеру, пора было начинать маршрут, для чего следовало преодолеть Катунь. Река тут не слишком бурная, но широкая и с сильным течением. Подошли к парому и пообщались с паромщиком. Тот сообщил нам интересную новость: на Алтае жарко, сухо, дождей нет, тайга горит, туристов запрещено переправлять через реку, особо – диких. А вы, похоже, таковы и есть. Вот тебе бабушка Юрьев день! Надо было срочно принимать меры. Я дал взятку! Первый и последний раз в своей довольно долгой жизни. Сначала хотел отдать ему фляжку с медицинским спиртом. Но пожалел: мало ли что! В

тайге деньги мне не нужны, а спирт пригодится, да ещё как! Достал сотню и отдал мужику. Этой суммы должно хватить на пол-литра и небольшую закуску. Подобный поступок прославил меня, если не на всю жизнь, то на много лет. Гуляя по Алтаю я не раз слышал легенду, как один чужак-москвич дал взятку в тысячу рублей за принципиально бесплатную операцию – переправу на пароме. Если её когда услышите, так знайте – это был я. Правда, выше пол-литра водки мы с паромщиком подняться не смогли.

Теперь пожарную угрозу мы не представляли. Быстро и без потерь мы были переправлены через Катунь. Паром – катамаран с железными гондолами и деревянным настилом. Бодро ходит между берегами без всякого двигателя. Прошли по правому берегу немного вперёд, разбили палатку, развели костёр, и Ида занялась ужином. Я же прогулялся на пару километров вниз и полюбовался рекой. Где-то там километров 15 отсюда (на 5 км ниже Аккема) много лет назад в экспедиции я сидел на камне и фотографировал спуск туристов на плоту по Аккемскому сужению.

Карта маршрута. Красным выделен наш путь (примерно: петляли мы славно).

Здесь долина широкая, Катунь уже преодолела первые 260 км, теперь монотонно катит свои воды, можно спокойно плыть на лодке и, кажется, ничего тебе не угрожает. Однако, угрожает и ещё как! Ибо там, за поворотом есть каньон, русло сжимается между Катунским и Теректинскими хребтами, река бушует, вода вскипает. Называется порог "Аккемский прорыв" или "Аккемская труба", пятая категория сложности. Тихо-спокойно на байдарке минуете устье Аккема справа и тюркских каменных баб слева, проходите два острова и внимательно (не прозевать!) ищите взглядом избушку-летник с полуразрушенным овином. Всё! Дальше байдарке пути нет. Там крутой поворот реки налево и начало порога. Немедленно к берегу, вытаскивайте лодки, пакуйте, вызывайте лошадей и отправляйтесь домой. Кто советов не слушает, или вообще ворон считает, не обращая внимания на приметы, тот преимущественно гибнет. Много здесь таких умных было... Теперь нет.

Но если плоты десантные, то можно попытаться пройти. При хорошем опыте таких приключений, естественно. Идти приходится сразу, разведка невозможна, на крутой берег не только высадиться трудно, к нему вообще приближаться нельзя – разобьёт. Это порог каньонного типа, с большим уровнем падения воды и валами до трёх метров. Русло сужается до 15 метров. Имеет место пять мощных сливов и на выходе из порога три слива

поменьше. Протяженность порога пять километров. На входе в порог, при левом повороте реки, течение наваливается на правый берег, а затем переходит к левому берегу чередой валов высотой 2-3 метра. На переходе – зубы скал при большой глубине (не встать!). Затем участок спокойной воды. На следующем пологом левом повороте почти по середине реки стоит большой камень и делит русло реки на два потока. Основной поток левый. За камнем вдоль левого берега валы высотой до трёх метров. Затем идёт серия валов, пересекающих русло реки справа налево. После этого основная струя с валами до двух метров идёт под левым берегом. Порог заканчивается перед устьем притока.

Обычно тут хоронят незадачливых водников.

Аккемский порог

Говорят, если срубить ёлку и направить её в Аккемское сужение, то она вылетит без веток и даже без коры. Не знаю, я таких экспериментов не проводил.

Так вот. В давние времена сидел я недалеко от входа в сужение на камне в виде трона, болтал ногами, размышлял о смысле жизни и своём месте в нём. Возник спасательный плот. Многосекционный. Оборудован он был хорошо. Все вещи в клеёнчатых мешках, крепко привязаны канатами, крест-накрест перекрывающими плот. На нём сидели четыре мужика со спас-жилетами и в касках, и активно махали короткими однолопастными вёслами. Мужики довольно старые, лет по сорок; зубы выбиты, опытные, видать. Возле меня они тормознули и протянули мне киноаппарат, чтобы я снял их мастерский проход через порог. Я согласился и побежал вниз по-над речкой, как заправский оператор. Занял позицию и включил камеру. Плот бодро вошёл в порог. Он осмысленно держал путь. Но не долго. Его завертело, треснуло о камень (одна секция лопнула, но остальные устояли) и понесло на скалы. Одна скала имела неизмеримую высоту, и к тому же отрицательный уклон. На неё и кинуло плот. Он сжался, как мячик, застрял было в щели, но отскочил и перевернулся. Спортсмены, мелькнув в воде, исчезли. Плот запрыгал по волнам, как яркий поплавок. Со всех ног побежал я за ним. После порога, на очередном повороте, песчаная коса. На неё вынесло плот.

Ещё в воде плот зашевелился и оторвался от воды. На берег вышел мужик, шатаясь из стороны в сторону и спотыкаясь. На голове у него, как тюрбан, красовался плот. Плот подскакивал и бил его по каске, которая так низко спустилась на лоб, что казалось – кости сплющились. Когда плот перевернулся, всех снесло, а он остался под плотом, схватился за канаты, и поднимая плот на волны, глотал воздух. Так и прошёл порог.

Я помог ему освободиться от транспортного средства. Постепенно подтянулись пловцы. Некоторых унесло на десяток километров. Все живы и, в каком-то смысле, здоровы. Труден сухопутный маршрут по камням, кустам и осыпям. Обсудили актуальную тему: дадут мастера спорта СССР за проход Аккемского порога или зажмут? Порог пройден? Пройден! Не все остались на плоту, но один с ним. А на плоту или под плотом, о том ничего в спортивных законах не сказано. Моряк и под крейсером моряк! Я уверил их, что зачтут. Если кино получится.

Вернулся к палатке, поужинали и завалились спать. Днём было жарко, но к ночи

сильно похолодало. Утром вышло солнышко, палатка прогрелась, мы занялись сексом (путь далёк и труден, неизвестно, что нас ждёт), собрали вещи, согнулись и побрали по тропе по долине Кучерлы к горам. Высоким и снежным. Мираж манил.

Начало пути – почти дорога.

На том берегу Кучерлы было селение, несколько домов. Мы туда не пошли.

Дорога перешла в конную тропу.

Идти нужно километров пятьдесят. Это по прямой, а так – вверх-вниз, вправо-влево, серпантин, сосчитать километры невозможно. Главное – высоту набирать надо. Сейчас мы на высоте 830 м, а нужно достичь отметки 1830 м (чуть выше верхнего Кучерлинского озера), т.е. почти километр по вертикали. Не просто, поскольку без тренировок и акклиматизации. Рюкзаки тяжелы. Даже очень. У

меня чуть больше 40 кг. Оторвать его от земли и забросить за плечи я не могу. Устанавливаю на камень, подползаю, впрягаюсь в лямки, встаю и бреду, шатаюсь. Огромный яровский рюкзак бьёт по попе. Ида тоже бредёт, шатаюсь, низко опустив руки к земле. Те ещё туристы: Лиса Алиса и Кот Базилио вступили на тропу.

Тропа неплохая, сначала почти дорога, трактора, видимо, здесь бывают – сено возят, до Кучерлинского озера трактор, поди, не дойдёт, а вот до Аккемского озера вполне может. Дорога переходит в конную тропу, которая вполне наезженная. Потом, при преодолении прижимов, скал и осыпей она вырождается, однако заметна везде, проблем с ней нет. В низовьях долина довольно широкая, Кучерла даже образует несколько русел, много дресьвы. О переходе с берега на берег речи не идёт – снесёт. Поднимаемся правым берегом.

Ида стоически несла на себе "Запорожец".

Всё чаще и чаще тропа идёт лесом.

Вскоре становится очевидным, что река скована теснинами. Мощные пороги образуют цепи, следующие один за другим. Средний уклон порядка 23 м на км, но в районах основных препятствий уклон достигает величины 100 м/км и выше. Грохот – разговаривать нельзя. Мощност и первозданная сила. Вода в реке красивого зеленоватого оттенка. Местность живописная, кругом горки, леса, хвойные и смешанные, впереди – снежные горы.

Бредём по жаре. Спасает северный ветерок, дующий в спину. Но пот градом. Каждые 200 м останавливаемся, заваливаемся на рюкзаки и дрыгаем ногами. Один раз устроили перекус, съели по шоколадке, попили водицы из речки, побрели дальше. Долго ли, коротко, но достигли ручья (похоже – речка Громотуха). Здесь уже кто-то останавливался. Было кострище и даже немного дров. Кто-то постарался. Разбили палатку, плотно поужинали и заночевали.

В конце концов мы достигли Большого Кучерлинского озера.

Мы продолжили поход.

Кучерла - река довольно бурная. Просто так её не перейдёшь.

На Кучерле встречаются крупные пороги.

Большое Кучерлинское озеро.

Из Большого Кучерлинского озера вытекает река Кучерла.

Утром возникла была идея отвлечься от маршрута и поискать доисторическую пещеру, грот Куйлю называется. Там писаница. Мы слышали о её существовании, но точно не знали, где она. Шум по её поводу поднялся много позже. Решили не отвлекаться, хотя жаль. Пещера интересная. Ручей там из-под земли возникает, зимой не замерзает и вода в нём целебная. На стенах – сотни рисунков древних людей (петроглифы). Есть очень древние. В основном – маралы, козлы, косули, пушного зверя нет. Присутствует и древнейшее божество Азии, хозяин верхнего мира – громовник. В гроте живут сверхъестественные существа, духи.

Утром продолжили подъём. Шли ещё медленнее, ибо сбили ноги, но всё же достигли нижнего озера. Оно так же называется Качинек ("маленький, крохотный, малюсенький"). Озеро образовано продвижением древнего ледника. Берега округлые моренные валы и холмы. Длина озера — 532 м., ширина — 280 м, глубина 17 м.

Наши маршруты по Кучерле и Кучерлинскому озеру. Слева показан и путь назад, справа – погоды к Голубому озеру и на перевал.

Заночевали. Пробудились поздно, побрели дальше. Каждый раз, взбираясь на очередной холм, надеялись: он последний, но нет, спуск и снова подъём. Озеро открылось неожиданно: рыбок вверх – вот оно перед нами. Полдень, можно отдохнуть.

Название Кучерлинского озера происходит от южноалтайского Каджур-лы, (с солонцами). Не понятно: никаких признаков солонцов мы не обнаружили. Озеро расположено на северном склоне Катунского хребта, на высоте 1790 м. Озеро очень красивое, причём, в любую погоду, в любое время, особенно на восходе и закате. Матовая бюрюзово-серая вода, отражает небо, крутые скалы, водопады, кругом высокие горы, высотой за 3000 м., некоторые со снежными шапками, лиственница и кедр, много ярких цветов. Озеро вытянулось с юга на север, его длина 5220 м., средняя ширина – 575 м. В северной части озеро расширяется и здесь максимальная его ширина – 900 м. Котловина озера образована продвижением древнего ледника, она имеет корытообразную форму, полого-вогнутое дно и крутые склоны к нему. Максимальная глубина озера – 55 м., а средняя – 30 м. Северную часть озера запруживает мощная конечная морена отступившего, растаявшего ледника – это весь рыхлый несортированный материал, который нёс ледник (глина, щебень, галька, валуны). В озере живёт Коль-ээзи, ("Хозяин озера"), который может кричать по-бычьи. Однако с нами он связываться не стал и никак себя не проявил. В воде изредка всплывала рыба – возможно хариус. Ловить его нечем.

Тропа по правому берегу (орографически, озеро по правую руку) вполне плохая: валежник, брёвна, большой боковой уклон, выходы на крутые курумники. Иногда тропа раздваивается и расстраивается. Прошли мимо нескольких хороших стоянок. Ну их. Толпы набегут, шумно будет. Наконец, нашли что-то более менее подходящее. Здесь даже была ловочка. Под ней сидел дикообраз. Ни какой-то ёж, а настоящий дикообраз. Во! А я думал, что дикообразы лишь в Австралии живут. Но оказалось, что и в Горном Алтае они себя неплохо чувствуют. Дикообраз пошевелил длинными иголками, громко фыркнул и исчез. Больше мы его не видели. Разбили лагерь, поставили палатку, натянули тент – столовая при случае дождя. Палатка у нас лёгкая, тонкостенная (тяжёлую нам не поднять), но довольно просторная. Так что вещи разместили внутри палатки.

Пошли на экскурсию вокруг озера.

В лесу созревала смородина.

Разбили лагерь.

Ночь оказалась холодная – заморозки, почти зима. Спальники наши на такой климат не рассчитаны. Пришлось ночевать в свитере. Однако утром солнце пригрело и жизнь стала веселей. Отправились в лес поискать грибы-ягоды. Жимолости везде много, но она – на любителя. Есть брусника, но она ещё не поспела. Набрали немного прошлогодней. Всё же попался куст чёрной смородины, почти спелой.

Особо ходить было лень, да и ноги лечить надо было: попарили, наложили пластыри и кое-что перевязали. Во-время, а то без ног можно остаться. Да и мышцы всего тела напрялись, надо дать им отдохнуть. Решили сделать днёвку, Ида её интерпретировала как банный день. Несколько неожиданно для меня. Лично я мыться не собирался. Пришлось костром заняться основательно. Это вам не котелок разогреть. Добыл несколько брёвен (в основном – плавник) и организовал нодью, и не одну, а две – под прямым углом друг к другу. Ещё одну сторону составлял большой костёр, на котором кипятились два ведра воды. Так что получилась комната из трёх стен дыма и огня и одним входом. Ида разделась и принялась мыться. Я следил за кострами, подносил воду, отговаривал от прыжков в воду (вода в озере холодная), потёр спинку. Добром это кончиться не могло. Мы вытащили спальник и под полуденным Алтайским солнцем занялись сексом. Я был сильно увлечен этим, пока

мне в спину не уперся острый сук. Осмотрелся и подивился. Мы на спальниках продвинулись от палатки метров на 20, оставив чёткий след на примятой траве. Остановил нас кустарник. Как-то сразу стало холодно. Разгар дня, а температура никак не выше +12°C.

На следующий день налегке пошли на экскурсию на верхнее озеро. Тропа плохая, иногда исчезает и приходится идти прямо по озеру, благо глубина тут небольшая. Лишь через два часа похода достигли мы южной оконечности Большого Озера и стали вдоль речки подниматься на верхнее озеро. Оно небольшое: где-то 0,5 км в длину и 0,2 км в ширину, не глубже 5 м. Южный берег – начинающееся болото. Вода скатывается с ледника бурным потоком. Сначала водяной поток несется среди хаотического нагромождения каменных обломков и мягких известняковых пород, размывая которые, Кучерла приобретает молочный цвет с бирюзовым отливом. Через 5 км ниже слияния истоков река впадает в Большое Кучерлинское озеро.

Ида бодро стремилась к Голубому озеру. Я едва поспевал за ней.

Ничего интересного. Решили поискать цветные озёра. На нашем склоне на высоте 2300 м. расположено Голубое озеро, длина его – 1,2 км., ширина 0,3 км. В непосредственной близости к Голубому находится Зеленое озеро. И далее, на высоте 2817 метров – Бирюзовое озеро. Примерно на середине Большого Кучерлинского озера нашли тропу, уходящей вверх, прошли по ней 2 км и поднялись на 500 метров по вертикали. По дороге попался водопад, высотой метров 80. Говорят, субальпийские и альпийские луга, находящиеся в окрестностях озёр, нередко посещают сибирские горные козлы. Также сюда заходят снежные барсы (ирбисы). Мы никого не встретили. Вернулись в лагерь. Вечером долго сидели у костра. Любовались звёздным небом. Прекрасный млечный путь. Мало где такой увидишь.

Утром лежал в палатке и размышлял. Всё же странно: мы тут гуляем почти неделю. А не встретили пока ни одного двуногого и ни одного четвероногого. Какая-то абсолютная безлюдка. Всё же я не первый раз на Алтае, можно сказать перечеркнул его во всех направлениях, но так, чтобы никого не встречал несколько дней – такого не было. Тут – заповедник, егеря, лесники должны наведываться, тем более сухо, гореть может всё. Пограницы должны документы проверять у всех здесь шатающихся. Всё же Китай и Монголия рядом. Пастухи овец туда-сюда гоняют. Всадники по своим делам куда-то мчатся. Но главное – туристы. Место здесь бойкое, места красивые, довольно доступные. И серьёзные восхождения начинаются отсюда. И никого! С одной стороны это хорошо, можно отдохнуть от шума-суеты и быть естественным на естественной природе. А с другой стороны как-то беспокоит: случись что – никто не поможет.

Не успел я додумать эти мудрые мысли, как раздался шум, смех, свист и на нашу поляну ворвалась группа туристов-альпинистов. Пришлось вылезать и общаться. Они из Свердловска, встали на большой стоянке на севере озера. Собираются на перевал Титова и далее на Белуху. Обменялись картами-схемами. У меня с этим делом плохо, а у них ещё хуже. Куда идут, смутно себе представляют. Тащат они много груза, один – на плечах даже выючник (роль мерина исполняет, интересно долго он так продержится, на вершину этот ящик ему не поднять). Было у них и ещё много чего. На мой взгляд –

лишнего. Например, три мешка воблы. Ценная вещь, деликатес, давно не пробовал. Даже с пивом.

Альпинисты умаялись. Поняли, что с грузом у них перебор. Радостно подарили они нам полмешка воблы. Можно сказать, она на нас с неба вобла упала. Не знаю, как мы её погрём. Бросить, однако, жалко. Пригласили нас отобедать. К вечеру собрались и ушли. Мы опять уселись у костра. Солились воблой. Налетел ветер, вскоре с севера прибыли чёрные тучи. Пошёл дождь, а затем гроза. Классная гроза. Яркие молнии сверкали в ночи, ударяя, иногда горизонтально в скалы. Обрушился ливень, прямо потоп какой-то. Хорошо тент натянул над палаткой. Но всё равно крыша протекла. Под нами хвоя и песок, так что сразу наш дом не снесёт. Ночью, перекрывая гром, раздался мощный грохот. При свете молний увидел, как с противоположного берега сошла лавина (сель?). Вода в озере закипела. Наш берег довольно плоский, такого катаклизма не ожидается.

Утро на озере.

На озере можно загорать (иногда). На Алтае комаров нет.

Днёвка при хорошей погоде.

Пора в дальний путь.

Утром дождь продолжался, мелкий и противный. Довольно холодно. Вылезать из спальника не хотелось, но нужда заставила. Собирались в этот день на Аккем, но отложили. Сырость кругом, тропы размыло, камни скользкие. Устроили ещё одну днёвку. Воблой забавлялись. По погоде, нужно было бы ещё один день посидеть, но время уже поджимало. Продукты, в принципе, ещё есть, но окончание их наметилось. На следующий день собрали вещи и тронулись в путь. В принципе, можно было бы спуститься вниз по Кучерле, потом через перевал Кара-Тюрек перебраться в долину р.Аккем, подняться к озеру Аккем и далее к Аккемской стене Белухи. Но мы решили рвануть прямо по горам. По азимуту, на восток.

Встали довольно рано. Для нас рано: мы встаём довольно поздно, когда палатка прогреется. Но тут ждать тепла не стали. Позавтракали, навьючились и побрели. Погода: переменная облачность и кратковременные дожди. Пространство мокро, ноги скользят, идём в резиновых сапогах. Вошли в лес. Ориентироваться просто – выбирайся из долины стоя к озеру задом. Какие-то тропы попадались, при случае мы ими пользовались, но без ажиотажа – поднимались по ручьям и распадкам. Тропы сильно забирали к северу, видимо на перевал Кара-Тюрек. Нам туда не надо. Мы – по прямой (в реальности – ломанная кривая).

На берегу много открытых площадок, с которых удобно стартовать.

Мы начали набирать высоту и выбираться из долины Кучерлы.

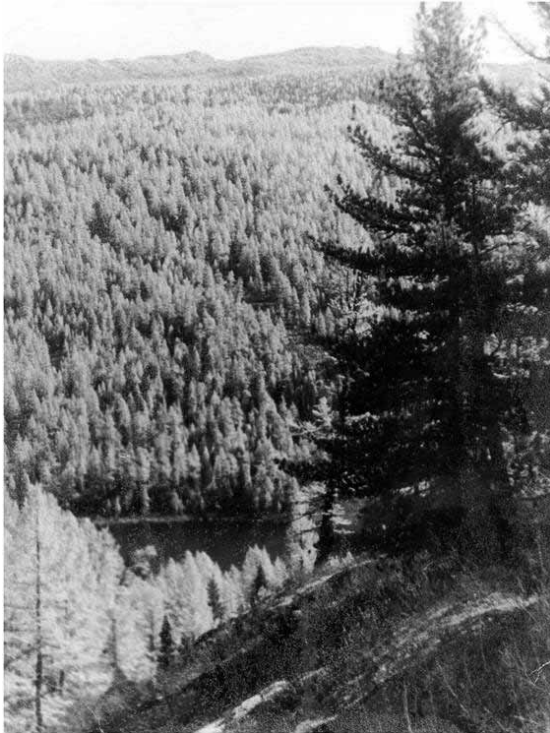

По мере подъёма Кучерла удалялась.

Прощай Кучерла!

Лес довольно густой, кедры и лиственница. Захламлён упавшими деревьями, но не сильно. Двигаться можно, местами даже приятно. Хотя, в принципе, тропы Алтая, есть тропы Алтая, без них невозможно. Альпенштоков у нас нет, тростью служил кол от палатки, вещь во всех смыслах полезная. У Иды он имел вид царственного жезла. Иногда нам путь преграждали потоки воды, стремящиеся в долину. Мы шли в резиновых сапогах, от воды это не всегда спасало, но ноги скользили и мозоли на них натирались. Вдали мелькали водопады, но мы их обходили стороной.

Постепенно, постепенно, кряхтя и охая, потев и отдуваясь, выбрались мы на водораздел. Лес кончился, началась берёзка, кедровый стланик, курумники и осыпи. Иногда скалы – останцы. Идти не стало легче, но дорожное покрытие сильно поменялось, потому хромать мы стали по-другому.

В долине Кучерлы лес густой, тайга.

Оказавшись на оперативном просторе, я огляделся. Кругом были горы. Реальная горная страна, не хуже страны Черского в Якутии, по которой я долго бродил. Горы высокие, все в снежных шапках, с ледниками и трещинами, а ещё, поди, с ледовыми стенками. С

них станется. Встал вопрос: куда нам плыть? Куда конкретно мы движемся?

Тут по Визбору:

*Снова нас ведут куда-то
И не ясен нам маршрут
Видно, горы виноваты -
Снова в гору и по тропам
С рюкзаками за спиной.
Груз под силу лишь циклопам!
– Мама, я хочу домой!*

Всё правильно, только когда тебя кто-то ведёт куда-то и знает точно куда – это одно, а когда ведёшь ты сам и не знаешь точно куда – совсем другое. Тем более, что ведёшь ни кого-то, а собственную жену: боевую подругу и критика.

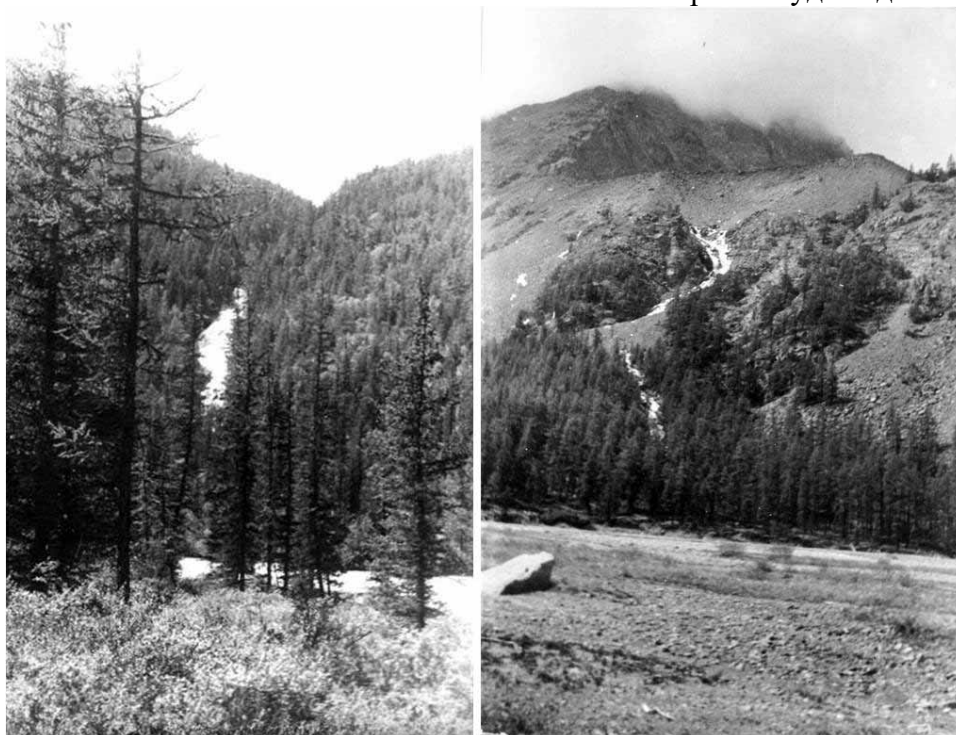

По Алтаю без троп гулять трудно, порой невозможно.

В экспедициях я водил отряды, по сложным и длинным маршрутам. Но там у меня были карты любых масштабов и аэрофотоснимки (стереоскопические, у некоторых кружилась голова и тошнило, когда они их рассматривали). Был, наконец, компас и не простой, а с отсчётом азимутальных углов. Здесь у меня ничего такого не было.

*Если бы у бабушки колёса,
то это была бы не бабушка, а дилижанс.*

Если бы у меня были карты и система ориентировки на местности, то я бы был профессионалом, а сейчас я путешественник-любитель. Даже не турист. Туристы регистрируются и идут на разряд: третий, второй или даже первый. Мы и Идой свободные люди – летим, куда хотим. Осталось выяснить, куда конкретно. Понятно, что на восток, только где этот восток? Компаса у меня нет. Есть твёрдые знания, что утром солнце на востоке, днём на юге, а вечером на западе. Первое время это помогало. Поскольку были часы, и они шли. Но потом я с ними искупался и они встали. Страны света определял по высоте солнца над горизонтом (когда оно выглядывало из-за туч): если оно низко, и я, выползая из палатки, не могу глаза продрать, значит оно на востоке, если стало жарко, а моя тень укоротилась – значит оно на юге, а если низко, а я устал и спать хочется – значит на западе. Такие знания позволили мне вести свой небольшой караван куда надо.

Кое-где блестели водопады, но мы на них не отвлекались. Вдали виднелись и озера, синие и зелёные. К ним мы не приближались.

Я, конечно, в Москве провёл два дня в турклубе. Читал отчёты туристских спортивных групп, что-то выписывал, и переводил схемы на кальку. Сведения были

отрывочными, зарисовки туристы делали примерные, часто они забредали куда-то не туда, а куда – сами не знали. Теперь я разглядывал какие-то чёрточки, изображавшие хребты, точки вершин и пунктир проходов (их проходов, а не тех, по которым надо идти по оптимальному маршруту). Хуже всего, что зарисовки одного и того же района в разных отчётах противоречили друг другу. Решительно противоречили. Ориентация по странам света у них произвольная, нигде не указанная. Ни кому и ни чему верить нельзя. Это – пособие для шпионов – заманить их сюда на верную гибель.

Привал.

Устроили привал. Перекусили шоколадкой и воблой. Попили горячего чая. Обычно так не делаем, но лес кончается, примуса у нас нет, неизвестно, когда костёр удастся развести.

Теперь я знаю, что в здешних краях есть перевалы: Кара-Тюрек, Рижский, Буревестник, Рига-турист. Но тогда я только предполагал, что они есть, но где они и в каком порядке их следует преодолевать и каким категориям они относятся не имел ни малейшего понятия. Тем более не знал, как они называются. Всё же мы в конце концов перевалили через Катунский хребет, но по каким перевалам?!

*Ой, где был я вчера, не найду, хоть убей,
Только помню, что стены с обоями,*

Думаю, что места, где мы переваливали нужно назвать перевалами Бекмана. Знать бы только, где они есть.

Лес постепенно отступал, появились луга, но местность оставалась сильно пересечённой: крутые спуски чередовались с крутыми подъёмами.

Где восток я примерно представлял; нельзя валиться ни на север, ни на юг. Особенно на юг. Но туда и не попадёшь: горы под 4000 м. сплошной стеной, ледники. Они нас не пустят. И не пустили. Я говорю об общем маршруте. В реальности всё сложнее – не по степи на коне скачешь. Всё определяли распадки, ручьи-речки, отроги хребта и сам хребет. Мы сильно петляли, но держали курс на восток. Другое дело, что, не зная где перевалы, часто переваливали, где придётся, штурмом беря преграды (бывало – и через вершины).

Хоть мы и петляли (*бешеной корове семь вёрст - не крюк!*), но добрались до Аккема.

Вы, ребята, так не делайте. Соберётесь гулять по алтайским краям – обзаведитесь картами и компасом. Даже не смотря на то, что теперь там тропы и дороги.

Лес ещё попадался, но на выходе из ущелий (часто, выбравшись из одного, мы проваливались в очередное, теряли высоту и долго выбирались из него, чтобы провалиться в следующее) начались луга. Пастбищ, однако, было мало – заросли кедрового стланика и карликовой берёзки. То и другое – большая гадость. Резко тормозит движение. В полукедах не пойдёшь – все ноги ниже колен будут побиты и поцарапаны. Приходится идти в резиновых сапогах, хотя болот мало и ручьи редко встречаются. Скользишь и ноги преют.

Аэрофотосъёмка туристу лёгкого пути не сулит (красное - наш маршрут (примерно)).

Периодически наш путь пересекали каменные реки – курумники, иногда из небольшого камня, иногда из огромных глыб. Приходилось прыгать с одной на другую. Дело опасное – с тяжёлым рюкзаком можно хорошо навернуться. Однажды резко поднял рюкзак на плечи, а нога застряла меж камней, чудом её не сломал, но она покрылась синяками, пришлось хромать. (Хороши мы были, если бы я сломал себе ногу!).

На Похоже, что наш перевал теперь зовётся Рига-Турист (высота 2600 м). К Аккему мы спустились по долине реки Ахоюк.

Как я теперь (2018) знаю, в регионе нашего путешествия можно насчитать шесть перевалов, которые могли бы встретиться нам по пути. Пять из них представлены на этой карте: 54. пер. Кара-Тюрек, 1А, 3060; 57. пер. Аккем через вершину; 58. пер. Рига турист, 1Б, 2850; 59. пер Буревестник, 2А, 3340. С Кучерлы на Аккем мы, видимо, перевалили через Рига турист (хотя, поскольку сильно петляли, то не исключено, что нас занесло на Буревестник; с Аккема на Кучерлу перевалили через пер. Кузуюк, НК, 1513 (на карте не уместился, он севернее).

Схемы подъёма (слева) и спуска (справа) с перевала.

Я посмотрел на хребтик, нашёл самое низкое место, мы взобрались по сыпучей осыпи и перевалили (за перевалом осыпь оказалась ещё хуже, к тому же выпал довольно глубокий снег, так что спуск выглядел совсем не так, как на фото).

Скалы и осыпи пытались преградить нам путь. Но не на таких напали!

Не хотелось мне лезть в этот скальный проход, но пришлось: другого пути не было.

Мы не столько пересекали курумники, сколько поднимались по ним, набирая высоту. Курумники чередовались с осыпями, местами очень противными: катишься с них и ждёшь лавины – с них станется. На многие локальные перевалы взбираешься именно по таким осыпям. Ну и, естественно, скалы, скалы кругом, чтоб им пусто... Стоят, как драконовы зубы. Щели между ними иной раз такие узкие, что рюкзак застревает.

Высота начала сказываться: что-то около 3000 м. Дышать тяжело, хватаешь воздух ртом, как рыба на суше, сердце бьётся где-то в горле, иногда кажется, что теряешь сознание. Не просто гуляешь, а тяжёлый груз тащишь, как тот грузовик. Растренировался в московской химической жизни, да и акклиматизации не было ни какой. Проблема с

Идой, точнее – с её астмой. Перед перевалом она глотает горсть таблеток-порошков и – вперёд. Иногда я взбираюсь наверх, бросаю свой рюкзак, и спускаюсь вниз за рюкзаком подруги. В исключительных случаях переносу Иду через ручки на руках.

Кедровый стланик и карликовая берёзка.

Кажется, что по курумнику идти легко, но это не так. А под дождём и в резиновых сапогах лучше вообще этого не делать.

Куда идти я точно не знал, поэтому уверенно шёл вперёд.

Затащить груз на перевал трудно, но можно.

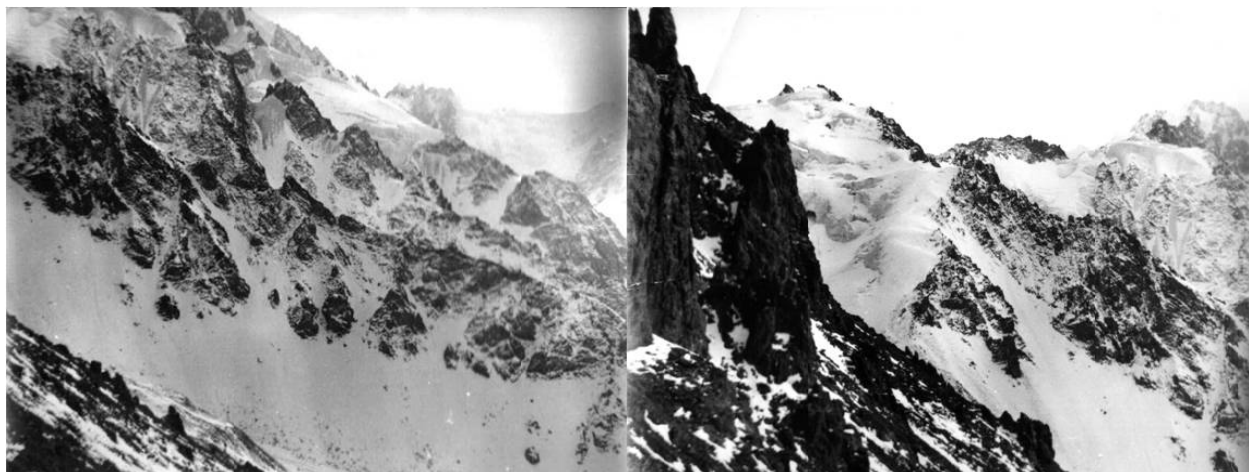
Часто мы переваливали там, где придётся: взлет понятен, а спуститься можно всегда.

На некоторые перевалы взбираться приходилось по живым осыпям.

Наконец, где-то вдали выглянула стена Белухи.

Скалы покрыты снегом и льдом. Лезть на них не хотелось.

Лёд здесь какой-то слоистый.

Всю дорогу шёл мелкий дождь, налетал туман, а то и облака-тучи. С ориентацией в пространстве и так было туго, а тут вообще завал. Надо было бы бросить рюкзаки,

посадить на них Иду и сходить в разные стороны в разведку. Но так делать нельзя. Категорически нельзя! Опыт предыдущих походов-экспедиций мне это экспериментально доказал. Бросишь что-то у заметного дерева или камня, отойдёшь на километр и всё! Вернёшься и ничего не найдешь, в 10 м пройдёшь и не заметишь. Местность рельефная, не просматривается, а деревьев целый лес и камней полно, где твоё сокровище не определишь. Расставаться категорически запрещено. Даже по нужде. Всегда должен быть видовой или звуковой контакт. На ледниках лучше вообще связаться верёвкой (если она есть) или навесить перила (если есть из чего и есть настроение этим заняться). Как опытный путешественник отходил я от Иды (она весь маршрут шла впереди меня, чтобы я видел, что она ещё не потерялась) недалеко и оптимальный маршрут проложить не мог.

Лезли и лезли мы вверх, где получится, казалось – вот он перевал, но нет – снова подъём (*эх раз, ещё раз, ещё много, много раз*). Это ещё хорошо, если подъём всё время, это перспективно, а то – как по гладильной доске, поставленной под хорошим углом к полу. То, что преодолел перевал, узнаёшь по крутому спуску, по которому скользишь на полусогнутых, или просто катишься, а потом снова лезь куда-нибудь.

Не знаю, кто и как берёт такие перевалы, лично я – на четвереньках.

Пошли снежники. По ним идти легко, правда, лучше сменить резиновые сапоги на горные ботинки (Увы! У нас их нет). Хуже, что пошли ледники с трещинами в неожиданных местах. В них падать не хотелось (я уже в ледниковых щелях бывал, мне там не уютно). Лесть по леднику круто вверх

тоже неприятно. Однажды врубился в какой-то кулуар. Сели отдохнуть. Пора идти. Я протянул руку и сдёрнул Иду с камня. Тут же на этот камень свалился крупный булыжник. Хотел попасть, но промахнулся. Нам повезло! Когда шли по этому извилистому кулуару с ледяными стенками всё время то впереди, то сзади падали камни, иногда случались осыпи. Опасный проход сквозь ледопад. Когда-нибудь какую-нибудь зазевавшуюся группу здесь засыплет и кого-то побьет. Лучше сюда не соваться, хотя, в принципе, кулуар ведёт куда надо.

Перевалы, что мы преодолевали, технически не очень сложные. В экспедициях встречались много сложнее, но там была экипировка и хоть и не полное, но всё же альпинистское оборудование. Без него дома сидеть надо.

*Дома все же как-то лучше,
Ну а здесь придется нам
Целый день бродить по кручам,
По ужасным ледникам.
Будем ползать постоянно
По веревке основной
И питаться кашей манной,
– Мама, я хочу домой!
Не хочу я каши манной,
– Мама, я хочу домой!*

Манной каши у нас не было – Ида ей объелась в своём военном детстве. Верёвки ни основной, ни какой-либо другой не было, хотя целый день бродили по кручам и ужасным ледникам. Домой пока было рано.

О! Если бы у нас были верёвки, карабины, горные ботинки с кошками, шлемы, альпенштоки, ледорубы, примус с бензином, толстые перчатки (для передвижения по льду на четвереньках)... Мы бы показали класс! *Если бы у бабушки были колеса...*, кажется, я об этом уже вспоминал. Ничего у нас не было. В руках – палки от палатки (при случае – топливо до костра). У Иды – тёмные очки, защита от палящего солнца и альбеда от снежников. Жаль только, что на перевалах всё время дождь шёл, переходящий в снегопад. Солнца нет. Из горного оборудования – это всё. Зато на мне висел фотоаппарат Zenit с мощным объективом, киноаппарат в футляре (фильм склеил, один раз посмотрел, теперь бабины с плёнкой валяются где-то на балконе). Всё это болталось, билось друг о друга и об меня. Мешало идти. Плёнки отсырели, слиплись; фотографий потом получились плохими.

Итак, настало время главного перевала (или перевалов – мы не знали, сколько их впереди, но высота и нехватка воздуха предсказывали что-то серьёзное). Заночевали на грани кержача. Набрал что-то горючее, развёл костерок. Заварили бульонный кубик, вскрыли банку тушёнки, с чаем употребили банку сгущёнки. Груз уменьшился. Тут надо не перестараться: кто знает, сколько дней займёт преодоление Катунского хребта. Тем более – дождь всё время, скользко, палатка мокрая и тяжёлая.

Встали с рассветом и попёрли. Полезли по сыпучей насыпи на провал в хребтике. Ничего особенного, но каждые десять метров приходится останавливаться и отдуваться, рюкзаков не снимая. Ида идёт впереди, сыпуча сыплется, камни, выбитые её ногами, проносятся мимо. Да они и мелкие. На перевал взобрались и рухнули. Устали: всё же набор высоты с 1200 до 3000 м. После такой тренировки сбегать налегке по ГЗ МГУ с подвала до шпилья и обратно – детский лепет (правда, за 60 лет я так и не собрался это сделать).

Основная неприятность – дождь с порывами ветра, периодически сменяющийся снежными зарядами, клубы облаков и тумана. Катунский хребет возвышается на 1000 м над соседними хребтами, поэтому притягивает тучи со всего Алтая. Дождь – обычное дело, но снег и мороз летом, это – перебор, мы на это не рассчитывали. Нам даже прикрыться нечем.

Мы не просто устали – мы выбились из сил. Рухнули, где стояли. Чуть отдышались, закусили шоколадом с воблой. Задерживаться здесь и приходиться в себя здесь невозможно. Погибнем во цвете лет. Пора валить!

Посмотрел на спуск. Думал – культурно слезем. Ага! Как же... Спуск оказался под снегом. Покров 5-10 см, местами глубже. Вот бы где перила не помешали!

Сделал шаг – полетел, почти как на крыльях любви. Хотя и не совсем. Сначала кубарем, потом на рюкзаке, потом на заднице. Тело моё пострадало, копчик месяц болел. Плохо, что меня не просто снесло вниз, но с сильным загибом вправо, так что Иду я не видел и не мог её предупредить, что бы она так не делала. Как-то затормозив палкой, сбросил рюкзак, пошёл по склону, чтоб увидеть подругу. Правильно сделал. Сверху послышался шум и писк, и возникла подруга с рюкзаком в качестве санок. Она бы пролетела мимо, но я в мощном броске ухватил её за полы штормовки и удержал. Вроде она не сильно побилась, главное – голова цела и переломов нет.

Перевал мы технично взяли. Не каждому такой стиль удаётся.

Нужно продолжать спуск дальше, до леса ещё далеко. Видимости почти никакой, но понятно, что везде обрывы. Где спуститься, чтобы остаться в живых не ясно. Забились под нависшую над склоном скалу. Надо подождать, не прояснится ли что, хотя надежды мало: дело, поди, идёт уже к вечеру. Нарубил наши палки-альпинштоки на щепки и соорудил небольшой костерок. Поджёг их таблетками сухого спирта. Палки для палатки из сырого дерева, горят плохо, но всё же горят. Растопили снег и довели воду почти до

кипения. Закусили последней шоколадкой и галетой. Воблы уже не было. А дальше что? Никаких перспектив...

Промокли мы полностью. Что-то не припомню, что бы ещё когда так промокал. Даже с тросов вода течёт. Судя по весу, в рюкзаках тоже всё мокро. Уже это не хорошо,

но хуже, что стало холодать и мы постепенно покрывались льдом. Последствия ожидаемы. Два варианта: двинуться вперед и полететь вниз, переломав по дороге кости, или сидеть на месте, ожидая, что представление кончится, и ещё до темноты мы увидим свой оптимальный путь. А где гарантия, что не умрём?!

Издали мы увидели какой-то пик. Лезть на него не было никакого желания.

Сегодня мы так наломались,

что даже по степи далеко бы не ушли.

Сели мы на рюкзаки, прижались спинами друг к другу и стали ждать решение Судьбы. Шансы погибнуть здесь велики. Зато тогда может кто поставит в нашу память тут крест, или установит дощечку какую, с посвящённой нам надписью. Слава будет. Как всегда надежда на Авось, знаменитое русское авось, хотя и не понятно, на что тут надеяться. Похоже, к утру мы превратимся в ледяные столпы.

Авось живы будем, авось помрем.

Авось кривая вывезет.

Авось Бог поможет.

Авось — вся надежда наша.

И что ещё такого умного припомнить можно?

Раздался лай собаки. Возникла где-то внизу в снежной пыли. В просветах видно, что лохматая, пастушья овчарка крутится вокруг себя и лает то на нас вверх, то вниз. Через некоторое время чуть ниже её нарисовался человек, алтаец. Он поприветствовал нас и жестами руководил нашим спуском. Мы спускались по осыпям, защищённым скалами от снегопада. Кстати, и осадки здесь уменьшились и порывы ветра ослабли. Шли мы на полусогнутых, приседая и падая, но успешно теряли высоту. Поравнялись сначала с собакой (настоящая альпинистка), а потом и с мужиком. Он пригласил нас следовать за ним. Мы последовали за спасителем.

Преодолели метров 200 по серпантину и обнаружили лошадь на аркане. Парень (при ближайшем рассмотрении это оказался парень призывного возраста) отвязал мерина и уселся на него

– Рюкзак давай, – крикнул он мне.

Поскольку о моём не могло быть и речи, то я схватил Идин и метнул. Парень не ожидал такого подарка, он и представить себе не мог, что дама может таскать такую тяжесть, да ещё по местным горам. Рюкзак, как ядро, ударил парня в грудь и его, с коня, как ветром сдуло. Он закувыркался по карельской берёзке, которая здесь уже появилась. Хорошо, что он ехал без седла и ноги были не в стремях. А то бы он своим телом пересчитал бы все окрестные камни и кочки. Как я в Якутии, да и здесь на Алтае. Лошадь оказалась спокойной, не понесла, продвинулась вперёд и встала. Парень взгромоздился на неё, обняв Идин рюкзак. Мы двинулись дальше. Собака впереди. Где-то через километр появилась тропа и по ней мы пересекали зону курумников. Появились кусты кедрача, и, наконец, небольшие деревья, среди мелкой травы. Погода то ли начала налаживаться, то ли в местной в долине она всегда лучше, но осадки кончились. Темнело, появилась луна,

большая и мощная, как прожектор. Она изредка выглядывала из-за туч. Слева по ходу возникла высокая пирамидальная гора с висячим ледником. Её высота по моим оценкам где-то 4000 м. Потом исчезла в облаках.

Долину со всех сторон окружали горы, некоторые из которых мы уже преодолели. Вдали маячила часть Аккемской стены горы Белуха.

Была уже ночь, когда мы достигли стойбища пастухов: лошади и овцы, возможно, есть маралы и коровы, но сразу не видно. Круглые войлочные юрты. Довольно большие. Алтаец представился:

– Авраам!

– Линкольн?! – поинтересовались мы.

– Да! А откуда вы знаете? Вот какой я известный человек, – похвастался он подошедшим колхозникам, – даже в Москве обо мне знают!

Он ввёл нас в свою семейную юрту, там хлопотали две его жены, одна существенно моложе другой. Вдоль стены – навалы тюфяков и одеял, есть невысокие столы и подушки при них. В центре ярко горел костёр, дыма было мало, он поднимался вертикально вверх и уходил в отверстие юрты. Было тепло. Мы разделись до уровня приличия (никто на нас не обращал внимания, могли бы разоблачиться полностью, что было бы полезно, ибо мы истинно промокли до нитки и сильно озябли). Раскидали спальные, развесили часть шмоток, а что-то актуальное держали в руках, махая над костром, следя, чтобы они не сгорели.

Для начала нас угостили айраном, а потом плотно накормили мясом и толстыми вкусными лепёшками, напоили чаем из местных трав и листьев.

Тут мы обнаружили, что мы больны. Оба! Слабосильная команда.

И у меня и у неё высокая температура (градусника, естественно, нет), трясёт, насморк и кашель. У Иды ещё астма и что-то женское, случающееся регулярно, но всегда не вовремя, мешая семейному сексу. У меня ещё и ухо надуло.

То понос, то золотуха.

Проглотили пол-аптечки, выпили горячего молока с мёдом и какими-то травами, запили спиртом, и остатками его натёрли груди-спины. Завалились спать на хозяйские лежа.

Утром проверил, не отвалился ли часом во вчерашних передрыгах мой член. А то он перед сном был исчезающее малым. Нет, стоит себе во всю мощь, даже на живот лечь нельзя. Это уже кое-что, значит я жив. Секса сегодня не обломится, надо вставать. Кости болят, мышцы страдают. И синяков на теле немеренно. Вывихов и переломов не обнаружено и это замечательно! Шатает и температура ещё есть. Посмотрели мы друг на друга и решили – никуда не пойдём. Днёвку заслужили.

В юрте никого нет. Попили лекарства, раскочегарили костёр, Ида приготовила основательный завтрак, поели заодно и то, что оставили нам гостеприимные хозяева. Запили айраном из местной бочки. Снова завалились спать. К обеду вернулись хозяйки с ведрами: кобылье и коровье молоко. Парное и с пенкой.

После обеда пошли прогуляться. Травы не слишком много, но есть. Много озёр: и выше нас и ниже. Цвет воды в них разный (зависит от подстилающих пород, но и от неба

тоже). Некоторые красивые, можно цветные открытки делать. Разноцветные луга украшают цветы: горечанки, жарки, лютики, чабрец, бадан, нечто, похожее на одуванчики и даже венерины башмачки (орхидеи!). Нашёл золотой корень (родиола розовая, алтайский корень). Тут же топором

накопал кучу бронзовых корней с перловутовым блеском. Дома настою на спирте – будет лекарство от всех болезней (например, повышает давление, что для меня важно) и от полового бессилия поможет (если такое когда-то случится).

Всё вокруг цветло.

Кто-то из пастухов отвёл нас к зарослям высоких кустов, в среднем высотой в 1 м. Мелкие листочки, белые, жёлтые, оранжевые небольшие цветочки. Аборигены заваривают чай листьями с

этих кустов. Мы было решили, что это от того, что у них нет традиционного чая. Оказалось – не так. Местный чай полезен и к тому же довольно вкусный. Мы заинтересовались и уже в Москве узнали, что растение называется могучка (значасее название!), лапчатка кустарниковая, пятилистник. А чай – это курильский чай. Поскольку в Москве Ида занималась поиском иммунорегуляторов, обеспечивающих оптимальный иммунный статус человека, то обнаружила, что курильский чай не просто антибиотик, исцеляющий, например, кишечные инфекции, но и неплохой иммуномодулятор. Кто-то с Байкала прислал ей мешок листьев, она разработала метод экстракции и получила пакет коричневого порошка. Мы долго пили такой чай.

Так что поход оказался полезен и с научной, и с оздоровительной точек зрения.

Посмотрели, как пастухи и собаки скот гоняют. Тут, видимо, раньше был овин, загон для скота, и ограда. Теперь всё разрушилось. Но ворота остались. В виде буквы П. Передняя собака направила барана-предводителя точно в них. Огромное стадо овец ринулось за ним. Они толкались в этих воротах, бились друг о друга и о столбы. Ворота стояли посреди луга, беги куда хочешь, ни что не мешает. Они же все стремились пройти между столбов, ни одна не посмела пробежать мимо. Чем-то это мне напомнило привычки жителей Центральной России.

Река Ак-Юкок начинается как ручейк, но потом обрушивается водопадом.

На спуске перед нами, наконец, предстала гора Белуха.

Пужинали, не торопясь побеседовали с аборигенами-мужчинами, проглотили оставшиеся лекарства и завалились спать.

Вскоре появилась и метеостанция на Аккемском озере.

Утром определили, что здоровыми нас признать нельзя, но двигаться вперёд можно и нужно. Собрали вещи, поблагодарили гостеприимных хозяев и Авраама, возможно, спасшего нам жизнь, и отправились в поход. Минуя верхние

озера, спустились к нижнему, длиной метров 150, обошли его и по долине реки Ак-Юкок начали основной спуск. Речка начиналась, как небольшой ручеёк, но потом превратилась в бурный горный поток, с сорокаметровым водопадом. Часа два шли на полусогнутых, тормозя на склонах. Активно теряли высоту. Спустились к верховью реки Аккем, вытекающей из-под ледника. Пошли по течению по левому берегу, по мосту из двух брёвен преодолели Ак-Юкок, миновали Верхнее Аккемское озеро, напоминавшее скорее

болото, достигли основного Аккемского озера (лежит на высоте 2050 м, имеет неправильную эллипсоидную форму и вытянуто по долине на 700 м. ширина местами 560 м.), прошли его, достигли метеостанции. Она старая, работает с тридцатых годов. Поздоровались, никто особо не отреагировал и нам не обрадовался. Предположение, что здесь есть погранзаства и всех проходящих регистрируют, не оправдалось. Журнала с записями почётных посетителей тоже не

оказалось. Банька есть, но только для своих: нет дров и с гигиеной проблемы.

Ида форсирует реку Аккем.

Продвинулись дальше. На берегу реки Аккем, вытекающей из озера, стоял столб с надписью «Стоянка запрещена». Мы ему обрадовались, так как у нас был всего один кол для палатки. Столб я использовал в качестве второго кола. Мы живём в свободной стране: одни размещают плакаты с запретами (имеют право), другие на их плюют (имеют право). Кто закон принял, тот пусть его и выполняет.

Разбили палатку, организовали небольшой костёр, поужинали и легли спать.

Конечную цель путешествия мы достигли.

Если идёшь на экскурсию по леднику – вставай рано. Солнце пригреет, снег таять начнёт, пойдут камнепады, речки переполнятся, их не перейдёшь. Вставать надо затемно. Что-что, а это нам не под силу (невпотяг). Рассвет мы проспали. Вышли уже в разгар утра (хорошо, что ни дня). Идём налегке, палатку и вещи бросили. Легко, как бег вприпрыжку

(вприпрыжку). Здорово, если рюкзаков нет. Тепло, небо ясное. Прошли метеостанцию и всё озеро, по мостику (параллельно с ветками) переправились через Аккем и уже по его правому берегу стали набирать высоту. Сначала забрались на морену, а потом уже пошли по леднику.

Преодолеваю морену.

Пейзаж, конечно, замечательный. Не с чем даже сравнить, а я гулял по

Верхоянскому хребту, по горной Стране Черского, по Камчатке, Кавказу (включая Казбек и Эльбрус), по Тибету, по Альпам, Татрам, Драконовым горам в ЮАР, но такой красоты и мощи не встречал.

Гора Белуха и Аккемская стена (из Интернета).

Перед нами предстала гора Белуха. Две вершины в виде неправильных пирамид – остроконечная Восточная Белуха (4509 м – высшая точка Сибири) и Западная Белуха (4435 м), почти отвесно падающие на север к Аккемскому леднику. Понижение между вершинами, (Седло Белухи, 4000 м), также круто обрывается на север к Аккемскому леднику (Аккемская стена). Кто-то скажет: Подумаешь, 4,5 км! Семитысячники есть, не говоря уж об Эвересте. Да, с юга и со стороны Казахстана на Белуху забраться можно без особых проблем. Но не с севера! Аккемскую стену (высота ледовой части 2 км) ещё никто не взял (категория сложности 5Б), уже за частичный её траверс становишься чемпионом СССР по альпинизму. А это что-то значит...

По Аккемскому леднику продвигались мы к Аккемской стене.

Снимки может и не совсем удачные, зато мои.

Аккемский ледник открытый – его трещины видны, ходить по нему также можно без специального снаряжения. Хотя, лучше не в полукедах, как мы (переобулись из резиновых сапог, и то хорошо). Длина ледника 7,8 км, площадь – 10,4 км². Язык ледника

заканчивается на высоте 2200 м. на расстоянии более чем двух километров от Верхнего Аккемского озера. Здесь выходит из-под ледника река Аккем, которая собрала свои воды из множества ручейков, текущих по леднику и под ледником. Один поток реки вытекает из большой ледниковой пещеры. До неё не всегда можно добраться — преграждают путь другие бурлящие потоки, бегущие на встречу друг другу. Мы, однако, добрались.

Лезть по такой стенке, конечно, стрёмно.

Я шёл, как обычно, в свитере и штормовке. Ида – в открытом купальном костюме. Представляла себя на пляже. В одном из водопадов искупалась. Меня аж в дрожь бросило

от такого представления. Ей казалось, что солнце припекает; у меня сложилось другое мнение. Каждую калорию надо беречь.

Шли мы без особых проблем, хотя временами скользили и падали. Ноги были мокрыми. Аккемская стена вблизи впечатляла ещё больше. Ледяной карниз, нависал по её центру и грозил обрушиться. Я всё же мастер спорта СССР, правда, не по альпинизму, а по горному туризму. Смотрел профессионально. Тем более, что в студенческие времена, в экспедиции пересёк Горный Алтай во всех направлениях, а экспедиция и была посвящена описанию ледников. Мне показалось, что, если и не подняться, то пересечь Стену справа налево можно.

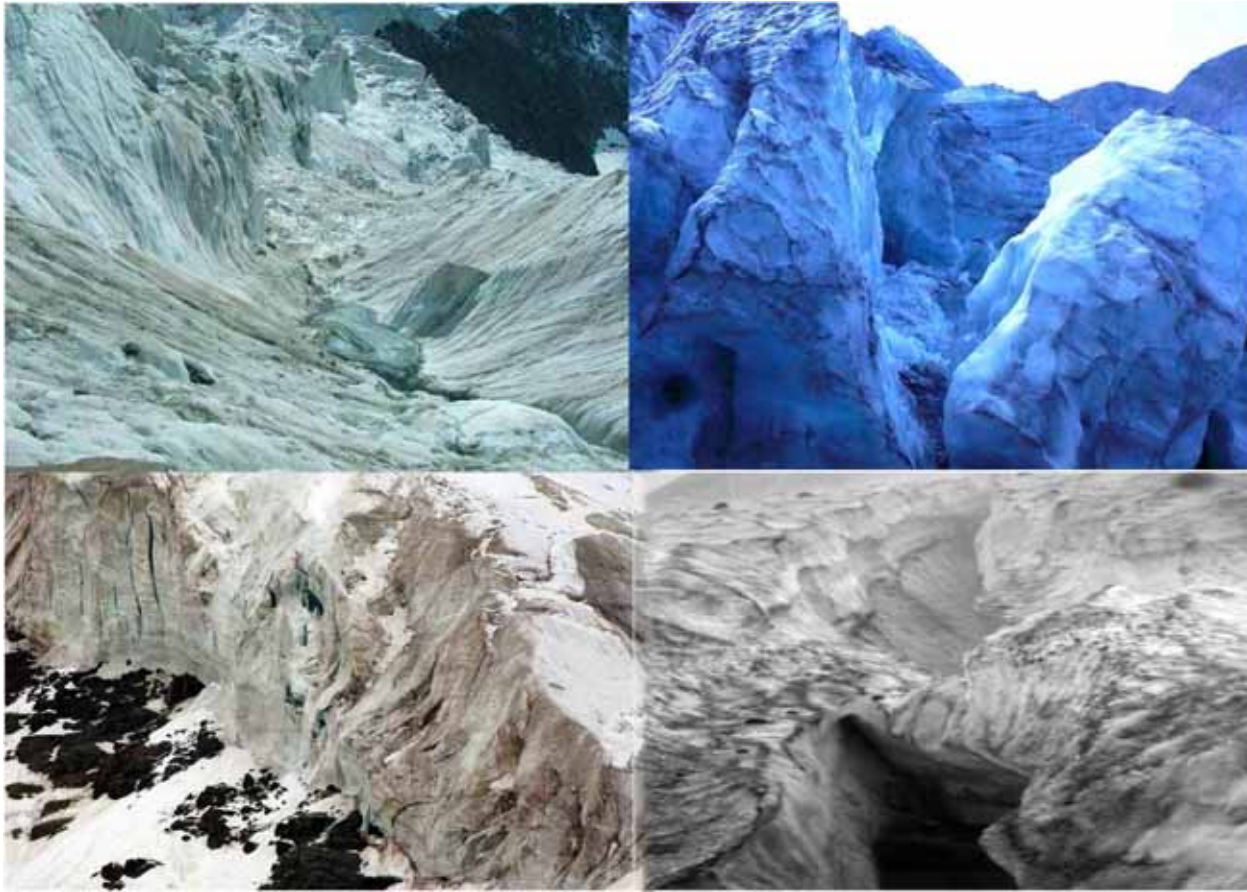
К Аккемской стене мы подошли близко и смогли её хорошо рассмотреть.

Ледник заметно отступает – потепление климата сказывается.

Посидели, отдохнули, пошли назад. День был прекрасным – белый снег, синее небо, зелёное озеро.

Ещё утром, при переправе через Аккем мы встретили отряд из Свердловска, что одарил нас мешком воблы на Кучерле. Они свалились с Аккемского перевала. Теперь, только мы пошли вниз, как нам на встречу попались два знакомца. Повезло: они нас сфотографировали на леднике. Теперь есть доказательства, что мы тут были.

Спускались мы галсами, разглядывая достопримечательности. Обрато через Аккем переправились с трудом: воды заметно прибывло, она хлестала через мост. Ни на что не отвлекаясь, спустились к палатке. Всё в порядке, никто на наше добро не покусился.

Льда тут наворочено много.

Хотели сделать днёвку и отдохнуть перед финишным рывком, но время поджимало. Видимо, лететь придётся. Не торопясь собрались и пошли по левому берегу вниз, по направлению, к Катуни. Последний раз глянули на озеро. Само оно красотой не блещет, то отражение Аккемской стены в мутно-белых его водах придаёт ему сказочный вид. Из озера, сужающегося к северному краю, река вытекает широким перекатом и далее прокладывает дорогу в широкой заросшей долине. Через 1 км справа в Ак-Кем впадает река Ярлу, через 10 км тоже справа – река Текелю. На ней 60-метровый водопад, который слегка виден с нашей тропы. От устья Текелю долина Ак-Кема становится уже, крутизна берегов возрастает, река надолго погружается в узкий скалистый провал. Тут важно успеть её покинуть и начать забираться на кручу, стремясь к перевалу Кузуюк (1513 м). До него надо набрать по высоте метров 500.

Дальше мы лезть не стали.

Шли мы медленно, на подъёме нас нагнала знакомая группа свердловчан. Вид к ним был уже не такой бойкий, как на Кучерле. Кого-то побило камнями, кто-то что-то отморозил. Некоторые сильно хромали и быстро идти не могли. Один сломал себе ногу. Стоял в щели между камней, вскинул на плечи тяжёлый рюкзак, неловко повернулся и нога треснула (я тоже чуть было не совершил такой подвиг). С ледника его пришлось

нести на руках. На метеостанции ему экстренно помогли. Не знаю, был ли там фельдшер-спасатель (надо бы, чтоб был, альпинисты-туристы в здешних краях ломаются часто) или кто из метеорологов помог. Теперь он сидел на лошади, которую вёл пожилой алтаец.

Из ледяного грота вытекал ручей.

Отряд уже не выглядел таким дружным, как раньше. Устали, недовольны друг-другом, огрызаются и ругаются. Такое я часто наблюдал в походах-экспедициях. Нервы, нервы. На маршруте готовы пожертвовать собой для спасения друга, за поход пут соль съели (буквально), а приедут домой, разойдутся и друг с другом больше никогда не встретятся

Так покоряют Сибирь.

От чего не позагорать, если можно.

В лесах при Аккеме есть грибы. Почти все с красными головками. Немного собрали и кинули в суп. Хорошо бы поджарить, да сковороды нет. На подъёме встречается смородина, малина, ежевика. Не всё созрело, но покушать можно. Путь не сложный, но какой-то нудный: за ухабом ухаб. Рюкзаки полегчали, но ноги устали и потёрлись. Выбрались на луга с высокотравьем. Здесь косят сено. На перевал ведёт тракторная колея. Видимо при желании трактор с прицепом через перевал пройти может.

Купаться готова!

Переправились через ручей, попили. Правильно сделали, далее долго воды не будет. Седловина перевала поросла кедрово-лиственником лесом. На лиственнице – ленточки: благодарность богам за безопасный путь. С перевала открывается хороший вид, как на Аккем, так и Кучурлу. Спуск долгий, километров шесть, противный.

Наконец, спустились. Достигли родную Кучерлу, прошли по ней вниз, перешли мостик и расположились на берегу Катуня. Ребята из Свердловска разбили лагерь рядом. Костёр развели один на всех, устроили общий ужин.

Я тоже здесь был

Цель достигнута!

Метеостанция.

Стена Белухи придаёт Аккемскому озеру особую красоту.

Как я уже упоминал, альпинисты сильно переругались. Дурные примеры заразительны: мы с Идой тоже разпоругались. В своей семейной жизни сотый раз наверно. Но на этот раз из-за какого-то пустяка и с удивительной силой. Так – впервые. Нервы сдали. Залезли в палатку, долго ворочались, как турбины, в спальниках. Не могли заснуть. Злоба наполняла палатку. Наконец, бросились друг на друга и сплелись в каком-то диком сексе. Обвалили столб палатки. Так и заснули.

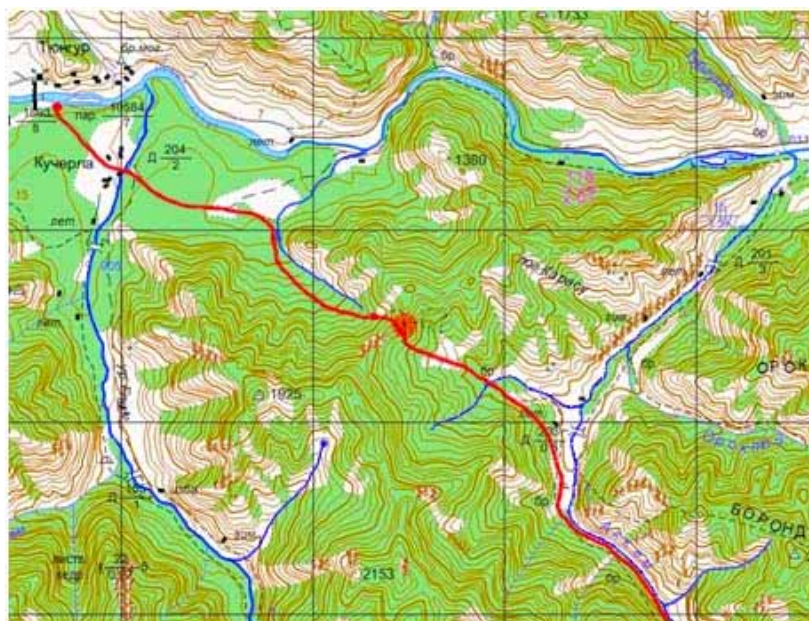
Помогло! Не сразу, но помирились.

Утром переправились через Катунь на пароме. Это оказалось бесплатно. Легенда, что какой-то чувак дал взятку гуляла по округе. Я не сознавался. Паромщик же встретил

меня, как родного, и долго тряс руку. В Тюнгуре Свердловчане зафрактовали крытый грузовичок с лавками. Прихватили нас, и мы с ветерком промчались до самого Бийска. Там билетов на Москву не оказалось ни на поезд, ни на самолёт. Отправились все вместе в Новосибирск. В вагоне альпинисты зажгли примус (впервые такое вижу, всё же игры с бензином опасны), сварили суп, кашу, вскипятили чай. Покормили и нас.

Перевал Кучурла

Наш маршрут через перевал Кучурла.

Хорошо, когда рюкзак пустой.

В Новосибирске мы с Идой взяли такси и отправились через Обь в аэропорт Толмачово. Там, после трёх часов дежурства у кассы, добыли билеты. Прибыли в Москву вечером и успели домой на ужин.

Хорошо отдохнули!

1978 Горно-Алтайск – Чибит – Орой – река Шавла – озеро Шавло – Катунь – Аргут – Бийск

Поход по Алтаю (Я, Ида и Наташа): Горно-Алтай – Онгудай (ночевка под кроватью, попутка – газик с пьяным шофером, рюкзаки – отдельно на прицепе грузовика с кирпичом) – Чибит (а вещи где?), мост через Чую – Орой – Шабала – р.Шавла – оз. Шавло (идолы, снежная лавина, поход на ледник, подъём на перевал, снежная буря, холодная ночёвка в засыпанной снегом палатке, спуск обратно к Шавло). Самультинский перевал взять не удалось. Река и ущелье Аргут. Цветное фото, слайды, кино бмм. От моста через Чую до Акташа на открытом грузовике. Ночёвка в Акташе в палатке на берегу речки. Горно-Алтайск – гостиница – Бийск, в Москву билетов нет. Штурм поезда, ночь на третьих полках, Новосибирск – поезд до Москвы.